

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

П.М. ШАСТИТКО

НАНА САХИБ

(Рассказ о народном восстании 1857 – 1859 гг. в Индии)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

Ответственный редактор
Л. Р. ГОРДОН-ПОЛОНСКАЯ

Шаститко П. М.

Ш 27 Нана Сахив. (Рассказ о народном восстании 1857—1859 гг. в Индии). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

168 с. с илл. 15 000 экз. 56 к.

Книга посвящена героической борьбе индийского народа против английских колонизаторов. Автор рассказывает о событиях, предшествовавших восстанию 1857 г., и о его ходе, о героях и вождях движения, о славных победах и жестоких поражениях.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава I. Накануне

Чужеземцы в Индии

Перед взрывом

Приемный сын пешвы

Глава II. Пламя над страной

Взрыв

Нана Сахиб переходит Рубикон

Триумф

У кормила власти

Глава III. Закат

Поражение

В Ауде

Падение Дели

Нана Сахиб снова в Канпуре

Измена

Глава IV. Звезды в ночи

Лакшми Бай

Партизанские бои Тантия Топи

Смерть в изгнании

Словарь терминов, имен и историко-географических названий

Указатель источников

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1957 году в Индии и Пакистане торжественно отмечалась столетняя годовщина освободительного восстания 1857 года, которое было ответом народов огромного индо-пакистанского субконтинента на вторжение чужеземцев и образование Британской колониальной Индии.

10 мая 1857 года солдаты-индийцы (сипаи)* (* См. примечания в конце книги.) английского гарнизона города Мирута перебили своих офицеров и подняли знамя борьбы против ига Великобритании. Мятежные полки сипаев двинулись в древнюю столицу Индии Дели, где были встречены восторженными толпами горожан. Восставшие беспрепятственно вошли в город: солдаты делийского гарнизона присоединились к ним. Повстанцы, окружив дворец Бахадур-шаха, последнего падишаха некогда могущественной династии Великих Моголов, провозгласили его императором Индии, независимым от английской Ост-Индской компании, власть которой в Индии была объявлена низверженной. Начатое в Мируте восстание распространилось по всему Северному Индостану. За один месяц развалилась созданная столетним господством машина английской колониальной администрации, и фактически перестала существовать многочисленная Бенгальская армия сипаев, бывшая до тех пор важным орудием порабощения индийцев в руках английских колонизаторов.

Восстание в Индии вызвало громадный резонанс во всем мире, породив тревогу за судьбу своих колоний у буржуазии Европы и вселив надежду в сердца угнетенных народов Азии. К. Маркс писал Ф. Энгельсу в январе 1858 года об интернациональном значении восстания * (* Сноски с указанием источников см. в конце книги.): «Индия, с тем отливом людей и денег, которой, она будет стоить Англии, является теперь нашим лучшим союзником»¹. Перу К. Маркса и Ф. Энгельса принадлежат блестящие статьи, содержащие глубокий анализ хода восстания и характеристику участвовавших нем социальных сил ** (** Восстанию 1857—1859 гг. посвящена большая литература. Пожалуй, ни об одном народном восстании XIX века не написано столько работ, сколько о восстании индийского народа. Особенно много поусердствовали английские ученые и колониальные чиновники, миссионеры и офицеры-каратели, которые долгие годы фальсифицировали историю восстания. В последнее время индийские историки создали ряд работ, объективно осветивших историю этого народного движения. Большую работу проделали и советские историки. И. М. Рейснер, А. М. Осипов, Ю. Н. Петченко, Э. Н. Комаров, Г. Г. Котовский, Л. Р. Гордон-Полонская, Н. И. Семенова и др.).

Война за независимость в Северной и Центральной Индии продолжалась с 1857 по 1859 год. Не только по своему размаху, но и по силе подъема народного патриотизма история Индии не знала такого движения. Более того, в мировой истории национально-освободительных войн и народных восстаний было мало таких выступлений, которые можно было бы сравнить с восстанием индийского народа по масштабам борьбы, ее длительности, по величине территории, находившейся в руках повстанцев. Достаточно сказать, что в проходившей за несколько лет до него Крымской войне с Россией англичане использовали меньше войск и понесли меньшие потери, чем в подавлении освободительного движения 1857—1859 годов в Индии.

Главной движущей силой восстания, начатого сипаями, были многомиллионные массы крестьян и городского торгово-ремесленного люда. Их самоотверженная борьба обусловила широкий размах освободительной войны, переросшей рамки племенной, религиозной и кастовой ограниченности. В ходе восстания объединились сипаи, крестьяне, ремесленники, торговцы, представители феодальных образованных слоев, феодальные правя» тели, лишенные завоевателями былой власти и привилегий.

Однако, хотя крестьянство и составляло основную массу восставших, восстание не вылилось в крестьянскую антифеодальную войну. В условиях феодальной Индии того времени крестьяне и ремесленники не смогли выдвинуть руководителей, способных стать признанными вождями всего народа. У руководства восстанием оказались патриотически настроенные представители класса феодалов, лишенные иноземцами своих господствующих позиций в стране. Стремясь восстановить свою былую власть и могущество, эти феодалы примкнули к народным массам и возглавили их освободительную борьбу.

Для феодалов, исторически обреченного класса, это была война отчаяния, в то время как для народных масс она была войной надежды. Восстание 1857—1859 годов в Индии было последним самым крупным по масштабу и самым драматическим по характеру проявлением феодального патриотизма.

Но выступления феодалов были слабо связаны между собой. Эти разрозненные взрывы могли пробить лишь отдельные бреши, но не разрушить колониальную тюрьму. На борьбу за освобождение Индии от английского ига поднялись, главным образом, те феодалы, чьи эгоистические интересы были непосредственно ущемлены Ост-Индской компанией. Эта особенность восстания обусловила локальный характер антианглийских выступлений. Отсутствие единого центра борьбы привело к созданию отдельных, мало связанных между собой очагов народной войны, таких, как Дели, Лакхнау, Канпур, Джханси и некоторых других.

Разобщенность оказалась одной из основных причин поражения восстания. Мобилизовав силы метрополии и других колоний, снабдив армию современным для того времени оружием и поставив во главе карательных войск опытных командиров, английские

колонизаторы в двухлетней упорной борьбе сломали ожесточенное сопротивление повстанцев и восстановили свое владычество в Индии.

Одним из важных центров движения был район Канпура, а вождем его — один из наиболее ярких представителей феодального патриотизма Нана Сахиб.

Фигура Нана Сахиба окружена ореолом романтизма и легендарности не только в самой Индии, но и в других странах. Он стоит в одном ряду с Лакшми Бай, Тантия Топи, Кунвар Сингхом и другими героями восстания. Таким сохранился его образ в памяти народно? В песне о восстании поется:

«Поднимается песня радости, песня свободы.
Во всех уголках страны слышна эта песня.
Здесь сражается Лакшми Бай и пешва Нана,
Там Кунвар Сингх из Бихара».

Наш соотечественник П. И. Пашино, посетивший Индию почти четверть века спустя после восстания, приводит интересное высказывание одного мусульманина из города Кастри (расположенного на расстоянии нескольких сотен километров от главных очагов восстания 1857—1859 годов): «Объявись теперь кто-нибудь Нана Сахибом — и я первый бросился бы сейчас обрывать телеграфные проволоки и взламывать рельсы из мести за моего казненного отца. Поверь, душа, не я один, а сотни, не сотни, а тысячи, десятки и сотни тысяч найдутся так же недовольных, как и я, в среде здешнего населения, которые не руками, а зубами готовы разнести все, что принадлежит здесь англичанам»².

Известный русский индолог профессор И. П. Минаев писал в своих дневниках, что сельские жители Махараштры недовольны англичанами, причем среди них «недовольство это сильнее, нежели среди так называемых образованных...». Народные массы не хотели верить в смерть вождя повстанцев. Они надеялись, что Нана Сахибу удалось скрыться и бежать. Среди народа родилась легенда, что Нана нашел убежище в России. Минаев писал: «Индийцы верят, что Нана Сагиб в России: они считают генерала Скобелева * (* См. примечания в конце книги.) за Нана Сагиба. Нана Сагиб жив»³. Путешествуя по стране во второй раз в 1880 году, он обратил внимание на то, что население Индии и особенно антианглийски настроенные индусы высших каст хорошо помнят Нана Сахиба.

Многие англичане — современники восстания — изображали Нана Сахиба кровавым деспотом, коварным заговорщиком. В литературе более позднего периода он! предстал перед читателем безвольной жертвой народной стихии, марионеткой, не игравшей никакой самостоятельной роли в движении. Нам кажется, что ни тот ни другой образ не соответствует исторической правде.

В сложном характере и непоследовательности действий Иана Сахиба отразилась трагическая противоречивость позиций социальных сил, которые он представлял в восстании. Но при всей своей классовой ограниченности он был борцом и патриотом, отдал жизнь за свободу своей родины. И закономерно, что в 1957 году в небольшом городке Битхуре, где находилась резиденция Нана Сахиба, правительство Индии установило его бронзовый монумент. На пьедестале памятника высечены слова: «Пророку и вождю восстания Нана Сахибу Данду Панту, огонь самопожертвования которого озаряет Индии путь в веках»⁴.

В этой книге автор пытался обобщить богатый, но противоречивый материал о Нана Сахибе. Многие события и факты из жизни Нана по-разному толкуются историками. Неясности, догадки и недостаточно аргументированные версии его поведения в ходе восстания, приводимые современниками, затрудняют описание его деятельности и определение его роли в освободительной войне индийского народа.

Эта книга не претендует на исчерпывающий анализ социальных сил, участвовавших в восстании 1857—1859 годов, и позиций всех его руководителей. Цель автора — познакомить читателей с драматическими и героическими событиями индийской истории: с первой ве-

ликой освободительной войной народов индо-пакистанского субконтинента против английских колонизаторов и с одним из популярных ее вождей.

В заключение автор приносит свою благодарность А. М. Осипову, Е. Я. Люстерник и товарищам из Отдела Индии Института народов Азии АН СССР за ряд полезных советов и ценных замечаний, сделанных во время работы над рукописью.

ГЛАВА I НАКАНУНЕ

Однажды, двести лет назад, пришел купец,
послушный, жалкий,
И робкая его нога боялась сделать лишний шаг,
пока торговля
Не выросла в империю...

Р. Киплинг

Чужеземцы в Индии

Отряд тридцатидвухлетнего полковника английских вооруженных сил в Индии Роберта Клайва, состоявший из 800 европейцев и 2200 солдат-индийцев, расположился в небольшой рощице манговых деревьев близ местечка Плесси. Поднявшееся солнце, осветившее равнину, возвестило начало утра 23 июня 1757 года. В утреннем тумане напротив отряда Клайва стал виден громадный военный лагерь молодого наваба Бенгалии Сирадж-уд-даулы. Под знаменем наваба находилось около пятидесяти тысяч пехотинцев и восемнадцать тысяч всадников. Среди пестрых отрядов индийских феодалов виднелись подразделения французов, голландцев и представителей других национальностей, прибывших в Индию в поисках обогащения и состоявших на службе наваба.

За плечами Роберта Клайва была короткая, но полная превратностей жизнь. Выходец из семьи обедневших дворян графства Шропшир, он доставил много хлопот и огорчений своим родителям. В классе он был несчастьем для учителей и не мог долго удержаться ни в одной из школ, куда его с трудом устраивал отец. Отчаявшись дать сыну образование, родители пытались обучить его портновскому мастерству. Но и это не удалось. Тогда обескураженный отец решился на последний шаг, и, когда Роберту исполнилось 18 лет, корабль «Винчестер» повез его в далекую Индию в город Мадрас, где незадачливый юноша должен был стать писцом торговой Ост-Индской компании, созданной в 1600 году. Роберт не долго прослужил мелким чиновником компании. Он поступил в армию. Этот шаг изменил всю его жизнь.

Середина XVIII века была критическим периодом истории Индостана. Некогда могущественные государства Индии пришли в упадок. В огне крестьянских войн, восстаний феодалов и нашествий чужеземных захватчиков распадалась непобедимая ранее Империя Великих Моголов. Этим воспользовались иноземные колонизаторы. Сотни раздираемых междоусобицами и распрями княжеств оказались бессильными перед английскими рыцарями первоначального накопления, которые сумели создать крепкие опорные пункты на побережье. Началось завоевание Индии,

Чужеземцы и раньше вторгались в богатую Индию. Но они либо растворялись в местном населении, как это случилось со средневековыми завоевателями из Передней и Средней Азии, предводители которых стали основателями правящих династий феодальных мусульманских правителей, либо ограничивались получением дани и уходили, как это делал персидский шах Надир.

Ко времени исторической битвы под Плесси в Индии орудовало несколько торговых компаний европейской буржуазии: английская, голландская и французская. К середине XVIII века самой богатой и сильной стала английская Ост-Индская компания. Центрами ее деятельности были Мадрас на восточном побережье Индостана и Бомбей — на западном. С

каждым годом расширялись ее позиции в Бенгалии, где важнейшим опорным пунктом Компании стала основанная в 1690 году в устье реки Хугли Калькутта. В Мадрасе, Бомбее и Калькутте были созданы сильные военно-политические базы с мощными фортами и большими гарнизонами войск. Росло значение этих городов и как новых экономических и торговых центров; в них, как грибы после дождя, возникали склады и конторы, строились казармы и форты, отсюда отплывали в Англию корабли с грузами со всего полуострова.

Постепенно Ост-Индская компания трансформировалась: из силы торговой она становилась силой военной, из объединения группы купцов — превращалась в организацию английской торговой буржуазии. Компания создала более совершенный, чем существовавший у индийцев, аппарат эксплуатации и управления.

Завоевательные войны в Индии англичане вели силами самих индийцев, создавая из них отряды сипаев, которыми командовали офицеры из числа завоевателей. К числу этих офицеров и принадлежал Роберт Клайв. Он был послан в Бенгалию для борьбы против бенгальского наваба Сирадж-уд-даулы, сражавшегося против английской Ост-Индской компании и захватившего Калькутту. Предстоящая битва при Плесси решала и дальнейшую судьбу самого Клайва: победа несла ему славу и богатство; поражение могло свести на нет все его предшествовавшие успехи. И вот армия Сирадж-уд-даулы была перед ним.

Роберт Клайв знал, что успех предстоящего боя зависел не столько от его военного, сколько от дипломатического искусства: военачальник наваба Мир Джафар, претендент на бенгальский престол, заключил с Клайвом тайное соглашение, по которому англичане обещали признать его навабом Бенгалии, за то что он в свою очередь обещал изгнать из Бенгалии французов и создать благоприятные условия для деятельности английской Ост-Индской компании. Будет ли Мир Джафар содействовать поражению Сирадж-уд-даулы в предстоящей битве — вот что тревожило Клайва.

Битва началась в 8 часов утра. Клайв боялся атаки индийской конницы, против которой его отряд не был защищен. Но атаки не последовало. Активность проявлял только правый фланг. Левый фланг и центр Мир Джафара в наступление не перешли. Интрига Клайва сделала свое дело. Мир Джафар предал Сирадж-уд-даулу, предал свой народ. Тогда Клайв повел свой отряд в решительную контратаку. Начавшееся отступление центра Мир Джафара превратилось в паническое бегство. Вскоре стало беспорядочно отступать все войско наваба, бежал и сам наваб. Потеряв 18 человек убитыми и 56 ранеными, англичане одержали победу. Сирадж-уд-даула был вскоре схвачен и убит Мираном, сыном Мир Джафара.

Битва при Плесси сыграла решающую роль в завоевании Бенгалии и установлении английского господства в Индии. Вступив в старую столицу Бенгалии Муршидабад, Клайв писал: «Этот город такой же большой, густо населенный и богатый, как Лондон, с той только разницей, что в Муршидабаде отдельные лица значительно богаче, чем в Лондоне»¹. В короткий срок большая часть Бенгалии оказалась под властью колонизаторов. Захват Бенгалии сопровождался беспримерными в истории грабежами. Золото, уникальные украшения храмов, драгоценности индийских феодалов и сокровища князей оказались в руках грабителей.

Расхищение богатств одной только Бенгалии принесло компании свыше 37 млн. фунтов стерлингов, а ее верхушке достался 21 миллион. Клайв, покинувший Англию безвестным неудачником, превратился в одного из самых богатых и знатных людей буржуазной Англии. Грабежи «победителей» были настолько наглыми, что Палата общин английского парламента потребовала у Клайва отчета в его действиях в Индии. Клайв отчитался: «Богатый город был у моих ног, могущественное государство было в моей власти, мне одному были открыты подвалы сокровищницы, полной слитков золота и серебра, драгоценными камнями. Я взял всего 200 тыс. фунтов стерлингов. Джентльмены, до сих пор я не перестаю удивляться собственной скромности»².

Ост-Индская компания, подобно саранче, опустошала земли Индии. В 1789 году генерал-губернатор лорд Корнуоллис сделал откровенное признание: «Я могу смело

утверждать, что треть территории, принадлежащей компании в Индостане, представляет собой джунгли, населенные только дикими зверями»³.

Кризис империи Великих Моголов и борьба против Могольского императора маратхских княжеств, принадлежавших к числу самых сильных и боеспособных феодальных государств Индии конца XVIII — начала XIX века, позволили английским колонизаторам навсегда покончить с этой некогда могущественной империей. В 1803 году английские войска под командованием генерала Лейка взяли Дели. Могольский император превратился в пенсионера Ост-Индской компании.

Воспользовавшись соперничеством маратхских княжеств, английские колонизаторы разбили также войска маратхской конфедерации, а самого пешву Баджи Рао II лишили власти и выслали в небольшой городок Битхур. Земли маратхских княжеств были включены в состав британских владений в Индии.

Независимыми оставались некоторые государства Северной Индии; самым могущественным из них была держава сикхов в Пенджабе. Покорение Северной Индии завершилось к середине XIX века. В 1843 году был завоеван Синд, в 1849 году окончательно сломлено сопротивление воинственных сикхов. С присоединением к британским владениям Пенджаба было завершено образование колониальной Британской Индии.

Путем открытого военного грабежа, используя монополию на торговлю солью и продажу опиума, а главное путем эксплуатации крестьянства и взимания непомерно высокого земельного налога компания добилась баснословного обогащения. Золотой поток, идущий из Индии, и труд английских рабочих сделали Англию ведущей промышленной державой, «мастерской мира». Растущая промышленная буржуазия потребовала своей доли участия в эксплуатации колоний и ограничения прав торговцев Лондона. Выражая ее мнение, известный государственный деятель Англии Веллингтон заявил: «Индия должна управляться скипетром государственного человека, а не аршином из конторы купца»⁴.

Усиление промышленной буржуазии привело к коренным изменениям в положении Индии. Страна была быстро вовлечена в орбиту складывающегося мирового рынка и мирового хозяйства. Но это вовлечение, однако, было не закономерным следствием экономического развития, а явилось насильственным превращением страны в аграрный придаток метрополии, что привело к нарушению естественного хода экономического и социального развития индийского общества.

Громадная страна, подвергавшаяся сначала военному разграблению, находившаяся непрерывно под жестким налоговым прессом, постепенно, мучительно становилась рынком сбыта английской промышленности и источником ее сырья. Тяжелый удар был нанесен индийскому национальному ремеслу и торговле.

Издавна Индия славилась своим хлопчатобумажным производством, и тончайшие индийские ткани поражали удивительной красотой и прочностью. Англичане, закрыв английский рынок для индийского текстиля, наводнили Индию дешевой продукцией машинной промышленности метрополии. В период с 1818 по 1836 год экспорт пряжи из Великобритании в Индию вырос в 5200 раз! Городская хлопчатобумажная промышленность была беспощадно раздавлена. Ремесленники тысячами покидали города. Население Дакки, например, сократилось со 150 тысяч до 30 тысяч человек.

В 1835 году генерал-губернатор Индии Бентинк докладывал в Лондон: «Равнины Индии белеют костями ткачей»⁵. В 1840 году крупный английский чиновник Чарлз Тревельян говорил об индийцах: «Мы уничтожили их отечественное производство, они зависят целиком от продукции своей земли»⁶. Лишенные средств к существованию, городские ремесленники роптали и готовы были подняться на борьбу с чужеземцами.

Английская колониальная политика привела к глубокому кризису сельскохозяйственного производства, усилила эксплуатацию крестьян и нанесла серьезный удар традиционной крестьянской общине. Торговцы и ростовщики, связанные с Ост-Индской компанией, начали отбирать у крестьян за долги их участки. Земля общинников переходила в руки ростовщиков. Колониальный чиновник в Канпуре сообщал в 1841 году:

«Не проходит и месяца, чтобы не появился длинный список владений, продающихся по решению суда. Почти всегда продажа совершается после взыскания частных долгов... Отсюда следует, что продажа в порядке взыскания частных долгов на деле представляет собой форму продажи за налоговые недоимки»⁷.

Крестьяне часто бросали свои поля и жалкие орудия труда и уходили из деревень. В плодородной долине Ганга начали появляться необработанные земли и пустоши. Один из английских чиновников доносил своему правительству, что «явление... с которым можно встретиться повсеместно, это бродящие в поисках работы многочисленные крестьяне, которую они счастливы получить за какую бы то ни было, хотя бы самую ничтожную, плату»⁸. Бедность, удручающая, жалкая, мучительная, воцарилась в индийской деревне. Голод стал уже не частым гостем, а постоянным спутником абсолютного большинства ее жителей. Индийское крестьянство представляло в середине XIX века «горючий материал», готовый вспыхнуть пламенем народной войны.

Недовольство земледельцев разделяли мелкие феодалы, которые последовательно и жестоко экспроприировались колонизаторами.

Давая общую оценку аграрной политики Компании, чиновник Томасон писал: «Наша налоговая система носит разрушительный характер: она стремится придавить все туземное общество, лишить его старых вождей и руководителей, создать однообразную массу крестьянства, над которой непосредственным образом господствует наша бюрократическая система»⁹.

Один из участников проведения этого курса в княжестве Ауд вспоминал впоследствии, что «лишить феодала его поместья почиталось таким же хорошим делом, как застрелить тигра»¹⁰.

Английский чиновник Робертсон, выражая вполне обоснованные опасения некоторых более дальновидных колониальных чиновников, писал: «Попытка править страной без помощи каких-либо туземных посредников представляет собой опасный эксперимент. Тем не менее, как мне представляется, проводимые нами сейчас меры ведут как раз к этому»¹¹.

Многие феодалы понимали, что защитить честь родины и спасти свои имения они могут, лишь обнажив мечи в борьбе против захватчиков.

Установление английского колониального господства вызвало также серьезное недовольство образованных слоев феодального общества, так называемой феодальной интеллигенции. Английская административная и судебная реформы и реформы в области просвещения лишили ее прежних постов и источников дохода. Расовая и национальная дискриминация усугублялась дискриминацией религиозной.

Большинство населения Индии, как известно, исповедовало индуизм. В то же время, поскольку основателя средневековых феодальных империй были выходцами из Передней и Средней Азии, мусульманами по религии, среди значительной части феодальной знати получил широкое распространение ислам. В отдельных районах Северной Индии (вошедших в современный Пакистан) ислам распространился и среди трудящихся масс и стал религией большей части населения.

В первый период своей колонизаторской деятельности англичане пытались заручиться сочувствием мусульманских мулл и индусских пандитов. Видный колониальный чиновник английской администрации М. Элфинстон специально устроил в столице маратхов Пуне большой съезд религиозных проповедников. Элфинстон заверил участников съезда в уважении к деятельности индусских и мусульманских богословов и обещал полную свободу вероисповедания¹².

Упрочение экономических и политических позиций колонизаторов в Индии привело к изменению их религиозной политики. В деле укрепления английских позиций в Индии серьезное внимание стало уделяться миссионерской деятельности христиан. Председатель совета директоров Ост-Индской компании Менглес, выступая в палате общин английского парламента, сказал по этому поводу: «Провидение вручило обширный Хиндустан Англии для того, чтобы знамя Христа победно развевалось по всей Индии. Каждый должен

приложить все усилия для продолжения в ней деятельности по превращению всех индусов в христиан»¹³.

В ответ на это многочисленное индусское и мусульманское духовенство готово было призвать верующих к борьбе с чужеземцами.

Английская колониальная политика ущемляла интересы не только всех социальных слоев населения Бриганской Индии, но и сохранявших еще независимость феодальных княжеств. Превращая князей в своих пенсионеров и опутывая их системой кабальных договоров, английские колонизаторы видели свою конечную цель в аннексии территорий княжеств и включении их в состав своих колониальных владений. Один из английских чиновников высказался на этот счет вполне определенно: «Это была... система откармливания союзников, как мы откармливаем быков, прежде чем их съесть»¹⁴.

Непременными статьями любого договора между английской администрацией и индийским владельцем были пункты, содержащие отказ от права на оборону и самостоятельность дипломатических отношений, что лишало князей возможности вести любые переговоры не только с другими странами, но и друг с другом.

Однако даже марионеточные княжества стали помехой на пути английской промышленной буржуазии в ее стремлении создать наиболее благоприятные условия для эксплуатации Индии. Период новых захватов и аннексий был связан с именем генерал-губернатора Индии лорда Дальхузи.

В год вступления на этот пост (1848) 35-летний лорд выразил свои взгляды на колониальную политику в следующих словах: «Я пользуюсь случаем выразить мое твердое и продуманное мнение, что, проводя здравую и мудрую политику, английское правительство не будет стоять в стороне или упускать благоприятные законные возможности приобретения новых территорий или введения обложения налогом, которые временами возникают из-за ошибок правителей зависимых государств или неудачной деятельности их дегенеративных наследников»¹⁵. Для того чтобы придать видимость «законности» новым захватам, колонизаторы приняли специальный акт, названный «доктриной о выморочных территориях». По этому акту законным считалось присоединение любой территории, если после смерти раджи не было прямого наследника мужского пола. Доктрина о выморочных владениях была не единственным основанием для оправдания политики аннексий. «Законным» считалось присоединение княжества в том случае, если, по мнению деятелей Ост-Индской компании, его раджа плохо управлял своим народом.

К 1856 году Дальхузи аннексировал почти все княжества, расположенные на территории Британской Индии и сохранявшие формальную независимость.

При этом он даже не пытался завуалировать истинные цели своей политики, а с циничной откровенностью заявлял, что они «состоят в том, чтобы превратить Индию в рынок сбыта для английских товаров и в источник сырья»¹⁶.

Включая все новые и новые индийские княжества в состав Британской Индии, колонизаторы не считались ни с традиционными экономическими связями, ни с этнической консолидацией населения отдельных районов страны, ни с языковыми различиями.

К. Маркс писал в 1857 году: «...последние годы в управлении Индией был принят новый принцип — принцип разрушения национальности. Этот принцип осуществлялся посредством насильственного уничтожения власти туземных князей, нарушения установленных отношений собственности и вмешательства в религиозные дела народа»¹⁷.

К середине XIX века на территории Британской Индии сохранялось лишь одно большое, формально суверенное княжество — Ауд. Его территория уже была порядком урезана Компанией еще во времена генерал-губернаторства Хейстингса, когда у наваба Ауда были отобраны города Бенарес и Аллахабад с прилегающими к ним районами.

Дальхузи решил окончательно покончить с мнимой независимостью Ауда. Английский резидент в Ауде полковник Слимман попытался воспротивиться авантюристическому намерению генерал-губернатора, но его попытка не увенчалась успехом, и он был отозван в Калькутту. Крупный чиновник Компании Генри Лоуренс

предупреждал Дальхузи, что аннексия может привести к взрыву народного возмущения. Это предостережение не было принято во внимание. На смену Слиману в качестве резидента Компании в столицу княжества город Лакхнау выехал генерал Аутрам, имевший задание убедить наваба Ауда официально отречься от своих суверенных прав и передать их англичанам. Одновременно в Канпуре Дальхузи сосредоточил значительную армию для вторжения в княжество. 1 февраля 1856 года Аутрам в сопровождении двух офицеров явился к навабу Ауда Ваджид Али и предложил ему распустить армию, срыть замки феодалов и запретить населению носить оружие. Напрасно Ваджид Али убеждал Аутрама, что он «никогда не совершал ничего такого, что бы могло не понравиться британскому правительству. Наоборот, он делал все, чтобы угодить ему и выполнить все указания, которые от него получал»¹⁸, и просил отложить выполнение этого приказа. Но участь княжества была уже решена. Позднее Дальхузи писал: «...я с самого начала выразил твердое намерение разрушить в Ауде укрепления и обезоружить население одновременно с опубликованием прокламации, которая должна была объявить о переходе страны в наши руки»¹⁶. Несмотря на советы опытных чиновников воздержаться от этих рискованных мер, Дальхузи ввел армию, сосредоточенную в Канпуре, в Ауд и, арестовав упорствовавшего Ваджид Али, аннексировал княжество.

«Итак, сегодня наша милостивая королева имеет на 5 миллионов подданных и на 1300 тысяч фунтов стерлингов доходов более чем вчера»²⁰, — доложил он в Лондон. Это сообщение было полной неожиданностью для Совета директоров, который не был поставлен генерал-губернатором в известность о подготовке такой крупной военно-политической акции. Дальхузи самонадеянно писал 12 февраля: «В своих инструкциях я исходил из того, что оккупация будет санкционирована»²¹. Аннексировав Ауд, англичане экспроприировали земли многих местных феодалов, разграбили и разрушили замки. Административный пыл Дальхузи имел печальные последствия для Ост-Индской компании. Захват Компанией Ауда был еще одним толчком, который ускорил взрыв народного возмущения и поставил в оппозицию колониальным порядкам в Индии сипаев Бенгальской армии.

Англо-индийская армия была важнейшим орудием утверждения английского господства. Крупный колониальный чиновник Джон Малкольм писал: «Эта империя основана шпагой и может быть сохранена только шпагой», и далее: «...без армии это громадное здание, воздвигнутое с такими трудами, начнет колебаться в основании и непременно обрушится при первой будущей буре»²².

Войска Компании состояли из трех армий: Бенгальской, Бомбейской и Мадрасской. Они использовались в завоевательных войнах как в самой Индии, так и за пределами — в Иране, Афганистане, Бирме.

К середине XIX века, когда Индия окончательно превратилась в колонию Англии, армия сипаев фактически выполняла полицейские функции. Она являлась главной силой, поддерживавшей власть колонизаторов в стране.

Наиболее значительной по численности и важной военно-политическом отношении была Бенгальская армия, в 1857 году она насчитывала около 170 тысяч человек (Мадрасская — 62 тысячи, Бомбейская — 56 тысяч). Европейцы в Бенгальской армии составляли лишь 24 тысячи солдат и офицеров.

Колонизаторы привлекали на военную службу в первую очередь представителей высших индусских каст — раджпутов и брахманов. Англичане стремились опереться на крепкую в экономическом отношении прослойку и использовать воинские традиции этих каст. Накануне восстания для Бенгальской армии было характерно определенное кастовое и религиозное единство. При вербовке в Мадрасскую армию, а отчасти и в Бомбейскую использовалась уже не воинская традиция, а просто безвыходное положение населения. Поступление в армию для обездоленных представителей низших каст было почти единственным средством спасения от нужды. Различные принципы вербовки были связаны с расчетом! колонизаторов на противопоставление контингента Бенгальской армии сипаев низших каст, из которых состояли Мадрасская и Бомбейская армии.

Основной состав синайской пехоты Бенгальской армии набирался среди воинственных раджпутов Ауда.

Предшественник Аутрама на посту резидента в Лакхнау полковник Слимман писал: «Крупные землевладельцы строят укрепления, которые они защищают с помощью своих земледельцев — раджпутов — храбрейших людей мира. Именно из этого крестьянства — военных земледельцев Ауда — три четверти рекрутов получает наша туземная пехота Бенгальской армии»²³.

Другой английский чиновник писал: «Вряд ли в Ауде найдется семья, которая не была бы представлена в туземной армии»²⁴.

Положение армии сипаев в английском колониальном аппарате было сложным и противоречивым. С одной стороны, она служила колонизаторам орудием удержания власти и угнетения населения Индии и поэтому была хорошо вооружена, экипирована и обеспечена; с другой — и в армии сохранялось неравноправное положение индийцев по сравнению с англичанами.

Английские офицеры глумились над религиозными чувствами и обычаями индийцев, держались высокомерно по отношению к индийским солдатам и офицерам. Сипай, прослуживший много лет, мог получить лишь чин капитана, но и тогда он не имел права сидеть в присутствии британского офицера хотя бы и низшего ранга. Характерно также, что капитан-индеец после 40 лет службы получал оклад 40 рупий в месяц, в то время как капитан-европеец независимо от стажа получал 563 рупии. В армейском уставе было записано: «Разумеется, что туземные офицеры точно так же подчинены офицерам своих рот, как и остальные сипаи. Они не имеют никакой особой власти, которая могла бы в каком-нибудь случае сделать их независимыми от ротного начальства»²⁵.

Бесправие индийцев в армии удивляло даже буржуазию метрополии. Один из политических деятелей запозданием сетовал: «Читая письма наших офицеров перед началом восстания, приходишь к выводу, что каждый субалтерн имеет власть повесить или застрелить сипая, если захочет, и он делает это кровавое дело с такой легкостью, как будто охотится на дикого зверя»²⁶. Бесчинства англичан в Ауде, родине большинства сипаев Бенгальской армии, переполнили чашу их терпения, сблизили с народом. Солдаты и офицеры и раньше были связаны с населением тесными религиозными, родственными и другими узами. Сипаи находились в постоянном контакте с родными деревнями, с той средой, из которой они вышли.

Противопоставив себе Бенгальскую армию, англичане создали направленную против себя самую организованную силу сопротивления, какой только мог обладать индийский народ.

Карл Маркс писал: «В истории человечества существует нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам же угнетатель... Восстание в Индии начали не измученные, униженные и обобранные до нитки англичанами райяты, а одетые, сытые, выхоленные, откормленные и избалованные англичанами сипаи»²⁷.

Восстание 1857—1859 годов было ответом народов Индии на установление над их страной власти чужеземцев. Терпение народа истощилось. Восстание было выражением воли всего населения Северной Индии, видевшего в нем акт исторической справедливости,

Перед взрывом

29 февраля 1856 года английское правительство утвердило назначение новым генерал-губернатором Индии виконта Чарлза Джона Каннинга. Собственно говоря, виконт никаких особенных заслуг не имел и опыта деятельности в колониях, подвластных ее величеству королеве Великобритании Виктории, не накопил. Но он был сыном Джорджа Каннинга, государственного деятеля Англии первой половины XIX века, премьер-министра, умного и гибкого политика, с именем которого связано упрочение власти растущей и

крепнущей в то время английской торговой буржуазии. Совет директоров Ост-Индской компании, которому подчинялся генерал-губернатор Индии, хотел громким именем Каннинга прикрыться от настойчиво звучащих требований промышленников ликвидировать привилегии английской торговой буржуазии в эксплуатации крупнейшей и богатейшей колонии Англии.

Генерал-губернатор Индии имел большие, почти неограниченные полномочия. В его распоряжении были армия, суд, полиция, он издавал законы и облагал налогами, он вершил судьбы целых народов, в Индии он был всемогущ. Казалось, ничто не могло поколебать веры английской буржуазии в прочность созданной системы подчинения и ограбления Индии. Однако наиболее дальновидные деятели английской колониальной политики понимали, что прочность и незыблемость положения колонизаторов в Индии кажущиеся.

Новый генерал-губернатор Британской Индии Каннинг, отдавая себе отчет в предстоящих трудностях, сказал на банкете в честь его назначения: «В безоблачном небе Индии может возникнуть небольшое, не больше ладони, облачко, но, разрастаясь все шире, оно в конце концов может разразиться бурей, которая превратит наше господство в руины»²⁸.

Прибыв в Калькутту, Каннинг убедился, что действительность значительно мрачнее его тревожных предположений. В долине Ганга, в сердце Индии и колыбели ее древней культуры, зрело возмущение индийского народа против ненавистного ига английских колонизаторов. Индийские пандиты и мусульманские маулави, факиры и дервиши, народные певцы и поэты своими патриотическими песнями и рассказами будили в народе стремление подняться на священную борьбу за религию и свободу против ига ненавистных иноземцев и иноверцев. Они пели о великих подвигах Рамы, о смелом и справедливом царе Викрамадितье, о могучей державе императора Акбара, о несчастной участи, которую готовили для народов Индии пришельцы из-за моря, и угрозе, нависшей над верой и религией индусов и мусульман. В стране распространился слух, что индусские брахманы и мусульманские муллы услышали одновременно предсказание и Вишну и Аллаха о том, что проклятое господство нечестивых христиан продлится не более 100 лет, — в 1757 году, битвой при Плесси, было положено начало английского хозяйничанья в Индии, в 1857 году оно должно закончиться.

Слухи о скором конце власти англичан проникали из города в город, из села в село. Во время религиозных праздников участники мистических представлений, загримированные под героев древнего эпоса, выносили кукол, одетых в знакомую, ненавистную всем одежду англичан, набрасывались на этих кукол с обнаженными мечами и под восторженные крики зрителей рубили их.

В начале 1857 года по деревням начали передаваться небольшие лепешки — «чапати». Чапати распространялись как среди индусов, так и среди мусульман. Английские чиновники, узнавшие о каких-то таинственных лепешках, были немало озадачены и, предчувствуя в них недобрый смысл, сочли благоразумным доложить командованию об этом странном явлении. 19 февраля служащий одного из магистратов написал своему начальству: «Сэр, я имею честь информировать вас, что во многих деревнях округа распространился сигнал, значение которого еще не установлено. Чаукидары деревень получали маленькие лепешки из атта с указанием раздать их по всему округу. Чаукидар, получая такую лепешку, приготавливал пять или шесть еще, и таким образом они переходили из деревни в деревню»²⁹.

Кто-то из английских офицеров вспомнил, что 50 лет назад в небольшом городке Веллур среди туземных солдат-сипаев также распространялись чапати и после этого однажды ночью солдаты перерезали английских офицеров и восстали. Для колонизаторов стало очевидным, что в некоторых районах Северной Индии зреет мятеж, который необходимо было пресечь силой оружия.

Все надежды возлагались на Бенгальскую армию сипаев. Однако в армии, созданной как орудие завоевания Индии и задуманной как прочная опора колониальных порядков, также зрели семена недовольства. Из полка в полк солдаты передавали священный цветок

индусов — красный лотос, который, по мнению некоторых чиновников, был знаком согласия принять участие в борьбе против ферингов. Полковые муллы в своих проповедях призывали солдат-мусульман готовиться к правой борьбе за ислам. Индусские пандиты также подняли свой голос за беспощадное истребление врагов веры.

На заборах военных лагерей появились листовки, в которых неизвестные авторы писали: «Братья, убейте наших тиранов, их не много!», «Если сипаи объединятся — белые будут каплей в море! Братья, бросимся своими телами на шпаги ферингов. Если мы все восстанем — успех обеспечен. От Калькутты до Пешавера будет гореть земля!»³⁰ Один за другим начали вспыхивать склады с военным снаряжением. Командующий войсками генерал Георг Ансон приказал найти поджигателей и предать их военно-полевому суду. Поиски виновников пожаров не увенчались успехом, и обескураженный генерал доложил генерал-губернатору: «Странно, что невозможно обнаружить поджигателей. Все здесь на чеку, но все же нет возможности выследить виновников»³¹.

В ночь на 5 февраля 1857 года в небольшом военном лагере Бархампур тайно собрались представители нескольких индийских полков. Встреча происходила в абсолютной темноте и лишь у места, где выступали сипаи, горел неяркий светильник. Красный дрожащий огонек едва освещал лоскуток материи, которым выступавшие прикрывали лицо. Они говорили о предстоящем восстании и обсуждали возможность похода на Калькутту для того, чтобы покончить с английским господством в Индии. В лагере сложилась тревожная и напряженная обстановка. Командир дивизии генерал Хирей доложил в Калькутту 11 февраля: «Ежеминутно ожидаю под собой взрыва мины»³².

В это время согласно приказу английского командования началось вооружение Бенгальской армии новыми, более совершенными ружьями Энфилда. По полкам прошел слух, что это преднамеренное оскорбление религиозных чувств индийцев. «Феринги выдают к этим ружьям патроны, смазанные коровьим салом», — передавали с возмущением друг другу индусы (корова, согласно канонам индуизма, — священное животное).

«Обертки патронов пропитаны салом грязной свиньи. Аллах не простит нас, если мы будем пользоваться ими», — шептали мусульмане.

26 февраля 19-й полк сипаев, дислоцированный в Бархампуре, должен был принять новое оружие и с этой целью был выстроен на плацу. Ни один сипай не согласился взять новое ружье. Командир полка полковник Митчел приказал подвести к непокорному полку артиллерию и кавалеристов. Вzbунтовавшихся солдат отправили в расположенный в 100 милях от Бархампура военный лагерь Барракпур. Прибытие мятежного полка накалило обстановку и в этом гарнизоне.

В конце марта в Барракпур прибыло новое подразделение английских войск. Сипаи, решившие, что они будут разоружены, заволновались.

29 марта после полудня молодой сипай 34-го полка Мангал Панди призвал солдат восстать в защиту религии. «Братья, поднимайтесь против ферингов! Умрем за веру!» — кричал он, обращаясь к солдатам, маршировавшим на учебном плацу. Английский офицер, командовавший подразделением, приказал арестовать смутьяна. Никто из индийцев не пошевелился. Мангал Панди схватил ружье и, выстрелив в англичанина, легко ранил его. Денщик одного из офицеров Шейх Пальту сообщил англичанам о событии на плацу. Дежурный офицер вскочил на лошадь и помчался к месту происшествия. Мангал Панди, увидев скачущего англичанина, выстрелил в него, но попал в лошадь. Успевший подняться офицер, прицелился. Раздался выстрел, но пуля из пистолета пролетела мимо сипая. Англичанин рванул из ножен шпагу и бросился вперед. Индиец выхватил клинок. Против сипая сражались два английских офицера. Но, ловко орудовавший клинком, Мангал Панди начал теснить их и легко ранил обоих. На выручку офицерам подоспел Шейх Пальту, схвативший Мангала Панди. Офицеры, пользуясь моментом, бросились бежать.

Командир дивизии Хирси приказал окружить плац английскими войсками и арестовать смутьяна. Увидев приближающихся английских солдат и понимая безнадежность сопротивления, Мангал Панди выстрелил себе в грудь. Но выстрел оказался не смертельным.

Раненого сипая схватили и отнесли в тюрьму. Через несколько дней состоялся суд военного трибунала. Мангал Пандл был приговорен к смертной казни через повешение. Чтобы привести приговор в исполнение, англичанам пришлось вызвать палачей из Калькутты, так как солдаты гарнизона не внушали им доверия. 8 апреля Мангал Панди был повешен, а через несколько дней был обнаружен труп неожиданно пропавшего Шейха Пальту. Найти виновников его смерти не удалось. Командование разоружило неблагонадежный полк. Однако положение в стране становилось все более напряженным. Назначенный 20 марта 1857 года резидентом в аннексированное, но все еще не успокоенное княжество Ауд один из наиболее авторитетных английских чиновников в Индии, Генри Лоуренс, 3 мая получил перехваченное английскими властями письмо сипаев 7-го иррегулярного полка к солдатам 48-го пехотного полка. «Мы, — писали сипаи 7-го полка, — готовы послушаться совета наших братьев из 48-го полка относительно дела о патронах и, если нужно, готовы сопротивляться силой»³³.

Становилось все более очевидным, что помимо надвигавшихся повсюду крестьянских волнений колонизаторам угрожал также солдатский мятеж. Антианглийские настроения охватывали все более широкие слои населения: и бедноту и имущих горожан. Ими стремились воспользоваться, чтобы вернуть утерянную власть, бывшие правители аннексированных англичанами индийских княжеств.

Генри Лоуренс доносил генерал-губернатору о том, что «признаки интриг также наблюдаются среди почтенных жителей города»³⁴. Он был прав. Сведения о захватах земель у знатнейших династий индийских правителей и весьма правдоподобные слухи о готовящихся в Калькутте новых аннексиях множили ряды недовольных. Страх за судьбу своих владений побуждал князей и крупных землевладельцев к активным действиям.

Среди отдельных групп феодальной знати, обиженной английской администрацией, росло убеждение в необходимости борьбы за освобождение Индии от англичан для восстановления утраченной власти. До англичан дошли слухи, что восстание начнется 31 мая.

Однако было бы ошибкой считать, что в Индии существовала единая организация по подготовке антиангл-ийского восстания. Растущее недовольство различных слоев еще не означало организованной подготовки к объединенному выступлению. Несравнимым было положение оппозиционных классов, разные перед ними стояли задачи. Но тягостный и унижительный гнет колонизаторов сплотил в антианглийской борьбе весь индийский народ.

Наиболее влиятельным среди феодалов, готовых взяться за оружие в борьбе против англичан, был Нана Сахиб, приемный сын бывшего правителя маратхов пеш-вы Баджи Рао II.

Приемный сын пешвы

Пешва маратхов Баджи Рао II, потерпевший жестокое поражение в войнах с Ост-Индской компанией еще в начале века, был препровожден англичанами в Битхур — небольшой городок на берегу Ганга. Брат Баджи Рао, Джимаджи Аппа, также высланный из Махараштры, поселился ниже по Гангу, в священном городе индусов Бейаресе. Братьев сопровождали тысячи слуг.

В 14 милях от тихого Битхура лежал город Канпур, крупнейший военный форпост англичан. Через него шла в то время Единственная хорошая стратегическая дорога от Дели до Бенгалии, сооруженная еще во времена расцвета государства Великих Моголов. В районе Канпура она пересекала Ганг. От Канпура 270 миль до Дели, 684 мили до Калькутты и 40 миль до Лакхнау — столицы княжества Ауд. Канпур — пыльный с узкими улицами, заставленными палатками и лотками, шумный и суетливый город, где скрещивались торговые и военные пути Индии, откуда лежала дорога в Ауд, в отдаленные княжества Центральной Индии и в столицу Могольской империи Дели,—был важнейшей военной базой колонизаторов. Весь этот район входил в состав административного района,

известного под названием Северо-Западные провинции Британской Индии. Уже в 1803 году (спустя два года после его захвата) Канпур стал центром налогового района — дистрикта — с населением более миллиона человек * (* По данным переписи 1853 г., население дистрикта составляло около 1 млн. 200 тыс. человек, из них индусов было 1 млн. 86 тыс.³⁵). Абсолютное большинство жителей дистрикта и самого Канпура составляли хиндустанцы, индусы по религии, занятые главным образом в сельском хозяйстве. Значительная часть обрабатываемой земли находилась во владении членов военно-земледельческой касты индусов — раджпутов. Англичане, вторгшиеся в район Канпура, сразу же обратили внимание, что местные жители резко отличаются от мирных жителей Бенгалии. Посетивший Канпур епископ Гебер, например, писал: «Иногда мне казалось, что передо мной знойная и воинственная родина черноморских казаков. Я полагаю, что эту иллюзию увеличивало и несколько сходное одеяние жителей, всегда имеющих при себе оружие»³⁶.

Феодалы наделяли раджпутов значительными земельными участками. Большая часть земли принадлежала вождям, остальной землей пользовались рядовые раджпуты, объединенные в общины. Феодал, заинтересованный в раджпутах прежде всего как в воинской силе, давал общинам и вождям значительные привилегии. Английские колонизаторы, захватив районы, населенные воинственными раджпутами, превратили раджпутскую общину в фискальную единицу, а вождей кланов приравнивали ко всем остальным земледельцам. Для английских колонизаторов раджпутская община была не воинской ячейкой, готовой по первому зову стать под знамена своего господина, а обычным объектом эксплуатации. Были отобраны земли и у вождей раджпутов — этой старой аристократии, сохранившей патриархальные взаимоотношения с преданными им общинниками. Аграрная политика англичан вызывала растущее возмущение свободолюбивых раджпутов, часто возникали вооруженные столкновения с англичанами, но организовать массовое объединенное сопротивление колонизаторам раджпуты до того времени не могли.

Чиновники Компании, ведавшие сбором налогов, были взяточниками и спекулянтами. Ко времени приезда в Битхур пешвы Баджи Рао в Канпуре произошел шумный скандал: коллектор Канпура Равенскродт, запутавшийся в темных махинациях при сборе налогов, бежал из города, прихватив из казны около 275 тысяч рупий.

Баджи Рао и приехавшие с ним маратхи жили обособленно, в стороне от бурных событий, за пределами Битхура. Пешва не помышлял больше о борьбе против могущественной Ост-Индской компании. Эта лояльность оплачивалась Советом директоров ежегодной пенсией в 800 тыс. рупий «для содержания его самого и его семьи»³⁷, богатым, но не шумным дворцом и джагиром с 52 деревнями. Об его унижении Баджи Рао никто не напоминал, если не считать присутствия при дворе оставленного англичанами резидента, который относился к пешве с подчеркнутой лицемерной почтительностью.

Дни во дворце текли однообразно и скучно. Одна забота тяготила пешву — несмотря на то что он женился несколько раз, судьба не сохранила ему наследника.

В 1827 году в Битхур из небольшой деревушки Вену, расположенной в бывшем государстве маратхов, приехал с семьей обедневший торговец зерном старый знакомый пешвы Мадху Нарайн. Его трехлетний сын Данду Панг понравился пешве, и он решил усыновить его. Так мальчик, получивший в новом доме имя Нана Сахиб, стал приемным сыном Баджи Рао. Когда Нана подрос, пешва часто рассказывал ему о великой империи, созданной его предками, о кровавых сражениях, в которых мужало великое государство маратхов, и иногда давал поддержать усыпанный драгоценными камнями старый меч пешвы, с которым они ходили в бой против жестоких полчищ афганцев, сильных и беспощадных армий Великих Моголов и других врагов их державы. Юный Нана мечтал о подвигах и славе великих предков его отца.

В военных упражнениях и играх, которыми каждый день занимался Нана Сахиб, принимали участие его братья Бала Рао и Баба Бхат, а также сын одного из верных пешве маратхов Тантия Рамчандра Пандуранга — молчаливый, худощавый, но сильный юноша.

Тантия, который был примерно на десять лет старше Нана Сахиба, ловко владел оружием, и в награду за искусство в фехтовании Баджи Рао подарил ему красивую шапку (топи); после этого все звали его Тантия Топи.

Через несколько лет в однообразной жизни битхурского дворца произошло еще одно событие — в Бенаресе умер брат Баджи Рао. После похорон своего господина маратхи, жившие в этом городе, приехала в Битхур, чтобы служить пешве. Среди них был брахман Марапант Тонбе. Дочь этого брахмана — подвижная хорошенькая Манубай—скоро стала всеобщей любимицей. Когда Манубай было пять лет, у нее умерла мать. Детские годы девочки проходили в обществе приемных сыновей пешвы. Вместе с племянником Нана Сахиба (сыном скончавшегося брата) Рао Сахибом она восхищенно смотрела, как лихо скачут на взмыленных скакунах Нана Сахиб, Бала Рао, Баба Бхат и Тантия Топи, как умело они фехтуют блестящими саблями, как метко стреляют из пистолетов. Самым большим удовольствием для нее было прокатиться вместе с Нана верхом на его лошади. Ее отец и старый пешва часто удивлялись, видя, как девочка вместо кукол «грает щитом и деревянным мечом. Когда Манубай подросла, она включилась в военные забавы своих друзей. Она смело скакала на коне, умело владела саблей и метко стреляла.

Но увлекательная и безмятежная жизнь в Битхуре для Манубай продолжалась недолго: едва ей минуло 14 лет, ее выдали замуж за раджу маратхского княжества Джханси, расположенного в Центральной Индии. Манубай, по старому обычаю маратхов, вошла в дом своего мужа с новым именем — Лакшми Бай.

Между тем старого пешву все больше тревожила судьба его наследника. Он видел, как колонизаторы одного за другим лишают индийских махардж княжеств и прав, как утрачивали свое величие знатнейшие династии. Взмолвленный пешва пробовал узнать у генерал-губернатора Дальхузи, что его ждет: он всегда столь лояльно относился к англичанам. Ничего утешительного в ответ он не услышал. Англичане даже не гарантировали ему признания его наследника и сохранения за ним тех прав, которыми пользовался сам Баджи Рао. Последний маратхский пешва умер 28 января 1851 года в возрасте 76 лет. В завещании он написал, что «передает исключительное право на трон пешвы, всю власть, фамильные владения пешвы, сокровища, все недвижимое имущество и личную собственность Нана Сахибу»³⁸.

Но, как и опасался Баджи Рао, лорд Дальхузи не признал наследственных прав Нана Сахиба. Напрасно Нана посылал письма в Калькутту и жаловался на несправедливость — никто не хотел его слушать. Самоуправство англичан возмутило юношу. Он наивно надеялся добиться справедливости в Лондоне. Своим доверенным лицом он выбрал с этой целью Азимуллу-хана.

Сын бедного мусульманина, Азимулла-хан в детстве поступил слугой в богатую семью. Гостями его хозяина часто были европейцы, и любознательный, способный мальчик быстро усвоил английский и французский языки. Несколько лет спустя он узнал, что в Канпуре открылась школа для индийцев, где преподавание ведется на английском языке. Азимулла решил попытать счастья, и ему повезло — он был зачислен в школу учителем. В Канпуре молодой учитель был представлен претенденту на наследство пешвы. Широкая эрудиция Азимуллы-хана произвела благоприятное впечатление на Нана Сахиба. Он предложил ему место в своем дворце, и скоро бывший учитель стал правой рукой Нана.

Провожая Азимуллу-хана в Лондон, Нана вручил ему письмо Совету директоров Компании, в котором писал, что он ожидает не снисходительности к себе, а требует законных прав. «Это совершенно несправедливо, что к знатному роду пешв Компания относится так пренебрежительно», — писал он в своем письме. Искренне полагая, что отказ признать его права — это лишь самоуправство калькуттских чиновников, он обращался к Совету директоров: «Мы спрашиваем компанию, имеют ли они какое-нибудь право изменить положение, по которому выплачивается пенсия? Нет, Компании нужно спросить со своих служащих, выплачивают ли они пенсии или присваивают их?»³⁹

Проницательный политик, умный дипломат и обаятельный собеседник, Азимулла-хан быстро снискал расположение высших кругов Лондона. Он развил кипучую деятельность, наносил ежедневные визиты крупным чиновникам, встречался с дипломатами, знакомился с женщинами высшего света и через них пытался добиться благоприятного решения вопроса. Везде ему сопутствовал успех. Везде, но когда дело доходило до денег и прав пешвы на пенсию, тон его собеседников сразу менялся, Азимулла-хан наталкивался на холодное равнодушие и скрытую враждебность. Английские колонизаторы не привыкли тратить деньги без крайней нужды. Пешве, бывшему владельцу маратхов, платили за лояльность, но за что было платить золото человеку, лояльность или нелояльность которого совершенно безразлична Великобритании? Он, по мнению англичан, не имел ни сил, ни власти, а авторитета еще не приобрел. В ответе Совета директоров, который вез из Лондона Азимулла-хан, говорилось: «Мы полностью одобряем решение генерал-губернатора, отклонившего претензии приемного сына Баджи Рао на пенсию»⁴⁰.

Но результатом поездки Азимуллы-хана было не только это неутешительное письмо. Тонкий политик и вдумчивый наблюдатель, он сумел объективно разобраться в политической обстановке в Англии. Он знал, что Нана в случае неудачи миссии в Лондоне захочет прославленным мечом пешв добиться того, чего не удалось достигнуть переговорами. На обратном пути Азимулла заехал в Стамбул — столицу мусульманского мира — и имел там несколько встреч с представителями высшего духовенства и чиновничества. Здесь с ним познакомился корреспондент лондонской «Таймс» Рассел, записавший в своем дневнике: «Я приехал на несколько дней в Константинополь и остановился в отеле «Миссири», где несколько раз видел красивого, стройного человека с темной кожей, одетого в яркую восточную одежду, украшенную перстнями и драгоценностями. Его вид был для меня необычен. Он говорил по-английски и французски и заказывал изысканнейшие блюда. Как я мог узнать, это был индийский принц, возвращающийся домой после неудачного визита в Лондон с жалобой на Ост-Индскую компанию»⁴¹. В беседах выяснилось, что Азимулла намеревался посетить Крым и побывать у стен Севастополя, где русские солдаты сражались с англо-франко-турецким десантом. Рассел спросил о цели визита индийского гостя в Крым. Азимулла с дерзкой откровенностью ответил, что хочет посмотреть богатырей русских, которые бьют совместные силы французов и англичан⁴².

После отъезда Азимуллы-хана в Лондон внешне жизнь в битхурском дворце не изменилась. Более того, Нана Сахиб особенно часто принимал у себя английских офицеров Канпурского гарнизона и служащих администрации. Гостеприимный, внешне радушный хозяин водил гостей по пышному саду, где среди пестрых цветников расхаживали яркие павлины, резвились ручные олени и косули, показывал им громадных слонов и свою гордость — прекрасных лошадей. В залах дворца гостей ждало обильное угощение из самых тонких восточных яств, поданное на золотой и серебряной посуде. Повар Нана Сахиба рассказал: «Махараджа имел постоянный обычай принимать европейских джентльменов, и, хотя его высочество был строгий индус, он не возражал, если я подавал говядину его гостям»⁴³. После трапезы гости смотрели богатую, со вкусом собранную коллекцию картин европейских и индийских художников, в центре которой была любимая картина хозяина — портрет великого Шиваджи — основателя маратхского государства. Большой известностью пользовалась прекрасная коллекция всех видов оружия, которую Нана с гордостью показывал своим гостям. Здесь были отделанные золотом сабли, пистолеты самых различных систем; необыкновенные кинжалы, пики, прочные щиты, легкие кавалерийские седла для лошадей и массивные для слонов и верблюдов. Хозяин дворца иногда показывал гостям и драгоценный старый меч пешв. Нана Сахиб считался интересным собеседником и неплохо разбирался в музыке, искусстве, литературе. В Битхуре жил англичанин, обязанностью которого было, регулярно знакомясь с европейской прессой, ежедневно сообщать владельцу дворца о событиях в Индии, Англии и других странах. С гостями Нана Сахиб был всегда безукоризненно вежлив, но не всегда искренен.

Индийский аристократ с гладко причесанными блестящими волосами и холеным лицом, одетый в роскошный костюм, ловко облегающий его невысокую плотную фигуру, часто появлялся в Канпуре. Большой любитель лошадей и хороший наездник, Нана Сахиб не пропускал ни одной крупной скачки, со знанием дела ставя большие деньги на лучших рысаков.

Его можно было видеть среди молодых офицеров Канпура, в бильярдной и просто за беседой. О блестящем индийце молодежь рассказывала необычайные вещи: говорили, что однажды на охоте громадный тигр неожиданно прыгнул на ехавшего верхом Нана Сахиба и сбил его вместе с лошадей. Его спутники в страхе отпрянули назад. Ловкий Нана успел вскочить, и вторичный прыжок тигра совпал с ружейным выстрелом. Когда дым рассеялся, оробевшие друзья пешвы увидели его улыбающимся, стоящим около убитого тигра. Люди, не отличающиеся восторженностью, свойственной молодости, сдержаннее говорили о битхурском владетеле. «Он показался мне человеком не больших способностей, но и не глупым, — говорил один из знавших Нана Сахиба англичан. — Он эгоистичен, но кто из туземцев не отличается этим? Мне кажется, что он далеко не фанатик в религии»⁴⁴. Как бы то ни было, но даже командир канпурского гарнизона, старый генерал Уиллер, прослуживший в Индии 54 года, и особенно энергичный сборщик налогов и руководитель городского магистрата Хилерстон часто беседовали с Нана. Когда Уиллеру сообщили, что Нана тайный враг англичан, он в это не поверил. Он полагал, что Нана Сахиб если не дружелюбен, то уж во всяком случае лоялен в отношении английских властей. Обвинение в участии в антианглийском заговоре, выдвинутое против любезного хозяина битхурского дворца, показалось ему нелепым. Однако уверенность английских чиновников и политиков в лояльности Нана Сахиба была необоснованной. Англичане не подозревали, что за приветливостью Нана кроется хорошо скрытая ненависть к колонизаторам, стремление возратить утраченную Баджи Рао власть и возродить былое величие маратхской державы.

В битхурском дворце появились посланцы феодалов — факиры и дервиши, с которыми Нана и его помощники вели таинственные беседы. Чапати и лотосы, передававшиеся из рук в руки в Северной Индии, проникли и в Канпур. Англичане узнали, что один из чаукдаров Канпура прибыл в ближайшую деревню Фатехгарх и передал старосте две чапати с инструкцией передать пяти чаукдарам соседних деревень по две таких же лепешки с обязательным указанием передать дальше.

В это время Нана Сахиб, пытаясь найти союзников, послал несколько секретных писем некоторым князьям и знатым феодалам Индии. Многие из них, растеряв боевую славу своих грозных предков, раболепствовали перед английскими чиновниками, боялись своего народа и не решались ответить Нана Сахибу. Но среди феодалов оказалось немало и таких, которые лишь ждали случая, чтобы подняться на борьбу против колонизаторов.

Нана Сахиб обратился и к другу детства рани княжества Джханси. Тяжелая доля выпала Лакшми Бай. Семейная жизнь ей не удалась. В 1852 году у нее на руках умер ее единственный трехмесячный сын. Через несколько месяцев тяжело заболел муж. Безнадежно больной раджа решил взять приемного сына. Вскоре, 21 ноября 1853 года, он скончался, завещав свое имущество и права наследнику, а правление — Лакшми Бай.

«Правительство должно проявить доброту к моему ребенку, — писал в своем предсмертном послании раджа. — Государственное управление завещаю моей вдове как властительнице княжества и матери моего приемного сына»⁴⁵. Однако княжество Джханси не избежало общей участи княжеств, которые в соответствии с законом о выморочных владениях в случае отсутствия прямого наследника по мужской линии переходили в непосредственное распоряжение английской администрации.

На другой день после смерти раджи английский комиссар бесцеремонно опечатал все сокровища и деньги раджи. Лакшми Бай от своего имени и от имени сына; написала в Калькутту протест. Оскорбительно долго не отвечал ей генерал-губернатор. А когда ответ пришел, он был таким же, как и всегда в подобных случаях: «...Мы имеем право по своему усмотрению признавать или не признавать усыновленного наследника в таких

зависимых княжествах. В 1853 году Рамчандра Рао, которому мы сами даровали титул раджи, усыновил преемника за день до своей смерти. Британские власти в Индии не признали этого акта. Мы также не можем признать Дамодара Рао наследником. Поэтому княжество Джханси присоединяется к английским владениям.

Вдове покойного раджи надлежит выдавать ежемесячное содержание в соответствии с рекомендацией нашего политического агента»⁴⁶.

7 марта 1854 года эти строки приняли силу закона.

Тяжкие испытания не сломили Лакшми Бай. Молодая вдовствующая рани готова была отдать все силы борьбе с колонизаторами. «Я свое Джханси не отдам! Пусть попробует отнять, кто посмеет», — бросила она с гордым достоинством в лицо английскому чиновнику.

Последовавшая вскоре после захвата Джханси аннексия Ауда заставила призадуматься раджей, еще сохранивших самостоятельность. Гуляб Сингх из Джамму первым прислал письмо с согласием помочь Нана Сахибу людьми, оружием и деньгами. Его примеру последовали и другие наиболее решительные и прозорливые князья. Один из гонцов Нана Сахиба был схвачен в далеком Майсуре. На допросе он сказал, что Нана начал переписку с феодалами после аннексии Ауда.

В начале 1857 года Нана сообщил английскому резиденту в Битхуре, что он отправляется в путешествие по святым местам. Вместе с правочерными индусами Нана Сахибом и его братом Бала Рао в путь отправился мусульманин Азимулла-хан. Этот факт мог бы насторожить резидента, но тот не придавал ему значения. В сопровождении блестящей свиты Нана 18 апреля прибыл в столицу Ауда Лакхнау. Здесь его встретили особенно торжественно. Толпы народа окружили слона, на котором восседал не признанный англичанами пешва. Нана Сахиб нанес визит английскому резиденту в Ауде Генри

Лоуренсу и некоторым видным чиновникам английской администрации и имел с ними длительные беседы. Л-рейс специальным распоряжением приказал офицерам? оказать знаки внимания и необходимые почести Нанг Сахибу. Это не было простым актом вежливости или жестом снисходительности. Генри Лоуренс, будучи одним из немногих дальновидных английских чиновников, понимал, какую потенциальную опасность таил при зреющих в Индии осложнениях не признанный английским правительством, но овеванный славой предков пешва маратхов. Кроме английских чиновников и офицеров Нана Сахиб посетил француза Депре, опытного воина и любителя приключений, прошедшего в Индии не один год, хороша знавшего обычаи индийцев и владевшего их языком.

С кем еще встречался гость из Битхура и какие вел переговоры — осталось неизвестным.

После поездки по городам Северной Индии Нана Сахиб получил представление о положении дел в стране, выяснил настроение влиятельных раджей и феодалов. Азимулла-хан привез ему нужные сведения из Англии, а о положении дел в Калькутте доложил его поверенный француз Лафон. Из сообщения последнего было ясно, что настроение многих английских чиновников не отличалось оптимизмом. Видный чиновник колониальной администрации Эдвардс, например, полагал, что «не только армия, но и население, наблюдая за чрезмерным уменьшением королевских войск, пришло к убеждению, что военные ресурсы маленького далекого острова истощены в результате тяжелой Крымской войны»⁴⁷. Действительно, часть английских войск, дислоцированных ранее в Индии, была переброшена в Китай, где шла упорная крестьянская война, вошедшая в историю как Тай-пинское восстание. Было известно, что несколько соединений англо-индийской армии участвовало в войне против Ирана, которую Англия развязала в 1856 году. Международная и внутренняя обстановка благоприятствовали, казалось, успеху антианглийского освободительного движения в Индии. Нана Сахиб и немногие его единомышленники из бывших владетельных князей решили примкнуть к зреющему восстанию армии и народа и возглавить его для восстановления независимости Индии и своего бывшего господства.

ГЛАВА II

ПЛАМЯ НАД СТРАНОЙ

«Вставай скорее, применяй все средства!
Поскорей, спеши!
Чтобы от позора и скорби нас избавил Видхи джи!»
Тулси Дас «Рамаяна»

Взрыв

6 мая индийские полки английского гарнизона города Мирута, так же как и другие части Бенгальской армии, получили новые ружья со злополучными патронами. 85 сипаев отказались принять это оружие. 8 мая над ними состоялся показательный суд, который приговорил каждого к 10 годам каторги. Жестокий приговор суда был зачитан перед строем полков, с подсудимых демонстративно сняли солдатские мундиры, заковали в кандалы и под конвоем отвели в тюрьму.

Получив рапорт об этой унижительной процедуре от командира гарнизона генерала Хьюита, генерал-губернатор Каннинг раздраженно ответил ему: «Заковывать солдат в кандалы на параде в течение нескольких часов в присутствии людей, дурно расположенных и веривших в басню о патронах, это значит задеть всю бригаду за живое. Содержание же восьмидесяти пяти человек под арестом после такой церемонии при карауле из одних туземцев — сумасшествие совсем необъяснимое»¹.

Письмо Каннинга запоздало. В ночь на 9 мая представители полков собрались на тайное совещание. Было решено на следующий день, когда английские офицеры и солдаты уйдут в церковь на вечернюю молитву, захватить оружие, перебить офицеров и идти на Дели. В Дели был послан гонец с лаконичным письмом: «Мы будем 11-го или 12-го. Держите все наготове»².

На следующее утро в Мируте началась скрытая подготовка к восстанию. Из соседних сел в город шли крестьяне, пряча под одеждой оружие.

Вечером запылали дома английских офицеров. Сипаи захватили оружие и бросились освобождать заключенных. 1200 узников, содержавшихся в тюрьме, примкнули к повстанцам. Полковник Финнис, пытавшийся остановить солдат своего полка, был застрелен. Значительные подразделения английских войск (около 1500 европейских солдат и офицеров) и сам генерал Хьюит были настолько напуганы и деморализованы случившимся, что не решились преградить путь восставшим, и они беспрепятственно двинулись на Дели.

11 мая в 6 часов утра, когда первые лучи солнца окрасили в розовый цвет купола дворцов и острые минареты мечетей Дели, восставшие мирутские полки подошли к древней столице Индии и без боя вошли в город. Сипаи и горожане восторженно встретили восставших, впереди которых двигался 3-й кавалерийский полк, и присоединились к ним. Очевидец рассказывал, что сразу же после появления мирутцев «началось сердечное братание между солдатами и ремесленниками»³. Толпы солдат и горожан окружили дворец Бахадур-шаха, 80-летнего императора, пенсионера Ост-Индской компании, требуя, чтобы он присоединился к восстанию.

Для Бахадур-шаха появление мирутских полков было неприятной неожиданностью, но сопротивляться восставшим Бахадур-шах не мог. Он счел самым разумным в сложившихся условиях подчиниться их воле; так Бахадур-шах был провозглашен императором независимой Индии.

В своем обращении к народу император (видимо, не без участия и во всяком случае не без давления сипаев) написал: «О вы, сыны Индии! Если мы решимся, мы можем сразу разбить врага и освободить от страха нашу религию и страну, которые нам дороже жизни!»⁴.

Англичане растерялись. В штаб армии колонизаторов, который находился в Симле, полетела отрывочная паническая депеша: «Мы вынуждены оставить все учреждения... Все наши жилища в огне... Сипаи из Мирута прибыли утром... Мы должны бежать... Тодд, я думаю, убит... Он ушел утром и не вернулся... Девять европейцев убиты... До свиданья...»⁵.

Вскоре в Дели не осталось ни одного подразделения английских войск.

Подобно раскатам грома, прокатилось по всей Северной Индии известие о взятии Дели. Один за другим восставали полки индийских солдат, поднималось на борьбу обездоленное крестьянство, брались за оружие ремесленники, со всех сторон стекались в Дели отряды борцов против иноземного господства.

Народная война парализовала деятельность колониальной администрации.

Особенно напряженное положение сложилось в Северо-Западных провинциях. Перепуганный губернатор Колвин докладывал правительству: «В области царит полный беспорядок... в этот момент потрясения общественного порядка правительство не имеет здесь никакой поддержки (полиция вся разбежалась)... Алигарх и Ита, являющиеся самыми важными округами в Доабе, охвачены огнем мятежа»⁶.

Одним из самых крупных очагов восстания стало аннексированное княжество Ауд.

Генри Лоуренс имел данные о готовящемся восстании в Ауде и пытался предупредить его. Еще до выступления сипаев в Мируте он разоружил некоторые неблагонадежные синайские части и постарался предотвратить участие феодалов в зреющем восстании. 12 мая он созвал большое собрание знатных раджей, талукдаров и призывал их к лояльности и сотрудничеству. В своей речи Лоуренс восхвалял могущество Великобритании, которая, как он убеждал слушателей, найдет силы, чтобы расправиться с любыми врагами. Показательно, что свою речь он произнес на хиндустани — родном языке слушателей, чего раньше никогда не было в практике английских администраторов.

На другой день после этой встречи Лоуренс получил сообщение о восстании в Мируте. Нужно отдать должное Лоуренсу, он начал действовать быстро и энергично. Чтобы обеспечить себе всю полноту гражданской и военной власти, он испросил у Каннинга звание бригадного генерала. Прежде всего он создал запасы оружия и продовольствия в резиденции — здании с прочными кирпичными стенами, способном укрыть гарнизон на случай возможных неожиданностей. Вторым его шагом было Установление связей с правителем Непала Джанг Бахадуром, который заверил Лоуренса в своей поддержке. 16 мая Лоуренс телеграфировал Каннингу: «Здесь все спокойно, но положение угрожающее. Вызовите все европейские части, какие только можете, из Китая, с Цейлона и из других мест, а также всех гурков с гор. Время — все»⁷. 20 мая, когда началось брожение в одном из полков, Лоуренсу удалось разоружить сипаев.

Особенную озабоченность у Лоуренса вызывало положение в Канпуре, ибо победа восставших в этом городе неминуемо должна была привести к самым тяжелым осложнениям в Лакхнау.

25 мая на собрании офицеров гарнизона он высказал свое суждение по этому поводу: «Я твердо убежден, что если гарнизон Канпура взбунтуется и двинется на Лакхнау, то наши полки в сложившемся положении не сохранят нам верность и от Калькутты до Мирута не останется преданных частей»⁸. Лоуренс надеялся, что сипаи Лакхнау останутся в стороне от событий, если их изолировать от беспокойных полков за пределами Ауда.

Он недоверчиво отнесся к сообщению одного из своих офицеров, известившего его, что в 9 часов вечера 30 мая сипаи Ауда поднимут восстание. В назначенный срок он, глядя на часы, сказал офицеру, от которого получил информацию: «Ваши „друзья“ непунктуальны!» — и в ту же минуту раздался орудийный выстрел — условный сигнал к восстанию⁹.

Повстанцы прежде всего отправились к тюрьме и освободили заключенных. Одновременно загорелось несколько особняков европейцев. На стенах домов и базарах появились патриотические воззвания: «Индусы и мусульмане! Поднимайтесь и, объединившись, решайте раз и навсегда судьбу своей родины! Если вы упустите этот благоприятный момент, то нам больше не представится возможности сохранить свои жизни. Это последний случай. Сейчас или никогда!»¹⁰ — гласило одно из них.

«Все — индусы и мусульмане — считают дорогим для себя: во-первых, религию, во-вторых, честь, в-третьих, жизнь, в-четвертых, собственность. Все эти четыре ценности будут спасены нашим правительством»¹¹, — говорилось в другом.

Лакхнау, за исключением некоторых зданий, быстро оказался в руках повстанцев.

Из Лакхнау восстание распространилось на весь Ауд.

В городе Файзабаде восставшие освободили содержащегося в военной тюрьме и приговоренного к смерти за антианглийскую деятельность человека поразительной-смелости маулави Ахмад Шаха. Высокий, худой, Ахмад Шах долгое время бродил по дорогам Индии, бесстрашно призывая народ к вооруженной борьбе против ненавистных ферингов. Накануне восстания он был схвачен и заключен в тюрьму. Этот проповедник с организаторскими способностями вождя и мужеством солдата стал общепризнанным руководителем повстанцев.

Не прошло и десяти дней, как власть в Ауде перешла в руки восставших. Созданная с таким трудом английская администрация Ауда была фактически уничтожена. Оставшиеся европейцы поспешно укрылись в хорошо укрепленной предусмотрительным Генри Лоуренсом резиденции, где им ничего не оставалось делать, кроме как уповать на помощь английских войск из Калькутты.

В Бихаре антианглийское восстание возглавил непримиримый враг англичан, лишивших его наследственного княжества, семидесятилетний глава старинного и знатного раджпутского рода раджа Кунвар Сингх.

Его владение — Джагандшипур — находилось в Шахабадском округе Бихара, где Кунвар Сингх пользовался большим влиянием среди населения.

Ему удалось объединить восставших сипаев и отряды наиболее решительных феодалов и начать успешные боевые действия против английских гарнизонов. Важнейшие коммуникации колонизаторов, идущие от Калькутты в глубь Индии, оказались под контролем повстанцев.

Выстрел из пушки возвестил 31 мая о начале восстания сипаев в столице Рохилкханда Барейли. Во главе восставших встал бывший правитель Рохилкханда Бахадур-хан, лишенный в свое время колонизаторами власти и назначенный ими на должность судьи.

Бахадур-хан объявил, что будет править в Рохилкханде как наместник делийского императора Бахадур-шаха.

Среди крестьян и ремесленников Рохилкханда тайно действовали руководители полурыцарского-полумонашеского общества, возглавлявшегося антианглийски настроенными представителями мусульманского духовенства и феодальных и купеческих образованных слоев, — «Братства борцов за веру». «Борцы за веру» — муджахиды, широко известные в английской литературе под названием ваххабитов, — были тесно связаны с крестьянством и городскими торгово-ремесленными низами и помимо антианглийских лозунгов выставляли также и социальные требования. В отдельных местах движение принимало антифеодальный характер, выдвигался популярный среди народных масс лозунг: «Земля принадлежит богу, а урожай — тому, кто ее обрабатывает»¹².

Муджахиды имели своих последователей и среди сипаев. К их числу принадлежал Бахт-хан, старый офицер, сорок лет прослуживший в англо-индийской армии и возглавивший антианглийское восстание сипаев Барейли. Широко популярный среди сипаев и жителей Барейли благодаря своей непримиримой ненависти к англичанам, он славился также громадным ростом и легендарной физической силой. Бахт-хан стал вскоре одним из самых влиятельных руководителей антианглийского движения. Под его командованием части сипаев и муджахидов Барейли отправились на помощь восставшим в Дели, поскольку для осады мятежной индийской столицы двигались английские войска.

Подкрепление из Барейли вступило в Дели в начале июля. Бахт-хан и его солдаты влили новую народную струю в делийское освободительное движение, до сих пор возглавлявшееся беспомощным императором и его окружением.

Бахадур-шах не мог и не хотел найти лозунги, способные поднять на борьбу народные массы. Между тем Бахт-хан и прибывшие с ним муджахиды обращались в своих воззваниях прежде всего к ремесленникам, крестьянам и сипаям — вчерашним крестьянам в солдатской форме. Эти демократические принципы были подтверждены и развиты после прибытия руководимых Бахт-ханом частей в Дели и упрочили положение Бахт-хана как одного из руководителей восстания. Повстанцы создали свой орган власти — Совет восставших, в который вошли «умные, способные и опытные люди»¹³.

Обращаясь к населению Дели, руководители восстания писали: «Будут освобождены и получают защиту бедные и беспомощные люди, стонущие под их (британцев. — П. Ш.) железной пятой. Мусульмане будут подняты до уровня, который проповедовал Магомет, а индусы — до уровня, о котором вещал Махавира. Заминдарам, купцам и государственным служащим обещаются лучшие условия жизни»¹⁴.

Большую часть трудового населения Дели составляли ремесленники. Авторы прокламации обращались к ним:

«Известно, что европейцы, ввозя английские товары в Индию, лишили работы ткачей, плотников, кузнецов, сапожников, и жизнь местных ремесленников была низведена до нищенского прозябания. Под властью падишаха им всем будет предоставлена работа»¹⁵. Совет отменил введенную англичанами земельно-налоговую систему — згминдари, принял решение о наделении крестьян, участвовавших в восстании, землей, имущих граждан обложил контрибуцией в пользу повстанцев, отменил некоторые поборы, взимавшиеся с ремесленников и мелких торговцев. Решением Совета был отменен налог на соль и сахар. За тайное накопление продовольствия в окруженном английскими колонизаторами Дели специальным указом устанавливалось суровое наказание. Бахт-хан заявил в одном из своих выступлений, что он потребует от каждого жителя Дели беспрекословной верности восстанию. Предательство и воровство будут беспощадно караться. Он, Бахт-хан, прикажет отрубить нос и уши даже членам семьи шаха, если узнает об их измене.

Основное политическое кредо восставших было сформулировано в следующем выражении: «Халк-э-худа, мульк-э-бадшах, хукм-э-сипах» (душа — бога, страна — падишаха, власть — солдат)¹⁶.

В борьбе против сильного врага необходимо было объединение народа. Оно складывалось стихийно. Восстание было яркой демонстрацией индусско-мусульманского единства. Восставшие полки Мирута в своем абсолютном большинстве состояли из индусов, но, придя в Дели, они встретили активную поддержку мусульман города и провозгласили императором Великого Могола — мусульманина Бахадур-шаха.

Руководители восстания, закрепляя это стихийно возникшее единство, в своих прокламациях писали: «Братья индусы и мусульмане! Вставайте! Лучший из даров бога — свобода. Удастся ли дьяволам-угнетателям навсегда лишить вас этого дара? Угнетатели стремятся осквернить нашу религию. Останетесь ли вы равнодушными и смиренными? Бог не желает вашей покорности перед английскими угнетателями. Разве он не одинаково вдохнул в сердца индусов и мусульман горячее желание изгнать англичан из пределов нашей родины? Всякий, кто поднимет меч в этой священной войне в защиту религии, да прославится на веки и низойде на него благословение божье!»¹⁷.

Восстание солдат Мирута и Дели переросло в народно-освободительную войну. Бахадур-шах, не обладавший ни решительностью, ни государственной мудростью и не способный выступать последовательно даже с позиций феодального патриотизма, быстро потерял авторитет руководителей восстания и сипаев Дели. Он был фактически отстранен от дел, хотя формально, как символ единения сил восставших, оставался номинальной главой государства. Один из феодальных вождей, например, был чрезвычайно шокирован, когда, приехав в Дели с приличествующей моменту почтительностью войдя во дворец императора Индии, увидел, как к потомку Великих Моголов и наместнику пророка на земле какой-то рядовой сипай обращался с невиданной фамильярностью. «Эй, старик! Император!

Послушай-ка», — кричал он Бахадур-шаху и, бесцеремонно схватив его за рукав, принялся что-то ему объяснять¹⁸.

Реальную власть в городе и его районах осуществлял Совет восставших, возникший по воле народных масс. Созданный в противовес номинальной власти шаха, Совет издавал акты, утверждавшие новый правопорядок, стремился провести некоторые социальные и политические преобразования. В его состав было избрано десять членов: шесть представляли армию (преимущественно индийское офицерство) и четыре — гражданское население. От армии равно были представлены все основные роды войск: пехота, артиллерия и кавалерия. Совет большинством голосов избрал председателя и заместители. Первый при голосовании имел два голоса. Решения Совета формально приобретали силу после утверждения их императором. Бахадур-шах имел право посещать заседания Совета. Но он не имел никакого желания пользоваться этим правом. Фактически Совет действовал и издавал приказы совершенно самостоятельно, прикрываясь лишь его именем. Впоследствии на суде Бахадур-шах заявил: «У меня не было никакой связи с восстанием, армия сделала меня самого пленником, и я писал приказы под угрозами. Некоторые письма и приказы они писали сами, а печать ставили без моего желания»¹⁹.

Император, крупные феодалы и богатые купцы Дели были обеспокоены деятельностью Совета и искали лишь случая установить непосредственную связь с английскими властями. Однако колонизаторы сами испытывали серьезные затруднения.

Бенгальская англо-индийская армия фактически перестала существовать. Европейские гарнизоны напоминали теперь мелкие островки в бушующем море восстания. 31 июля 1857 года К. Маркс писал: «Со временем выплывут наружу еще и другие факты, которые смогут убедить даже самого Джона Буля в том, что движение, которое он считает военным мятежом, на самом деле является национальным восстанием»²⁰.

Один из наиболее опытных и дальновидных английских администраторов Индии того времени, Джон Лоуренс, писал из Пенджаба: «Я считаю этот кризис самым серьезным из когда-либо пережитых Индией. Наши европейские части настолько слабы, что, если мы их используем неумело, их будет недостаточно для предстоящей борьбы. Но при энергии и быстроте они с божьей помощью окажутся неодолимыми»²¹.

Однако командующий английскими войсками генерал Ансон медлил с передвижением частей, давал путанные приказы и проявлял полную неспособность организовать окружение и ликвидацию очага восстания в Дели. «Прошу вас, имейте в виду всю историю Индии. Мы добивались успеха только там, где действовали энергично»²², — взывал к нему Лоуренс. Но Ансон был растерян.

Каннинг срочно потребовал подкреплений из Англии и Китая, где имелся контингент английских войск. «Каждый час промедления является ободрением для мятежных войск в других местах»²³, — торопил он Лондон.

16 мая Каннинг обратился с посланием к армии, в котором обещал впредь уважать религиозные чувства солдат и офицеров и призывал их к лояльности, поскольку опасные настроения «распространяются не только среди армии, но и среди других слоев народа»²⁴. Но послание было направлено слишком поздно, предотвратить восстание было уже невозможно.

Движение, однако, охватило далеко не всю страну. В Южной и большей части Центральной Индии недовольство колониальным режимом не переросло в вооруженную борьбу.

Лояльной по отношению к колониальным властям оставалась Бенгалия. Не поддержало восстания население Малабара, лишь отдельные разрозненные выступления имели место на территории Махараштры.

Удалось колонизаторам предотвратить взрыв в Пенджабе и обеспечить нейтралитет эмира Афганистана, против которого они сравнительно недавно вели опустошительную войну, безуспешно стремясь превратить Афганистан в свою колонию. Незадолго до восстания между афганским эмиром Дост Мухаммедом и сикхскими феодалами шли

переговоры о совместном выступлении против колонизаторов. Но они не дали никаких результатов! Сказалось старое соперничество между Афганистаном и сикхским государством и их борьба за пограничные луштонские земли.

Наибольшее опасение внушали колониальной администрации дислоцированные в Пенджабе полки Бенгальской армии, сформированные из хиндустанцев, до сих пор сохранявшие лояльность. Общая численность их составляла 60 тысяч человек. Англичанам стало известно, что вскоре после начала восстания среди солдат-хиндустанцев пенджабских полков появились посланцы из Дели. От имени руководителей повстанцев они обещали солдатам пенджабских полков, которые перейдут на сторону восставших, земельные пожалования и другие награды. Посланцы обращались с воззваниями не только к солдатам, но и к населению Пенджаба. В одной из прокламаций говорилось: «Население Пенджаба должно очнуться от своей спячки и понять, что правительство, разорившее Хиндустан тяжелым обложением и многочисленными налогами, пытавшееся уничтожить нашу религию и отвлечь от нее народ, причинило зло и Пенджабу. Тогда вы ничего не могли сделать, а сейчас очень легко призвать тиранов к ответу. Армия недовольна на всей территории — от Калькутты до Пешавара. Силы англичан состоят только из 4 или 5 тысяч европейцев... Поэтому сбросьте с себя наряды и украшения, приличествующие женщинам, и присоединяйтесь к нам в доспехах мужчин!»²⁵.

Однако сипаи медлили, а население не откликнулось на эти призывы. Инициатива в Пенджабе осталась в руках английской администрации. В первую очередь было решено разоружить наиболее опасные полки крепости Миан-Мира, где, как донесли англичанам, готовился мятеж. Утром 13 мая командующий гарнизоном приказал вывести индийские полки вооруженными как для парада; предварительно тайно от сипаев поодаль был выстроен 81-й английский королевский полк и расположены артиллерийские батареи, орудия которых были заряжены картечью. Когда пять полков хиндустанцев были построены, раздалась команда «кругом!». Солдаты-индийцы оказались лицом к лицу с британскими солдатами. В их груди смотрели жерла орудий. Следующей командой сипаям предложили сложить оружие. Сопротивление было бесполезно, и подавленные солдаты в тяжелом молчании выполнили приказ.

Не произошло крупных выступлений и в других гарнизонах. Убедившись в прочности своих позиций в Пенджабе, колониальные власти сочли возможным выделить значительную часть своих войск на осаду Дели. Части, которыми командовал генерал Никольсон, состояли из шести батальонов европейской пехоты и полка кавалерии, полевой артиллерии и двух батарей тяжелых осадных орудий. Кроме европейцев войска, отправленные из Пенджаба для осады Дели, включали батальоны одетых в яркие тюрбаны пехотинцев-сикхов и три полка индийской кавалерии. Численность саперов, минеров и вспомогательных войск достигла восьми тысяч. Позднее под нажимом колонизаторов и отдельные пенджабские махараджи послали против восставших, укрепившихся в Дели, свои отряды. Пенджабские купцы поставляли карателям деньги и снаряжение. В народном восстании Пенджаб остался надежным тылом англичан.

Однако большинство других феодальных княжеств Северной Индии, аннексированных чужеземными захватчиками, и большая часть территории некогда могущественной Могольской империи превратились в арену вооруженной борьбы народов Индии против английских колонизаторов.

Нана Сахиб переходит Рубикон

В канун восстания значение Канпура как крупного военного и экономического центра возросло. Уже к 1833 году Компания отремонтировала старую дорогу могольских императоров и создала важную стратегическую и торговую артерию Дели — Канпур — Аллахабад — Калькутта. В 1855 году к городу протянулась линия телеграфа и шло

интенсивное строительство железной дороги. К 1856 году в Канпуре был размещен воинский гарнизон. Население города составило около 118 тысяч человек.

Канпур расположен на правом берегу национальной святыни Индии — Ганга. На северной окраине города, они назывались Навабгандж, находились воинский арсенал, казначейство и гражданские службы (железнодорожное ведомство, отделение связи, административные учреждения), на южной — длинной, узкой полосой тянулись ряды бараков военного городка сипаев.

Лагерь Канпура не отличался от других лагерей сипаев того времени. Бараки представляли собой унылые сооружения из глины, соломы и бамбука с узкими комнатами-кабинами, отдельно для каждого сипая. В комнатухе, куда свет пробивался через узкое оконце, находились постель, чарпай — натянутая на раму сетка, корзина для одежды, сосуд для омовения и несколько глиняных горшков для приготовления пищи. Перед каждой из комнат дымились мангалы, на которых солдат мог приготовить себе скромный обед из продуктов, покупаемых им на базаре, имевшемся при каждом лагере. В Канпуре были расквартированы сипаи 1-го, 53-го и 56-го пехотных и 2-го кавалерийского полков, составлявших контингент канпурского гарнизона. Общая численность их немногим превышала три тысячи человек. Прямо за бараками солдат тянулись шумные, грязные кварталы старого Канпура с бесчисленными переулками, хаотично разбросанными домами и пестрыми базарами. Лишь центральная улица, широкая и ровная, с многочисленными магазинами и домами индийской знати, была относительно благоустроена.

Противоположностью «туземному городу», как называли его европейцы, была южная окраина Канпура, где за лагерем сипаев размещались утопающие в садах, бунгало англичан. Здесь у них был игорный дом, бильярдная и ипподром, клуб и церковь.

Население Канпура и личный состав полков гарнизона внешне не проявляли своего недовольства англичанами, и после тревог, связанных с аннексией Ауда, командир канпурского гарнизона престарелый генерал Уилер, участвовавший еще в захвате Дели в 1803 году в составе армии Лейка, считал, что случаи неповиновения среди военнослужащих и населения исключены.

В апреле через Канпур проследовала большая группа солдат расформированного 19-го пехотного полка из Бархампура. Их рассказы о введении новых патронов и жестокой расправе с Мангалом Панди взволновали сипаев Канпура, и это вызвало некоторую озабоченность командования гарнизона. Однако открытых выступлений в городе не произошло.

14 мая генерал Уилер получил депешу о восстании в Мируте. Через короткое время новость распространилась по всему городу.

Генерал сумел оценить опасность, нависшую над Канпуром. Он приказал укрепить два больничных барака, расположенные близ домов офицеров гарнизона. Это были одноэтажные кирпичные здания, причем один из них был покрыт тростником. Бараки обнесли невысокой насыпью и окружили неглубоким рвом. Непрочность этого укрепления была понятна и для европейских офицеров и для индийцев. Азимулла-хан, по поручению Нана Сахиба приходивший осмотреть это сооружение, дерзко сказал английскому офицеру: «Вам следует назвать его „форт безнадежности“»²⁶.

Сборщик налогов Хилерстон, который, как и другие англичане, допускал возможность антианглийских выступлений в Канпуре и беспокоился за судьбу своей семьи, обратился к своему старому знакомому Нана Сахибу с просьбой о предоставлении убежища в случае опасности. Вот письмо его супруги от 16 мая: «Если туземные войска здесь восстанут, мы укроемся или в бараки, или в местечко под названием Битхур, где обосновался наследник пешвы. Он большой друг С. (Хилерстона. — *П. III.*) и обладает громадными богатствами и огромным влиянием. Он гарантировал, что мы будем в полной безопасности у него»²⁷. Но время воспользоваться обещанием Нана Сахиба еще не наступило: канпурский гарнизон сохранял лояльность.

16 мая Уилер телеграфировал генерал-губернатору: «В той мере, в какой я могу составить свое мнение, местные войска и части в Аллахабаде настроены лояльно, однако в связи с последними событиями повсюду наблюдается возбуждение»²⁷. Телеграмма от 18 мая была уже не столь обнадеживающей. «В Канпуре все тихо, но возбуждение среди народа продолжается»²⁸. 19-го Уилер получил из Калькутты телеграмму, которая известила его о намерении командования укрепить Канпур надежным гарнизоном, и предписание «немедленно начать приготовления к расквартированию европейских войск и организовать регулярную информацию о своих действиях»³⁰. 21 мая генерал сообщил в Калькутту, что «много беспокойства и тревоги вызвал вчера вечером второй кавалерийский. Эта часть послала представителей во все три пехотных туземных полка, чтобы узнать, поддержат ли они их в преступных действиях»³¹. Обстановка в городе накалялась. 22-го Уилер донес, что над Канпуром нависла непосредственная опасность.

Перспектива восстания испугала городскую знать: 21 мая группа богатеев обратилась в магистрат с просьбой обеспечить охрану их имущества, но его руководитель Хилерстон, не имея надежных сил для обороны даже своего учреждения, рекомендовал им нанимать стражников за свой счет из местных горожан. Купцы не поверили в надежность охраны из своих земляков, им 22-го все магазины были закрыты. Гроза надвигалась. Сипаи откровенно отказывались подчиняться своим офицерам. На базарах и окраинах собирались группы ремесленников и пришедших из деревень крестьян. Многие были вооружены. Стало известно, что семьи офицеров-индийцев, забрав имущество, покинули военный городок и скрылись в трущобах Канпура. Некоторые англичане пытались покинуть город, но неудачно: дороги контро-лировались отрядами вооруженных крестьян. 22 мая Уилер приказал снести в укрепленные бараки оружие, продукты и воду и всем европейцам сосредоточиться в укреплении.

Служащие магистрата, работники связи и транспорта, торговцы и другие гражданские лица, собравшиеся, в укрепленных бараках, вместе с офицерами и солдатами составили менее тысячи человек. И тогда обнаружилось непростительное для опытного военачальника, каким был Уилер, обстоятельство. Укрепление было отделено от арсенала и казны строениями готового к восстанию военного городка и районом, населенным антианглийски настроенным торгово-ремесленным людом старого Канпура.

Уилер понял всю опасность своего положения. Он мучительно искал выхода и, так же как Хилерстон, обратился за помощью к находившемуся в это время в Битхуре Нана Сахибу в тот самый момент, когда тот готовился возглавить антианглийское восстание в Каннуре. Старый генерал, воевавший с маратхами еще в начале века, так же как и коллектор, был убежден, что маратхи, индусы по религии, на протяжении десятилетий отстаивавшие свою независимость в борьбе с Великими Моголами, никогда не объединятся с мусульманами Дели и Лакхнау. Это заблуждение стоило ему жизни. Нана Сахиб установил связь с другими центрами восстания, стремясь придать антианглийскому выступлению в Канпуре и других районах организованный и координированный характер. В послании, отправленном в Аллахабад к местному учителю маулави Лиакату Али, который должен был возглавить борьбу в этом городе, он писал: «31 мая было назначено датой начала войны за сварадж по всей нашей стране. Этот план был подготовлен руководителями восстания».

Известив Лиаката Али, что Англия ведет борьбу против восставшего народа Китая и что, отправив часть своих войск из Индии в Китай, колонизаторы создали благоприятные условия для начала восстания (хотя, по его мнению, «безрассудная храбрость патриотов Мирута нанесла ущерб делу»). Нана Сахиб писал: «Индийские солдаты, индусы и мусульмане, все до последнего человека готовы отдать жизнь за дело свараджа. Таким образом, вы видите, какие появились блестящие возможности. Поэтому день возмездия назначен на 31 мая... Первые выстрелы из орудия мы произведем 31 мая в Канпуре, за нами немедленно последуют Лакхнау, Файзабад, Бенарес и Аллахабад. Помогите нам бог выполнить этот план и освободить нашу родину от тяжелого ига»³².

Это письмо, так же как переписка Нана Сахиба с индийскими князьями накануне восстания, означает, что у его организаторов, видимо, имелся предварительный план объединенного выступления в различных частях страны, который был, однако, плохо согласован и не был осуществлен. Гораздо лучше Нана Сахибу удалось организованное выступление в Канпуре.

22 мая Нана Сахиб отправил отряд из 300 пехотинцев и 100 кавалеристов при двух пушках под командованием Тантия Топи из Битхура в Канпур. Сам пешва также вечером прибыл в этот город и остановился в своем особняке. По договоренности с Уилером отряд пешвы должен был охранять арсенал, где находились значительные запасы оружия (в том числе пушки), боеприпасов и городская казна.

Прибытие отряда Тантия Топи для охраны наиболее важных объектов несколько успокоило Уилера.

24 мая 1857 года совпали две даты: религиозный праздник мусульман и день рождения королевы Великобритании Виктории. Уилер предполагал, что именно в этот день фанатичные мусульмане поднимут зеленый Флаг священной войны. Все было подготовлено к обороне. Утром Уилер написал Лоуренсу в Лакхнау: «Вечером неизбежно начнется бунт»³³. В этот день, полный Мучительного ожидания, англичане, люди, как никто более верные традициям, не давали салюта в честь Виктории. Уилер, боясь, что залп будет принят за сигнал к выступлению, приказал отменить традиционное в английской армии салютование в честь дня рождения королевы. Встревоженный Лоуренс, получив известие Уилера, срочно телеграфировал в Калькутту 25 мая: «Здесь все по-прежнему в порядке, но все зависит от канпурских частей. Пошлите им все европейские войска, какие только возможно»³⁴.

Но прошло 24-е, а в городе по-прежнему было только подозрительное оживление. Уилер на следующий день писал: «Минули день и ночь тревоги; вследствие сообщений из очень авторитетных источников, вот-вот должно было начаться восстание. Были сделаны все приготовления встретить его, но я рад сообщить, что ничего не произошло»³⁵.

Когда 30 мая восстал Ауд и англичане в Лакхнау поспешно укрылись в резиденции, Уилер телеграфировал Канингу: «Больше нет беспокойства и тревоги. Не только сохранен Канпур, но я скоро пошлю помощь в Лакхнау»³⁶. И действительно, он выслал в помощь Лоуренсу из своих небольших сил довольно значительный отряд. Информировав об этом Каннинга, он предусмотрительно просил прислать ему подкрепление, подчеркивая, что «эта отправка ослабляет меня, но я надеюсь продержаться, пока придут еще европейцы»³⁷.

Этот шаг Уилера свидетельствует о его полном доверии к Нана Сахибу, и хотя 26 мая было получено письмо от одного из канпурских богачей о предстоящем восстании под руководством наследника пешвы, Уилер не придавал ему никакого значения. 2 июня он вновь телеграфировал Каннингу: «Все спокойно, и я надеюсь, что так будет и далее»³⁸.

3 июля Уилер послал последнюю телеграмму, в которой сообщал: «Все спокойно, но основания для беспокойства остаются»³⁹.

Такое благодушие опытного генерала показывало, что он и некоторые его приближенные были совершенно не осведомлены о настроениях вверенных им частей. Правда, спокойствие Уилера не разделяли многие его офицеры, и полковник Эварт, например, написал 31 мая в Англию: «Я «е хочу быть пессимистом, но нет смысла скрывать, что мы в страшной опасности, и, как я уже писал, если войска восстанут, то мне безусловно придется поплатиться жизнью»⁴⁰.

В полках действовала подпольная антианглийская группа, возглавляемая младшими офицерами индусом Тика Сингхом и мусульманином Шамс-уд-дин-ханом. То у одного, то у другого, а иногда и в доме одной из канпурских танцовщиц, Азизан, собирались представители полков и разрабатывали план восстания. Заговорщики плохо представляли себе конечные цели восстания и нуждались в вожде, который сформулировал бы лозунги движения. Им стал Нана Сахиб.

Не получив в свое время активной поддержки индийских князей, с помощью которых он надеялся осуществить свой план изгнания англичан из Индии, Нана Сахиб стал искать

опоры в народе. Не сразу, однако, решился он связать свою судьбу с мятежными сипаями и возглавить антианглийскую борьбу крестьян и ремесленников. Только после взятия Дели и распространения восстания по всей стране он решил установить непосредственную связь с сипаями. Через некоего Рахим-хана и торговца лошадьми Мудата Али он связался с руководителями заговора канпурского гарнизона Тика Сингхом и Шамс-уд-дин-ханом. За неделю до восстания он послал к ним умного и решительного офицера своей охраны Джавала Прасада для детального ознакомления с составом, боевыми качествами и состоянием полков. Джавала Прасад доложил, что войска готовы и ждут сигнала.

1 июня ночью от берега Ганга отошла лодка, в которой сидело несколько человек. Здесь, на середине широкой реки, можно было не опасаться подслушивания вездесущих английских агентов.

В лодке встретились младший офицер, не имевший права сидеть в присутствии англичанина, Тика Сингх и наследник некогда великих пешв Нана Сахиб. Нана сопровождали его брат Бала Рао и Азимулла-хан.

Тика Сингх без обиняков заявил Нана, что полки Канпура не желают больше откладывать восстание и рассматривают промедление как предательство по отношению к борющимся братьям Дели. Тика заверил Нана Сахиба, что индусы и мусульмане гарнизона готовы встать под знамена пешвы и ждут лишь сигнала к выступлению.

Восстание было назначено на 4 июня.

В ночь с 3 на 4 июня раздались три гулких выстрела — условный сигнал. Тика Сингх, несший со своим отрядом в этот день дозорную службу, поднял по тревоге своих товарищей. Не прошло и нескольких минут, как из конюшен 2-го кавалерийского полка бешеным аллюром выскочила первая группа всадников. Эскадрон за эскадроном мчался по темным улицам Канпура мятежный полк. Загорелись бунгало европейцев, и одним из первых запылал коттедж сборщика налогов и руководителя магистрата Канпура Хилерстона. Пламя пожара осветило город. Восставшие кавалеристы соединились с отрядом Тантия Топи, охранявшим банк и арсенал, забрали оружие и, захватив тюрьму, освободили четыреста заключенных. Утром к восставшему 2-му кавалерийскому полку присоединились пехотинцы 53-го и 56-го полком. Те европейцы, которые не укрылись с Уилером в бараках, были убиты. Спасшиеся в укреплении остались без связи, все линии телеграфа были перерезаны. Через несколько часов Канпур был в руках восставших.

В этих операциях Нана Сахиб непосредственного участия не принял. Он все еще медлил, не решаясь открыто возглавить народную борьбу. Тогда делегация повстанцев явилась в его особняк и заявила: «Махараджа! У тебя будет княжество, если ты присоединишься к нашей борьбе. Но тебя ждет смерть, если ты окажешься в лагере наших врагов!» Нана пришлось сделать окончательный выбор. «Что мне делать с британцами? Я — ваш!»⁴¹ — ответил он. Нана Сахиб перешел Рубикон.

Его ждали короткие дни триумфа, тяжелые бои, поражение, бегство, смерть в изгнании и всемирная известность.

Триумф

Канпур был в руках восставших. Но осажденные в барак англичане могли в любой момент получить поддержку от английских регулярных войск, расположенных в других частях Индии. Позиции восставших были очень непрочными. Между тем сипаи Канпура и не думали об укреплении города. Пронесся слух, что нужно немедленно идти в Дели, где, по мнению сипаев, решалась судьба восстания. Император Бахадур-шах был значительно популярнее среди солдат-мусульман, чем индус Нана Сахиб. И восставшие сипаи решили отправиться в Дели, судьба Канпура их беспокоила меньше. О Нана Сахибе они, казалось, забыли. Колонны повстанцев с песнями покидали Канпур, когда их встретил браг Нана Сахиба Бала Рао. Не понимая, в чем дело, он спросил их, куда они направились. «В Дели!» — ответили сипаи. Бала прищипил коня и поскакал к брату. Европейцы, чувствовавшие

себя обреченными в своем ненадежном укреплении, узнав об уходе сипаев, облегченно вздохнули.

Нана понял, что на карту поставлена судьба восстания в Канпуре и его личное будущее. Взяв с собой Азимулла-хана и Баба Бхата, он бросился в погоню по делийскому тракту. Сипаи ушли недалеко. В пяти милях от Канпура, в местечке Кальянпур, восставшие солдаты впервые увидели наследника великих пешв * (* **Некоторые английские и индийские ученые считают, что Нана не ездил в Кальянпур, а встретил возвратившихся восставших в Канпуре.**). Азимулла-хан обратился к восставшим полкам с речью. Он говорил, что по всему Индостану, а не только в Дели должна вестись борьба против англичан, что Канпур — город, который отрезает дорогу на Дели со стороны Калькутты и захват которого, следовательно, лишит колонизаторов резервов и снаряжения, что здесь, в Канпуре, они также останутся подданными Бахадур-шаха. «Ферингн ко маро!» («Смерть ферингам!») — закончил он свою речь. Нана Сахиб обещал сипаям вдвое увеличить жалованье.

«Нана Сахиб зиндабад!» («Да здравствует Нана Сахиб!») — «Феринги ко маро!» — ответила толпа.

Во главе с Нана солдаты и присоединившиеся к ним крестьяне возвращались в Канпур. Встречать Нана Сахиба и войска вышло все население города. На площади перед толпами жителей города, крестьян окрестных деревень и солдат Нана объявил о низвержении власти англичан и заявил о своем желании установить новое правление в соответствии с волей собравшихся. «Нана Сахиб зиндабад!» — пронеслось над площадью. Власть, к которой так долго стремился Нана Сахиб, была в его Руках. Он спросил мнение солдат о командующем армией. «Тика Сингх! Тика Сингх!» — ответили сипаи.

Ставка пешвы расположилась в особняке «Сальвадор», где ранее размещалось благотворительное общество англичан. Здесь же в саду стояла палатка Тика Сингха и артиллерийская батарея восставших.

Рассматривая эти события, необходимо отметить, что, требуя возвращения войск из Кальянпура в Канпур, Нана Сахиб руководствовался в первую очередь честолюбивыми соображениями. Он надеялся укрепиться в Канпуре, чтобы создать собственное государство, и не стремился в Дели ко двору Бахадур-шаха, где он играл бы вторые роли.

С военно-исторической точки зрения этот шаг Нана Сахиба, несомненно, был разумным, полностью оправданным решением, осложнившим положение колонизаторов в Индии. Создание нового центра движения в Канпуре означало расширение района восстания и подрывало порочную тактику выжидания, которой придерживались повстанцы Дели.

Слухи о возвращении сипаев в Канпур и путанные сообщения печати быстро, обрастая новыми подробностями, достигли Калькутты. Каннинг запретил индийскую прессу и резко ограничил английскую. На следующий день в городе распространился слух, что восставшие идут на Калькутту. Среди английской администрации, купечества и других имущих слоев, сотрудничавших англичанами, началось смятение. В историю Калькутты этот день вошел как «воскресенье паники».

Взяв власть в свои руки, Нана Сахиб первым делом обратился к укрывшимся в укреплении европейцам. К ним был послан гонец с лаконичным письмом: «Мы начинаем атаку. Мы посылаем это сообщение, чтобы предупредить вас»⁴². Этой короткой запиской Нана Сахиб объявлял войну Великобритании.

Генерал Уилер был смущен, узнав о намерениях наследника пешвы, сообщение же о возвращении под его руководством восставших полков назад в город повергло его в панику.

На следующий день, 7 июня, с десяти часов утра два орудия отряда Тантия Топи и два захваченных в арсенале открыли огонь по осажденным. Неорганизованные группы сипаев и толпа горожан устремились на укрепления европейцев. Прицельный огонь восьми пушек и, нескольких сот ружей англичан отбросил восставших и быстро охладил их первый порыв. Взять бараки штурмом не удалось. Началась длительная осада. Население и армия в эти дни составляли один военный лагерь. Среди солдат все время находилась и танцовщица Азизан. Очевидец писал, что ее, вооруженную пистолетом, можно было всегда увидеть,

несмотря на сильный огонь англичан, на батарее среди ее друзей, кавалеристов 2-го полка, которым она готовила пищу и пела песни.

После возвращения в Канпур из Кальянпура Нана Сахиб приступил к организации новой власти в городе, пытаясь обуздать бушевавшую мятежную стихию. В создании управления он, в отличие от народных вождей восставшего Дели, стремился ограничить активность масс и полностью сосредоточить власть в своих руках. В элиту, созданную им, вошли его родственники и давно известные ему люди. В окружении Нана Сахиба видную роль играли его братья Бала Рао и Баба Бхат, племянник Рао Сахиб, офицеры охраны Тантия Топи и Джавала Прасад и верный соратник пешвы Азимулла-хан. В то же время необходимо было считаться с настроениями солдат восставших полков и утвердить командирами частей и подразделений младших офицеров из их среды. Популярный вождь сипаев Тика Сингх приказом Нана Сахиба был произведен в генерал-майоры и принял общее командование всеми полками. Кроме командиров полков, которым было присвоено звание полковников, назначались командиры батальонов и рот. По сведениям Уилера, войска Нана Сахиба в то время насчитывали около трех тысяч пехотинцев и тысячи кавалеристов.

7 июня Нана Сахиб опубликовал на хинди и урду первую прокламацию, в которой призвал восставших к единству в борьбе против иноземцев. В этот же день над городом был поднят зеленый флаг Великих Моголов. 11 июня Нана Сахиб получил фирман Бахадур-шаха, которым император Дели передал ему безраздельную власть над Канпуром и областью. Примерно в это же время он получил прокламацию Совета восставших Дели. В ней говорилось: «Всем индусам и мусульманам, жителям и слугам Индостана офицеры армии Дели и Мирута шлют свой привет!

Хорошо известно, что в последнее время англичане злонамеренно наносят удары по религии в армии, чтобы затем принудительно обратить в христианство весь народ. Поэтому мы объединились с народом, защищая наши религии и не давая пощады ни одному неверному, находящемуся на нашей земле, чтобы восстановить старую династию Дели. Действуйте согласно приказам императора и вы получите двойное жалованье.

Сотни пушек и огромные богатства попали в руки. Мы считаем, что именно сейчас солдаты и жители, не желающие быть обращенными в христианство, должны объединиться и, храбро сражаясь, уничтожить неверных так, чтобы от них не осталось и следа. За провиант и снаряжение, переданные армии, их владелец получит расписку от офицеров, а позднее их стоимость будет оплачена правительством императора в двойном размере. Всякий, кто в это время проявит трусость и поверит обещаниям лживых англичан, очень скоро познает позор... Необходимо, чтобы в этой борьбе и индусы и мусульмане объединились и, следуя указаниям уважаемых вождей, действовали так, чтобы всюду сохранялся порядок, чтобы бедные были довольны и смогли занять более высокое и достойное место в обществе»⁴³.

Улавливая настроение армии и понимая ее решающее значение в сложившейся обстановке, Нана Сахиб объявил, что будет управлять совместно с армией. В этот же день он опубликовал приказ следующего содержания: «Душа — бога, страна — падишаха, власть — Нана Сахиба и армии. Тот, кто будет относиться к власти без достаточного почтения, будет сурово наказан»⁴⁴.

Если в Дели восставшие провозглашали: «Страна падишаха, власть — армии», то Нана провозглашал свою власть с участием армии.

Приказ Нана Сахиба о наказании несогласных с новой властью не был пустой угрозой. Он жестоко преследовал за любую попытку саботажа его распоряжений. Но в первую очередь он требовал беспощадного истребления англичан. Солдатам, офицерам и служащим гражданской администрации Компании из числа европейцев не давали пощады. Получив письмо от одного из феодалов Ауда об успешном действии его отряда и о захвате плен англичанина, Нана Сахиб писал в своем ответе: «Ваше сообщение о том, что к вам доставили одного европейца, также получено мною. Европейец должен быть ввергнут в ад, таково необходимое дополнение для полного моего удовлетворения»⁴⁵.

Целью Нана Сахиба, как и других руководителей восстания, было изгнание британских колонизаторов из Индии и уничтожение всех звеньев колониального аппарата. Перед ними стояла также задача создания новой Формы административного и политического устройства Индии. Четкого плана решения этой задачи ни у Нана Сахиба, ни у других руководителей восстания не было.

Захватив власть в Канпуре и сокрушив английскую колониальную администрацию, Нана Сахиб приступил к созданию новой административно-гражданской и военной системы управления. В целях прекращения беспорядков и упорядочения управления в городе была создана полиция и учрежден суд под председательством брата Нана Баба Бхата. В состав суда вошли также Джавала Прасад, Азимулла-хан и некоторые другие. Первым же решением суд отменил английскую систему судопроизводства и взял за основу своей деятельности судебную процедуру маратхов. Полиции и суду было вменено в обязанность немедленно прекратить грабежи и беспорядки в городе. Повелением Нана был назначен сборщик налогов, работавший под контролем Джавала Прасада. Выбор Нана пал на чиновника старой английской администрации Рам Лала. Специальный пост был дан некоему Мулле, в обязанности которого входило обеспечение довольствием армии. Богатые канпурцы, не примкнувшие к восстанию, были обложены высоким налогом, а в некоторых случаях вообще лишались имущества...

Поднятый к руководству народным движением, Нана Сахиб вынужден был пойти на некоторые уступки неимущим слоям населения. Восставшие ремесленники и крестьяне потребовали конфискации имущества канпурских богатеев, сотрудничавших с англичанами, и, не дожидаясь санкций свыше, стали конфисковывать их богатства в пользу народа. Один из очевидцев рассказывал, как 7 июня группа сипаев подошла к дому купца Дарогх Азим Али Хана и предложила ему выдать им сто тысяч рупий. «Обманом и подлостью ты обираешь народ, дай нам деньги!» — кричали сипаи. Купец ответил решительным отказом. Сипаи подкатили к дому пушку и открыли огонь. Богач сдался на милость победителей и был доставлен к Нана Сахибу. Пешва приказал ему выплатить тысячу рупий деньгами и доставить слонов, верблюдов и амуницию⁴⁶. Городская знать, на которую в первую очередь обрушились репрессии повстанцев, становилась силой, враждебной движению.

Нана Сахиб прилагал все силы к тому, чтобы сохранить единство в рядах восставших. Он был твердо убежден, что для достижения победы необходимо единство действий индусов и мусульман; поэтому он постоянно подчеркивал свое уважение как к индуизму, так и к исламу и полное равноправие обеих религиозных общин. Еще пускаясь в погоню за восставшими полками, когда они намеревались идти к Дели, Нана благоразумно взял с собой верного ему мусульманина Азимуллу-хана, а вернувшись в город, вывесил над своей ставкой индусский и мусульманский флаги. Первой его прокламацией, отпечатанной арабским шрифтом для мусульман и на деванагари для индусов, было обращение ко всем жителям, исповедующим обе религии. Прокламации были вывешены во всех людных местах города. Кстати сказать, они, как и все последующие документы, были датированы по мусульманскому календарю. Однако этих мер было явно недостаточно. Нана Сахиб и Азимулла-хан установили связь с кази Канпура Вази-уд-дином и добились полной поддержки с его стороны. Прекрасный оратор и уважаемый проповедник, Вази-уд-дин стал одним из активнейших и наиболее последовательных руководителей восставших. Его роль была особенно велика потому, что наиболее мощным оружием агитации служило слово — горожане и крестьяне в большинстве своем были неграмотны. 8 июня мусульмане города собрались на площади. Перед ними выступил кази и маулави Саламат-улла. Они призывали паству объявить священную войну ферингам в защиту веры во имя Аллаха и признать власть Нана Сахиба. Высоко в небо медленно поползло, развеваясь по ветру, зеленое знамя ислама. Первым к священной войне (джихаду) демонстративно присоединился Азимулла-хан, хотя до сих пор он не отличался большим рвением в деле соблюдения религиозных обрядов. На всех мечетях и базарах были вывешены предварительно отпечатанные по приказу Нана прокламации с призывом к единой борьбе против ферингов под руководством пешвы. Суд

специальным решением под страхом жестоких наказаний запретил религиозную вражду. Когда один мясник-мусульманин зарубил корову — священное животное индусов, — открытый суд приговорил его к лишению руки. Палач всенародно привел приговор в исполнение.

Достижение индуско-мусульманского единства как в Канпуре, так и в других районах восстания было одним из самых важных завоеваний повстанцев.

Руководители восстания стремились закрепить стихийно складывающееся единство индусов и мусульман. Они ссылались на то, что христианство оскверняет веру как индусов, так и мусульман, а иноземное иго губительно для тех и других. Понимая опасность этого единства, англичане всячески старались разжечь индуско-мусульманскую резню. Для осуществления своих планов колонизаторы выделяли специальные средства. Один из чиновников Ауда писал 1 декабря 1857 года, что санкционирован расход 50 тысяч рупий «на попытку возбудить индуское население Барейли против повстанцев-мусульман»⁴⁷. Но натравить индусов и мусульман друг на друга англичанам не удалось.

Внутренняя логика событий того времени придала освободительной войне религиозную окраску.

В народных движениях феодальной Европы, разрешавших главным образом социальные, а не национальные задачи, идеологическими формами борьбы были преимущественно ереси и различные течения в рамках одной религии. Единство освободительных задач, которое определило характер восстания в Индии, обусловило призыв к объединению обеих общин ранее отчужденных религий в борьбе против христианства. В одном из воззваний, обращенном к индусам и мусульманам, было сказано: «Идите в бой под одним знаменем и смойте потоками крови с лица Индии всех англичан так, чтобы в нашей стране не сохранились в памяти их имена».

Но идеи защиты религии были, конечно, не единственными лозунгами восставших. В освободительной борьбе против колонизаторов выдвигались также и социальные лозунги, отражавшие интересы крестьянства и городских низов. Восставшие сипаи Рохилкханда обратились к населению с призывом, в котором провозглашали: «В нашей армии различия между малыми и великими забудутся и в управлении будет равенство. Ибо всякий, кто обнажает свой меч в этой священной войне для защиты религии, одинаково славен. Они братья. Между ними нет различия»⁴⁸.

Идеи равенства звучали в воззваниях Совета восставших Дели. Известно также, что Бахт-хан предполагал распределить часть земель заминдаров среди крестьян (по пять бигхов на каждого участника войны за независимость) и отменить все феодальные поборы с ремесленников.

Но лозунги социального равенства не стали решающими. В идеологии восставших господствовали идеи феодального патриотизма. Во главе восстания оказались заинтересованные в реставрации доанглийских порядков феодалы. Можно согласиться с выводом Дж. Неру, считавшего, что «феодальные вожди пользовались сочувствием масс в обширных районах, но они были неспособными, неорганизованными и не имели ни положительной программы, ни общности интересов. Они уже сыграли свою роль в истории, и для них не было места в будущем»⁴⁹. На своем знамени феодалы не смогли начертать никакого другого лозунга, кроме призыва к возвращению власти отживающему свой век отпрыску Великих Моголов Бахадур-шаху. Этот факт был понят лишь некоторыми князьями как временная необходимость, но оттолкнул от восстания многих феодалов, стремившихся к укреплению независимости собственных государств. Махараджи и навабы таких больших княжеств, как Хайдарабад, Майсур, Индур, Гвалиру, Кашмир, оказались в стороне от движения. От участия в восстании их удерживал не только феодальный сепаратизм, нежелание выступить иод знаменем Великого Могола, но прежде всего страх перед общенародным характером антианглийских выступлений.

Раджи Патталы и Непала были глухи к призывам руководителей восстания и отказались примкнуть к нему. Они не только не поддержали движение, но оказали активную

помощь англичанам в его подавлении. Феодалный сепаратизм и страх перед массами делали союз даже тех немногих, кто примкнул к народной борьбе, шатким и непрочным.

Главной движущей силой восстания были крестьяне и городские низы. Они были основным резервом армии повстанцев. Именно их участие придало размах и боевой характер движению, превратило его в общенародную войну. Правда, борясь против колониального господства, народные массы еще связывали в тот период свои представления о свободе, независимости и социальной справедливости с утопическими мечтами о «золотом веке» прошлого и восстановлением доанглийских порядков. Однако в ходе восстания антиколониальная борьба зачастую перерастала в антифеодальную. Крестьяне не только громили налоговые конторы и суды, расправлялись с ненавистными чиновниками колониальной администрации и сжигали английские документы. Они прогоняли в ряде случаев «новых» феодалов и тех, кто скупал общинные земли, и выбирали вождей из своей среды. Уже после победы восставших в Дели и его окрестностях многие заминдары жаловались Бахадур-шаху, что крестьяне отказываются платить им налоги и отстаивают свои общинные права.

Английский чиновник сообщал о положении в округ Банда: «В парганах весть о восстании пронеслась подобно лесному пожару... Скупщики земли и те, кто получал ее по судебному приговору, были изгнаны. Служащие вынуждены спасаться бегством. Правительственные учреждения повсеместно разграблены и уничтожены... Здесь, в Бунделькханде, было мало и ружей и тальваров (мечей. — *П. III.*), но люди, вооружившись копьями, косами, палками, окованными железом, и самодельными секирами, считали себя настоящими воинами и, выбрав собственных царьков, гнали от своих сел всех, кто близко подходил к ним»⁵⁰.

Но крестьяне, рядовые участники восстания, как правило, выступали лишь против тех феодалов, которые получили землю от колонизаторов или в результате действия английской земельно-налоговой системы и открыто сотрудничали с англичанами.

Не поднявшись до уровня крестьянской войны, антифеодальной борьбы крестьян за землю, восстание не получило также и общенационального характера. В Индии еще не было социальной силы, способной возглавить общенациональное движение. Отдельные локальные очаги восстания были слабо связаны между собой. Участвовавшие в восстании феодалы, восстановив свою власть в собственных владениях, перешедших когда-то в руки английских колонизаторов, считали свою задачу выполненной и не стремились к расширению антианглийской войны. Что касается крестьянской борьбы, то даже в тех районах, где крестьяне выдвинули руководителей из своей среды, движение страдало от оборончества, присущего крестьянским войнам того времени. Все это позволило английским колонизаторам расправиться с восставшими. Один за другим уничтожались разрозненные центры восстания. Наступила очередь и Канпура. Однако это произошло после долгой и упорной борьбы.

На первых порах судьба благоволила Нана Сахибу, ставшему грозой англичан и одним из наиболее популярных вождей восставших. Весть о взятии Канпура и провозглашении власти пешвы с быстротой молнии понеслась по долине Доаба. Призыв восставших «Феринги ко маро!» («Смерть ферингам!») стал лозунгом всех антианглийских сил.

Слава Нана Сахиба, борца против ненавистных колонизаторов, распространялась по всей Северной Индии. Крестьяне и ремесленники связывали с Нана Сахибом свои надежды на лучшую жизнь, без ужасающей нужды и лишений; феодалы надеялись, что маратхский пешва восстановит утраченные привилегии; индусских пандитов и мусульманских улемов привлекали обещания Нана Сахиба защищать религии Индии от надвигающегося христианства. Эти надежды вели всех в Канпур, под знамена Нана Сахиба. Многие феодалы приводили с собой отряды войск, а некоторые из них имели и орудия. К Нана Сахибу стекались восставшие гарнизоны небольших городов и группы крестьян не только близлежащих от Канпура районов, но и из отдаленных областей. Вооруженные силы пешвы

быстро росли. Но многочисленная по своему составу армия Нана была безнадежно плохо организована. Отряды крестьян фактически не имели понятия о воинской дисциплине и не знали элементарных приемов владения оружием.

И все же, несмотря на эту очевидную слабость, Нана решил отметить день официального признания его власти Бахадур-шахом — 12 июля — взятием укрепления европейцев. Англичане оборонялись с отчаянием обреченных, и им удалось отбить атаку. С большими потерями повстанцы отошли на исходные позиции.

Однако и положение осажденных было критическим. Непрерывный артиллерийский обстрел, продолжавшийся с 7 июня, частые вылазки горожан и сипаев, недостаток продовольствия и воды делали сопротивление безнадежным. Несколько представителей канпурской знати пытались передать осажденным продукты и воду, но бдительные сипаи задержали их и расстреляли как изменников. Повстанцы решительно и жестоко пресекали и деятельность лазутчиков, которых пытались подослать к ним англичане. Уличенным в шпионских действиях отрезали язык и уши, выкалывали глаза и отправляли назад в Укрепление.

Одним из снарядов, выпущенных артиллеристами Нана Сахиба, был убит руководитель канпурского магистрата Хилерстон, подавший мысль о приглашении отряда из Битхура для охраны порядка в городе. Через несколько дней обвалившаяся стена задавила насмерть его жену. Пал сын генерала Уилера. Потери осажденных быстро росли. Умерших и убитых не успевали хоронить. Июньская жара быстро делала свое дело: удушливый тяжелый запах тления стоял над бараками. Среди европейцев начались эпидемии.

14 июня Уилер написал в Лакхнау Генри Лоуренсу: «С 6-го мы осаждены Нана Сахибом и примкнувшими к нему всеми туземными частями. Враг имеет два 24-фунтовых и несколько других орудий. Мы имеет только восемь 9-фунтовых. Все христианское население с нами во временном укреплении. Наша оборона — героическая и славная, но наши потери тяжелы и ужасны. Мы ждем помощи, помощи, помощи»⁵¹.

О катастрофическом положении канпурского гарнизона писал 21 июня майор Вибрат: «Мы ежедневно по шести часов подвергаемся обстрелу из двенадцати орудий. Вчера за три часа внутри нашего укрепления разорвалось свыше тридцати снарядов. Это повторяется ежедневно в течение последних восьми дней. Можно представить себе, как велики наши потери и каким ненадежным укрытием для женщин являются бараки. Лишь немедленная помощь может оказать нам пользу. В случае дождя наша позиция будет непригодна к обороне»⁵². Вибрат сообщал, что осажденные потеряли около трети своего состава и надеются только на помощь извне. Важно отметить, что в своем послании он предлагает расколоть верхушку восставших обещаниями денежных и земельных пожалований.

Но что мог сделать Генри Лоуренс? Его положение было так же безнадежно, как и положение Уилера. Укрепившись за стенами резиденции, его поредевший гарнизон с трудом отбивал яростные атаки войск аудской бегум и отрядов маулави Ахмед-шаха. Лоуренс пытался приободрить старого генерала письмами, но ни одного солдата он прислать не смог. 23 июня Лоуренс написал Каннингу письмо, в котором извещал генерал-губернатора: «Если Канпур будет сохранен, я надеюсь выдержать осаду. Наши приготовления тревожат врага. Я мог бы рискнуть ради Уилера, но такая попытка только погубит нас и не спасет Канпур»⁵³. Сознавая значение Канпура для судьбы Лакхнау, Лоуренс торопил Калькутту помочь изнемогающему гарнизону Уилера. «Если Канпур падет, я не уверен, сумеем ли мы выдержать осаду»⁵⁴, — писал он.

Каннинг собрал все имеющиеся силы, подкрепил их прибывшими из Мадраса стрелками и спешно отправил на выручку осажденных. Однако Каннинг понимал, что выручка Уилера — дело большой сложности и на быстрый успех в освобождении Канпура рассчитывать не приходилось. В одном из писем он сообщал: «Я не могу сказать с полной уверенностью, когда помощь достигнет сэра Хью Уилера. Во всяком случае это не случится в ближайшие 4—5 дней, а прибудет к «ему несколько позже»⁵⁵.

Пессимистический тон Каннинга был вполне оправдан. К середине июня восстание достигло своего апогея. От Бенгала до Пенджаба, от границ Непала до Центральной Индии полыхало восстание. Блокированные гарнизоны англичан в Лакхнау, Канпуре, находившиеся в крайне тяжелом положении английские силы в районе Дели и других местах были изолированными островками в море огня, охватившего всю Северную Индию.

Однако, сломав колониальную машину, повстанцы не создали нового централизованного государственного аппарата, единой военной организации и командования. Попытки установить постоянную связь со всеми районами восстания и добиться координации их действия, предпринятые Советом восставших в Дели, не имели успеха. Очаги восстания по-прежнему не были связаны между собой, в каждом районе были свои самостоятельные органы управления и плохо организованные войска. В большинстве районов Северной Индии фактически не было никакой власти.

В этот критический для колониальных порядков в Индии момент стратегические задачи английского командования сводились к следующему:

1. Ограничение района восстания, пресечение возможных попыток возникновения движения среди населения областей, сохранивших еще лояльность по отношению к колониальным порядкам.

2. Взятие Дели и ликвидация наиболее значительного в военном и особенно в политическом отношении центра восстания. Решение этой задачи должно было во многом становить престиж колонизаторов.

3. Наступление на Ауд — область, где восстание охватило наиболее широкие массы населения. Разгром там наиболее многочисленных отрядов повстанцев.

Тактическое решение двух последних задач было возложено на три крупные колонны войск карателей: колонну из Пенджаба под командованием генерала Никольсона, колонну из Бомбея, которой командовал генерал Грант, и колонну из Калькутты, которую вел генерал Нил. Войска калькуттской группировки должны были взять Бенарес, Аллахабад и Канпур. Из Канпура они должны были начать операции в Ауде.

Уничтожая все огнем и мечом на своем пути, двигалась на Канпур колонна кровавого генерала Нила. 3 июня англичане вошли в первый крупный город на своем пути, Бенарес. Сипайские полки города не примкнули восстанию, хотя англичане выражали опасения в их надежности. Нил недолго раздумывал над тем, как сохранить верность бенаресского гарнизона. Вечером этого же дня он приказал вывести и построить на учебном плацу ненадежный, по мнению англичан, 37-й полк. Когда сипаи построились, они увидели справа от себя верный колонизаторам полк сикхов, слева полк иррегулярной кавалерии, а перед собой жерла артиллерийских орудий и полк европейской конницы. Раздалась команда, приказывающая 37-му полку сложить оружие. Когда она была выполнена, оружие было отнесено на склад. Следующая команда предназначалась полку англичан. «Огонь!» — прокричал офицер. Стреляли в упор, в безоружных. Сикхи и кавалеристы попытались остановить эту бойню. Вновь прозвучала команда «Огонь!», на этот раз она предназначалась артиллерии. Сипаи, оставшиеся в живых, бросились бежать. Им вдогонку гремели выстрелы. Английские кавалеристы бросились рубить всея подряд. Расправа продолжалась в городе. Англичане убивали первых встречных жителей без всякого повода. «Наши офицеры устраивали облавы на этих преступников и вешали их без угрызения совести, как будто это были собаки, шакалы или паразиты подлейшего типа»⁵⁶, — писал один из офицеров. Уцелевшие сипаи и многие жители бежали в Канпур к Нана Сахибу.

Расправившись с сипаями и населением Бенареса, отряд Нила двинулся по направлению к Аллахабаду.

Аллахабадцы восстали против колонизаторов 6 июня, во главе повстанцев был учитель местной школы маулави Лиакат Али. Восставшие уничтожили английский гарнизон, захватили казну и большие трофеи. 14 июня Лиакат Али послал императору донесение, в котором сообщил о том, что вся область примкнула к повстанцам и что «индусы и мусульмане сражаются рука об руку как кровные братья»⁵⁷.

17 июня англичане подошли к городу, а на следующий день они взяли его. Лиакат Али со своими сторонниками (общая их численность составляла около 3 тысяч человек) бежал в Канпур.

Беженцы из Аллахабада рассказывали канпурцам о расправе завоевателей над жителями города. Страшные сообщения индийцев не были преувеличением.

Один из английских офицеров с циничной откровенностью писал своему другу: «Мы производим военный суд, не слезая с лошадей, и каждого черномазого, который попадаетеся нам на глаза, мы либо вздергиваем, либо пристреливаем»⁵⁸.

Очевидец восстания, автор солидного труда по его истории, Кей свидетельствовал об этих днях в Аллахабаде: «Убивали туземцев, не обращая внимания на пол и возраст. Впоследствии жажда крови возросла еще больше. Старые женщины и дети приносились в жертву так же, как и те, кто был виновен в восстании. В течение трех месяцев восемь повозок ежедневно с утра до ночи делали свои рейсы, отвозя тела тех, кто был повешен на перекрестках и базарах... Шесть тысяч было уничтожено и отправлено на тот свет»⁵⁹.

Сам Нил, относивший себя к категории безусловных джентльменов, в этой кровавой оргии играл зловещую роль вдохновителя убийств. Даже среди колонизаторов он снискал себе мрачную славу. Один из знавших его англичан, например, писал о нем: «История знает не много актов жестокости хуже тех, которые осуществлены человеком, гордо называющим себя „слугой Бога Милосердия“»⁶⁰.

Рассказы аллахабадцев и бенаресцев разжигали среди жителей Канпура жажду борьбы и мщения. В городе уже близилась трагическая развязка. Восставшие готовились к решительному штурму. Давно уже среди народа ходили слухи и легенды, что ненавистная власть чужеземцев продержится только сто лет. 23 июня исполнялось столетие битвы при Плесси — черного дня в истории Индии. Руководители восстания решили назначить на этот день атаку на укрепления европейцев. Численность войск Нана Сахиба превышала десять тысяч человек. В его армию влилось несколько восставших подразделений сипаев (в том числе два полка прибыли 16 июня из Ауда), привели свои отряды многие феодалы, примкнувшие к восстанию во времена первых успехов, продолжали стекаться крестьяне и ремесленники. 20 июня Нана собрал дарбар, на котором щедро одарил своих приближенных и объявил, что 1 июля будет восстановлено правление пешв. Предстоящий штурм и ожидаемая победа должны были предшествовать восхождению Нана Сахиба на престол.

Утром 23 июня мусульмане читали Коран, моля Аллаха дать им победу над врагом, а индусы вышли на берег святого Ганга и совершили омовение.

...Гулко ударили орудия восставших. После артиллерийской подготовки тысячеголосое «ла илла иль алла!» и «хар — хар Махадев!» огласило воздух. Начался штурм. Через хорошо простреливаемую англичанами площадь ринулись на укрепления повстанцы. Вал и ров перед бараками, а также густой и точный огонь осажденных оказались непреодолимыми препятствиями. Вновь и вновь бесстрашно бросались индийцы в бой, но натиск их был все слабее и слабее.

Штурм не удался.

Отбив атаку, англичане подсчитали свои силы. Уилер понял, что это был последний бой, который смог выдержать его измученный гарнизон. Надежды на скорую помощь из Аллахабада оказались тщетными. На следующий день после штурма генерал написал свое последнее письмо Генри Лоуренсу. «У нас остается только британский дух, но он не может поддерживать нас все время», — писал он. «Конечно, мы не перемрем, как крысы в клетке»⁶¹, — мрачно заканчивалось это письмо.

Встревоженный тоном письма Уилера, Лоуренс попытался предотвратить сдачу гарнизона. 27-го он написал Уилеру: «Вы не должны полагаться на обещание Нана. Он убивает сдавшихся в плен»⁶². Но письмо пришло поздно. Участь британского гарнизона в Канпуре была решена.

После неудачного штурма руководители повстанцев собрались в резиденции Нана Сахиба. Здесь кроме хозяина были его братья Бала Рао и Баба Бхат, а также Азимулла-хан,

Тантия Топи, Джавала Прасад и другие приближенные пешвы. Собравшимся было ясно, что сохранивший еще способность к обороне европейский гарнизон подрывал престиж новой власти и был опасен в будущем при последующих военных действиях. Дальнейшая судьба восстания неумолимо требовала уничтожения гарнизона англичан любыми средствами. Необходимость срочных и решительных мер подтвердилась событием, происшедшим на следующий день после штурма. В этот день сипаи привели к Нана Сахибу европейца, старательно, но не очень искусно одетого в одежду индийца. На допросе пленник показал, что он англичанин, по фамилии Шеферд, посланный для того, чтобы выполнить тайное задание Уилера: вступить в переговоры со знатными людьми Канпура и с их помощью внести смуту и раскол в ряды восставших. В награду за содействие Шеферд от имени Уилера должен был гарантировать каждому из добровольных предателей ежегодную пенсию в 1000 рупий пожизненно⁶³. Интриги Уилера заставили Нана Сахиба ускорить неминуемые события.

25 июня к Нана Сахибу была приведена одна из европейских женщин, находящихся в плену у повстанцев. Ей было вручено письмо, адресованное коменданту осажденного гарнизона генералу Уилеру. Оно было немногословно: «Все, кто не принимал участия в мероприятиях лорда Дальхузи и желает сложить оружие, получают возможность отправиться в Аллахабад»⁶⁴. И все. Подписи под письмом не было, но написано оно было почерком Азимуллы-хана.

В сопровождении пяти сипаев женщина отправилась к укреплению и одна вошла в него, чтобы вручить письмо адресату. Перед Уилером встала сложная дилемма: сопротивляться дальше было невозможно, сдаться — опасно: он не мог верить Нана Сахибу и рисковать жизнью вверенного ему гарнизона, женщин и детей, чтобы принять условия сдачи. И все же после долгих совещаний с офицерами он выбрал второе и принял предложение, изложенное в письме.

В тот же день состоялись переговоры. К валу укреплений вышли два парламентаря осажденного гарнизона офицеры Мур и Вайтинг и представители пешвы Джавала Прасад и Азимулла-хан. (Одна небольшая, но характерная деталь — повстанцы потребовали, чтобы переговоры велись на языке их народа — хиндустани.) Условия, предложенные Джавала Прасадом и Азимуллой-ханом от имени Нана Сахиба, сводились к следующему: правительство пешвы обеспечивало английский гарнизон транспортом и провизией на время пути следования до Аллахабада, если подданные королевы Великобритании сдадут в сохранности оружие и прекратят сопротивление. Выработанные условия капитуляции были доложены Нана Сахибу и Уилеру и санкционированы ими. Этим переговоры о сдаче гарнизона завершились⁶⁵.

Утром 26 июня английский флаг над укреплениям был спущен и над ними взвилось знамя пешвы. 27 июня англичане сложили оружие, и их длинная кавалькада двинулась к пристани Сати Дхора Гхат, где ожидали ее сорок лодок. Впереди на громадном слоне Нана Сахиба, ведомом погонщиком пешвы, ехала семья Уилера. Многих европейцев, следовавших за ней, несли индийские слуги в паланкинах.

Жители города и беженцы из Аллахабада, Бенареса и других мест, разграбленных англичанами, с ненавистью смотрели на жалкие фигуры европейцев. Гул возмущения и возгласы негодования провожали их до самого Ганга. Индийцы требовали возмездия за кровавые действия генерала Нила и других карателей.

...Там, где это случилось, Нана Сахиб не был. На берегу были Тантия Топи, Бала Рао, Джавала Прасад, Тика Сингх и другие верные ему люди. Они видели, как грузили свою кладь и размещались в лодках ненавистные феринги. Когда европейцы готовы были отплыть от берега, раздался выстрел. За ним еще и еще. Крики и стоны были заглушены выстрелами. Лодочники быстро спрыгнули на берег и скрылись в толпе. Многие европейцы последовали их примеру, но толпа расступилась и пропустила отряд всадников с обнаженными клинками, который завершил расправу, беспощадно рубя мужчин и оттеснив в сторону женщин и детей⁶⁶.

Уилер с семьей пытался спастись в лодке. Увидев грозящую ему смертельную опасность, генерал дал гребцам по мешочку золота и приказал грести изо всех сил.

Лодка была на середине Ганга, еще немного — и генерал был бы недостижим для выстрелов. Но в последний момент снаряд пробил борт судна и в него хлынула вода...

С Канпурским гарнизоном было покончено. 120 женщин и детей было отправлено в один из домов Канпура. Англичане в Канпуре расплатились своими жизнями за долголетнее насилие и неисчислимы жестокости колонизаторов в Индии.

У кормила власти

Покончив с европейцами канпурского гарнизона, Нана Сахиб почувствовал себя безраздельным властелином в Канпуре и его области. В тот же день он написал письмо феодалам Ауда: «Сегодня 27 июня в Канпуре белолицые разбиты нами. Все они по милости бога и счастливой судьбы императора ввергнуты в ад. Как обычно, по случаю этого события дан салют. Вам также надлежит отпраздновать эту победу гуляньем и артиллерийскими салютами»⁶⁷.

Дальнейшие тактические цели восстания Нана Сахиб изложил следующим образом: «Через несколько дней, когда порядок будет восстановлен во всем дистрикте, победоносные войска, которые, увеличиваясь с каждым днем, уже превратились в большую непрерывно растущую армию, переправятся через Ганг, продолжая теснить неверных до прибытия моей ставки. Это произойдет очень скоро, и тогда вы сможете показать все свое мужество». Нана особенно подчеркнул в письме необходимость продолжения гибкой политики в отношениях между индусами и мусульманами и подготовки к дальнейшей борьбе. «Имейте в виду, — писал он, — что народ исповедует две религии. Ни в коем случае нельзя досаждать ему или оскорблять его. Позаботьтесь оказать народу защиту, организуйте снабжение и держите его в готовности»⁶⁸.

Это письмо и некоторые другие послания Нана Сахиба показывают правильное понимание пешвой условий возможной победы над колонизаторами и его решительные намерения в проведении крупных операций. Важно отметить и тон посланий, который свидетельствовал о том, что Нана Сахиб пользовался большим влиянием среди феодалов Ауда и считал для себя возможным давать им распоряжения. 28 июня в пять часов пополудни состоялся грандиозный праздник по случаю предстоящего официального воцарения Нана Сахиба на трон пешвы. В этот день Нана и его соратники принимали парад войск, принесших им долгожданную победу. Мимо пешвы промаршировали шесть пелков пехоты, четыре полка конницы и несколько батальонов вооруженных горожан. Они были достаточно организованны, чтобы пройти в относительном порядке на параде, но, для того чтобы считаться боеспособным войском, им требовалось время и хорошие начальники. Непрерывно грохотали пушки. Сто один залп был дан в честь императора Индии Бахадур-шаха, потом в честь великого пешвы Нана Сахиба, затем стреляли во славу его братьев Бала Рао и Баба Бхата и в честь племянника пешвы Рао Сахиба, салютовали Тантия Топи, Джавала Прасаду и Тика Сингху. Солдатам в награду за их мужество и верность Нана Сахиб приказал раздать сто тысяч рупий. Обращаясь к ним, он сказал: «Эта победа принадлежит вам, но радость её — достояние всех». Щедрой рукой пешва награждал присоединившихся к нему феодалов.

Праздник, начатый в Канпуре, продолжался в Битхуре, куда приехали руководители восстания и многие феодалы со всей округи. Титулованная знать, преследовавшая в антианглийской борьбе свои корыстные цели, спешила поздравить пешву и оттеснить от него Тика Сингха и полковников из сипаев. Дворец пешвы освещался огнями фейерверков, слышалась музыка и пение.

1 июля в парадный зал был вынесен старый трон пешв — призрачный символ могущества и власти и состоялось полисе помпезности восшествие Нана Сахиба на престол. Брахманы и знатнейшие гости облачили его в дорогую мантию и надели тюрбан. Поэты

пропели во славу нового пешвы песни. Непрерывно гремел оркестр. Окружавшие пешву феодалы и придворные льстецы заставили его забыть о предполагаемом походе в Ауд и мероприятиях по укреплению единства народа, о которых он говорил в Канпуре, когда его окружали Тика Сингх и сипаи. Котвалу Канпура Хулас Сингху Нана Сахиб приказал в каждом городе и деревне объявить о победе над англичанами и бить в барабаны. Население должно было знать: пешва считает, что «все основания для опасений устранены», как говорилось в этом приказе⁶⁹.

Восстание народа возвращало к власти феодальных правителей. Таков был неизбежный ход событий в условиях Индии того времени. Солдаты, крестьяне и городские низы, с боем взяв власть у колонизаторов, добровольно отдали ее в руки Нана Сахиба.

Нана Сахиб стремился возродить былое величие маратхских пешв и опереться на индийских феодалов. Но власть пешв не была популярна среди феодалов всей Северной Индии, а народные массы, вернувшие Нана Сахибу его престол, не хотели мириться с сохранением тяжелой феодальной эксплуатации, требовали облегчения своей судьбы, требовали земли.

У восставших народных масс не было устойчивых политических убеждений и ясной программы действий. Они нуждались в вожде и видели его в пешве.

И политическая и социальная опора Нана Сахиба оказалась ненадежной. Он мог удержаться у власти только как руководитель борьбы против колонизаторов. Но, опираясь на народ в борьбе против чужеземцев, Нана Сахиб, как правитель государства, выступил прежде всего в защиту прав феодалов и незыблемости феодальных порядков.

В прокламации, посвященной земельным отношениям (она была издана 1 июля — в день провозглашения Нана Сахиба пешвой), обращенной к своим подданным, он писал: «Поскольку по милости славного всемогущего бога и благодаря счастливой судьбе императора наш враг разбит, белолицые и ограниченные люди ввергнуты в ад и Канпур захвачен, необходимо, чтобы все подданные и держатели земли были столь же покорны нынешнему правительству, сколь они были покорны прежнему, нужно, чтобы служащие государства все немедленно и с радостью посвятили свои силы выполнению распоряжений правительства.

Радоваться от сознания того, что христиане отправлены в ад, а религии индуизма и ислама восторжествовали, сохранять покорность властям перганы и не допускать, чтобы какая-либо жалоба на них достигла ушей высших властей — вот что является долгом всех райатов и собственников земли в каждом дистрикте и каждой пергане»⁷⁰.

Итак, победа, которая, по словам Нана Сахиба, была одержана благодаря счастливой судьбе императора, не принесла крестьянам ничего, кроме права радоваться по случаю торжества их религии. Земля, о которой они мечтали и за которую дрались, была им недоступна, так же как и раньше; налоги оставались прежними, все повинности сохранились, причем особенно подчеркивалась необходимость покорности народа власти и возвращения к своему труду. На поле пахаря вместо английских сборщиков налогов являлся старый хозяин — феодал. Еще 30 июня Баба Бхат разослал во все подвластные пешве районы приказ о необходимости представления в казну собранного земельного налога.

Крупные земельные собственники, ущемлённые в своих правах Ост-Индской компанией, вновь получили утраченные земли и привилегии. Когда один из раджпутских раджей сообщил Нана Сахибу, что он готов оказать ему поддержку, если встретит с его стороны соответствующее взаимопонимание, Нана ответил ему: «Вы имеете полное право вступить во владение вашими старыми деревнями и собирать там налоги»⁷¹.

Более того, Нана Сахиб выдавал как награду своим сподвижникам целые деревни с правом полного там хозяйничанья. Так, феодал Дурнао Синг получил право сбора налога с 20 деревень.

Показательно, что Нана Сахиб раздавал награды не только феодалам, тяготеющим к Канпуру, но не скупился на обещания и землевладельцам Ауда.

Когда аудский талукдар Бабу Рамбакши сообщил ему о смерти своего брата, Нана ответил: «Вы можете быть уверены в моей защите, не беспокойтесь, правительство несомненно окажет вам содействие»⁷².

Но, несмотря на ограниченность своей социальной программы, Нана Сахиб оставался в глазах народа руководителем борьбы против ферингов. Он по-прежнему был непримиримым врагом англичан. Не случайно одна из его первых прокламаций, изданных еще 27 июня, гласила: «Тот, кто укрывает в своем доме англичан или их детей, должен выдать их и он не будет нести за это ответственности, но если кто-нибудь скроет их, та будет привязан к стволам пушек и расстрелян»⁷³.

Борьба Нана Сахиба против колонизаторов, так же как и антианглийская борьба других патриотически настроенных феодалов, способствовала решению основной общенародной задачи — освобождению Индии от власти чужеземцев и сыграла поэтому исторически положительную роль.

Не случайно колонизаторы повели ожесточенную борьбу против Нана Сахиба и других феодалов, обнаживших меч против Британской короны.

Навстречу Нана Сахибу встала вся зловещая мощь Британской империи. Владычица морей Англия мобилизовала весь свой громадный флот, чтобы доставить в Индию достаточные для разгрома повстанцев войска из метрополии и других колоний.

30 июня командование канпурским направлением англичан принял опытный и энергичный военачальник генерал Хавелок. Не зная еще о трагедии гарнизона Уилера, он выслал туда форсированным маршем отряд мадрасских фузилеров под командованием майора Ренода.

Над Канпуром нависла громадная опасность. Многие жители сочли благоразумным покинуть город.

А что же Нана Сахиб?

Судьба восстания в Канпуре была под угрозой, но он продолжал торжествовать победу. В битхурском дворце продолжала греметь музыка и слуги не успевали менять золотую и серебряную посуду. Напрасно Тика Сингх и его друзья посылали из Канпура в Битхур гонцов с извещением о движении армии Хавелока — Нана Сахиб проявлял непростительную беспечность. В Канпуре сипаи начали выражать свое недовольство задержкой выплаты жалованья. Воспользовавшись моментом, богачи-мусульмане пытались подготовить общественное мнение к замене маратхя Нана Сахиба канпурским мусульманином Нлна Навабом. В городе поползли злонамеренные слухи, что пешве чуждо высокое чувство ответственности за судьбу Канпура. «Он маратх. Он здесь чужой. Только мусульманин может поднять народ и обеспечить безопасность жителей», — шептали враги пешвы. Требовались энергичные действия, чтобы обеспечить решительную всеобщую борьбу за победу.

Беспечность Нана Сахиба в эти трудные дни сыграла роковую роль в подготовке Канпура к обороне. Речь идет не только и, пожалуй, не столько о строительстве фортификаций и укреплений, сколько о моральной подготовке народа. Во время пышного ритуала восшествия на престол и длившихся после него празднеств Нана Сахиб по существу не руководил восстанием.

Пешва не сумел добиться необходимого перевеса сил, чтобы сокрушить английские войска в Доабе до прихода армии Хавелока, не решился предпринять активные наступательные действия, используя преимущество внезапности нападения. Наконец, был утрачен тот «моральный перевес», который имелся у повстанцев после первых победных боев.

5 июля во дворец Нана Сахиба прискакал Тика Сингх и, обрисовав пешве угрожающее положение дел, со свойственной ему категоричностью потребовал возвращения Нана Сахиба в Канпур. 6-го Нана выехал в город, но было уже поздно.

По прибытии в город Нана незамедлительно издал ряд строгих и необходимых приказов. Первый был адресован котвалу Канпура Хулас Синху. «До нашего сведения

дошло, — говорилось в нем, — что часть жителей города под влиянием слухов о прибытии европейских солдат в Аллахабад покидает свои дома и бежит в районы. Поэтому мы приказываем вывесить на всех улицах и переулках города прокламации, что полки кавалерии, пехоты и артиллерии отправлены, чтобы остановить европейцев около Аллахабада или Фатихпура. Жители могут без всякого опасения возвратиться в свои дома и заняться своим делом»⁷⁴.

В специальном воззвании пешва попытался успокоить взбудораженное общественное мнение города. Он опубликовал прокламацию, в которой пытался убедить население в слабости английских войск, с тем чтобы внушить ему мысль о возможности легкой победы над колонизаторами. Так, ссылаясь на мифического путника, он сообщал жителям, что английская армия в 35 тысяч человек, посланная из Англии по приказу королевы Виктории для подавления восстания в Индии, потоплена и уничтожена у берегов Египта в районе Александрии⁷⁵. Однако эта прокламация интересна не столько ложными версиями о слабости англичан, сколько ее патриотическим пафосом и тем, что в обращении к народу Нана Сахиб заявил, что враг Индии не только Ост-Индская-компания, но и все правительство Великобритании.

Но все эти призывы не могли спасти положения. Судьба завоеваний Нана Сахиба находилась в руках армии. Это понимал и Нана Сахиб, обратившийся к своим войскам со следующим приказом: «Я очень доволен вашим усердием, мужеством и преданностью. Ваша служба достойна высшей похвалы. Установленные ранее порядок и размер оплаты сохраняются». «Не беспокойтесь, все мои обещания будут выполнены»⁷⁶, — заверил он своих солдат и офицеров,

Нана Сахиб послал также большой отряд на помощь повстанцам Лакхнау, предполагая, что взятие резиденции высвободит большую армию правительницы Ауда для борьбы противдвигающихся из Аллахабада английских войск. В обращении к воинам этого отряда он говорил: «Вам будет оказана вся возможная помощь, чтобы уничтожить неверных и низвергнуть их в ад. Главным залогом победы является ваша готовность к боям и храбрость. Получение этого приказа и ознакомление с его содержанием подтвердите своими подписями и печатями. Это будет означать, что вы познакомились с его содержанием и готовы сплотиться для разгрома нечестивых христиан. Не беспокойтесь об артиллерии. У нас имеются в наличии тяжелые орудия и боеприпасы. Шараф-уд-дауле и котвалу Лакхнау Али Реза Бегу приказано подготовить провизию. Они обязаны это сделать, но, если они не исполнят свой долг, информируйте меня, и я их накажу в назидание другим. Все вы должны проявить доблесть и мужество. Пусть ваши усилия увенчаются победой, и я лично отправлюсь к Аллахабаду. Ни вы, ни я не можем допустить нерешительности. После скорой победы двигайтесь на Аллахабад и захватите его»⁷⁷.

Перед Нана Сахибом стояли следующие задачи:

1. Не дать возможности соединиться делийской и калькуттской группировкам англичан.
2. Отрезав Дели от Бенгалии, разгромить войска англичан до подхода подкреплений из Европы и Китая.
3. Соединиться с повстанцами Ауда и создать сильный военно-политический центр, способный оказать сопротивление войскам колонизаторов.
4. Объединив свои силы с войсками аудских феодалов, начать совместное наступление на Бенгалию и прежде всего захватить Аллахабад.

Сложность этих задач объясняется в первую очередь отсутствием координации с восставшими Дели и других районов и нежеланием феодалов Ауда объединиться с Нана Сахибом и участвовать в походе на Аллахабад.

Главная, конечная военно-стратегическая цель национально-освободительной войны повстанцев заключалась в том, чтобы добиться разгрома английской армии и вынудить колонизаторов эвакуироваться из Индии.

Вообще говоря, национально-освободительная война в Индии отличалась от большинства национально-освободительных войн XIX века. Хотя армия повстанцев и состояла в основном из крестьян и ремесленников, но имела боевое ядро регулярных кадровых войск с относительно высокой степенью организации и уровнем военной подготовки. Необходимо отметить также морально-политическое преимущество повстанцев, вступивших в борьбу за свою свободу, за поруганную религию.

Особенностью национально-освободительных войн обычно являлось отсутствие четко обозначенного, стабильного фронта, одновременное ведение действий и операций в нескольких пунктах, разбросанных на большой по ширине и глубине территории, охваченной восстанием.

Военные действия носили преимущественно маневренный характер. Их наиболее распространенным видом был встречный бой. Маневренность и внезапность, высокие темпы боя, неожиданные вклинения в боевые порядки противника — все это помогало повстанцам срывать замыслы английского командования, пытавшегося организовать устойчивую оборону ряда опорных пунктов на территории Индии. Несомненно еще больший успех сопутствовал бы восставшим, если бы они предпринимали ночные действия, навязывали противнику бои в лесах и труднопроходимой местности, мало ему знакомой.

Однако такие виды боевых действий могли быть эффективными лишь при тщательной подготовке, своевременном обеспечении разведывательными данными (отметим, что это было вполне доступным делом, учитывая поддержку населения), при четком управлении войсками, своевременном и быстром доведении боевых задач до подразделений и бойцов, умении вступить в сражение с марша и, наконец, при соответствующем обеспечении транспортными средствами (в частности, лошадьми, быками, верблюдами и слонами). Повстанцам следовало, видимо, отказаться от крупных сражений и расширять маневренные действия небольших, но мобильных подразделений, продуманно выбирая место и время атаки. Однако руководители повстанческих войск не обладали еще должным боевым опытом, и они, упустив время, дали англичанам возможность создать прочную оборону в Лакхнау и сформировать крупные отряды, в том числе и наступающую на Канпур колонну Хавелока.

Опасность, нависшая над Канпуром, пробудила в Нана Сахибе утраченную в битхурских празднествах энергию и заставила предпринять активные действия для защиты своего трона и Канпура. Его последующие мероприятия были связаны с укреплением армии. Именно в слабой ее организации, в плохой дисциплине, а не в недостатке вооружения и уж, конечно, не в малочисленности была главная слабость повстанцев. Нана издал ряд приказов, свидетельствующих о ясном понимании им ситуации. Предвидя жестокие бои, Нана обратился к сипаям. В одном из приказов говорилось: «Если воин и» кавалерии, артиллерии или пехоты падет в бою, то немедленно пожизненная пенсия будет дарована его сыну, жене, матери, сестре или дочери. Если же он получит ранение и не сможет продолжать службу, то ему будет выплачиваться пожизненная пенсия»⁷⁸.

В последующем постановлении пешва установил жалованье для должностных лиц армии. Наивысшую ставку в 500 рупий получал полковник — командир полка. Специальным приказом Нана Сахиб определил права и обязанности офицерского состава. Этот своего рода воинский устав подчеркивал, что общее командование всеми вооруженными силами остается за главой государства⁷⁹.

Эти приказы при всех их несомненных достоинствах имели два существенных недостатка. Во-первых, это были прежде всего обращения повелителя к подданным, а не патриотические призывы вождя к народу. Во-вторых, они безнадежно запоздали. Не успели огласить, приказы в полках, как последовало распоряжение выйти навстречу врагу и разбить его у границ владений пешвы. Сильный отряд войск Нана Сахиба под командованием Джавала Прасада, Бала Рао и Тика Сингха — 2 полка кавалерии и 3 полка пехоты при 12 орудиях, 7 июля покинул Канпур. Близились решающие бои.

ГЛАВА III

О, как ничтожны стали и князья,
и принцы!
Как ясно всем, что их величие —
ложь!

*Народная песня
о герое восстания Амаре Сингхе*

Поражение

1 июля генерал Хавелок доложил из Аллахабада командующему Бенгальской армии генералу Патрику Гранту: «Я со своим штабом прибыл сюда. Завтра под командой майора Ренода выйдет в Канпур колонна, состоящая из 400 европейцев, 300 сикхов и 120 всадников, иррегулярной кавалерии при 2 пушках. Я надеюсь поспеть на помощь Уилеру»¹.

Отправив Ренода, Хавелок стал готовить к выступлению для ликвидации войск Нана Сахиба и марша в непокорный Ауд еще один отряд. Опытный военачальник Хавелок проявил в этой операции большую энергию, быстроту и маневренность. Его мобильный, хорошо организованный отряд, состоявший из 1000 английских пехотинцев и 150 всадников-сикхов при 6 орудиях двигался на Канпур форсированным маршем, несмотря на нестерпимую июльскую жару. Но даже эта изнуряющая спешка не спасла положения.

Капитуляция и гибель канпурского гарнизона была тяжелым ударом для англичан. Обескураженный ходом событий, Хавелок докладывал командованию: «Мы потеряли Канпур — важнейший пункт на нашей основной коммуникации и единственное место, откуда может быть оказана помощь Лакхнау»².

Канпур необходимо было завоевывать снова.

12 июля, в воскресенье, в местечке Балинда, расположенном в 4-х милях от Фатихпура, отряд под командованием Хавелока, соединившись с колонной Ренода, расположился на долгожданный отдых. Однако отдыхать им не пришлось — внезапно они были атакованы конницей восставших.

Между войсками повстанцев под командованием Бала Рао и Джавала Прасада и английскими под командованием Хавелока произошел первый крупный бой. Точного плана сражения командиры отряда пешвы не имели. У них не было опыта ведения боевых действий такого масштаба, и они рассчитывали больше на храбрость своих воинов и численное превосходство, чем на свое воинское искусство. Но с каким бы самоотверженным мужеством ни сражался каждый повстанец армии пешвы, она не могла одержать победу над хорошо организованной и вооруженной, находившейся под командованием опытных офицеров армией колонизаторов. По существу воинская организация восставших не поднималась выше полкового звена. Большинство офицеров из сипаев имело лишь навыки командования подразделениями (взвод, рота, эскадрон) и даже не представляло себе принципа взаимодействия родов войск. О военной науке командиры сипаев знали лишь понаслышке.

Не организовав предварительной разведки, Джанг Прасад и Бала Рао сразу повели свои войска в стрелительную атаку. Дерзость и смелость атакующих внесли расстройство в ряды англичан. Но, чтобы добиться победы, мужество солдата нуждается в союзе с расчетливым разумом полководца. Полной неожиданностью для войск Нана Сахиба было вступление в бой отряда Хавелока, который, по их мнению, должен был находиться еще на значительном расстоянии от Ренода.

Своевременное прибытие Хавелока спасло отряд Ренода. Участник этого сражения впоследствии писал: «Мы не скоро забудем эту сцену... Мы представляли себе, как стремился майор Ренод взять до прихода Хавелока город Фатихпур, который, как нам сообщили, защищался лишь маленькой кучкой людей, вооруженных старинными пищалями. Возможно, так и было несколй дней назад, однако позднее к Фатихпуру подошли крупные

силы Нана, и если бы мы бросились вперед, то у нас не осталось бы ни одного человека, который бы сообщил о нашей судьбе. Только провидение спасло от поражения, которое в тот момент, несомненно, было бы гибельным для нашей власти в Индии»³.

Англичане успели развернуть орудия и открыть шквальный огонь по густой массе атакующих. Быстро перестроив боевые порядки своих подразделений, Хавелок начал контратаку. Восставшие не выдержали встречного боя и не смогли противостоять организованным действиям англичан. В их боевых порядках царила неразбериха. Сражение было проиграно. Повстанцы отступили к деревушке Аонг, потеряв одиннадцать из двенадцати орудий. Войска англичан вошли в Фатихпур.

Среди деятелей английской администрации и военщины в Индии Хавелок слыл «старомодным генералом». Он не пил вина, не курил, отличался большой набожностью и аскетизмом. Но вот что о нем говорил чиновник Компании Шерер, очевидец марша «богомольного» генерала: «Многие деревни на пути следования были сожжены, а людей, населяющих их, не было видно... В воздухе стоял запах гниения, исходящий от трупов повешенных, мелькающих перед нашими глазами. Только отвратительные свиньи праздновали свой кровавый пир»⁴. А вот что творилось в захваченном Фатихпуре: «Дома были разрушены... Наши солдаты, англичане и сикхи, дали себе волю, и за день, который мы там провели, весь город был разграблен. На следующий день, когда колонна начала свой марш, сикхи были донельзя довольны тем, что именно им была поручена знакомая задача поджечь город»⁵.

15 июля англичане атаковали позицию повстанцев у Аонга. Хотя к восставшим подошли подкрепления под командованием Тантия Топи и Лиаката Али, они не смогли организовать надежной обороны. После упорного боя войска карателей захватили деревню. (Под Аонгом англичане потеряли Ренода, который был тяжело ранен в ногу и умер после ее ампутации).

Сипаи вынуждены были отойти за небольшой, но довольно глубокий приток Ганга реку Панду и попытались укрепиться на ее берегу. Войска Хавелока стремительно преследовали повстанцев и, не дав им укрепиться, с ходу атаковали и разбили их. Хавелок продолжал двигаться к Канпуру.

Город лихорадочно готовился к защите. День и ночь ковали мечи и пики, обновлялась фортификация, собирали деньги и украшения на нужды обороны. К Канпуру двигалась конница восставших, тяжело плыли серые громады слонов, шли вооруженные чем попало, главным, образом мужеством, небольшие отряды крестьян. Но вместе с этими отрядами, обладавшими зачатками элементарной дисциплины, к восстанию массами присоединялись бродяги, нищие и другие деклассированные элементы, которые оказывали деморализующее влияние на армию повстанцев, и без того плохо организованную. Ко всем еще не примкнувшим к борьбе феодалам Нана Сахиб послал гонцов с просьбой о помощи войсками, оружием или деньгами. Одному из них он писал 13 июля после падения Фатихпура: «Победоносные войска правительства выступили против европейцев по направлению к Аллахабаду, но получено сообщение, что последние обманули правительственные войска, напали и рассеяли их. Часть войск осталась там. Поэтому приказываю вам известить всех землевладельцев в вашем округе и в Фатихпуре, что всякий храбрый человек должен и сердце и руку отдать на защиту своей веры и, обнажив свой меч, послать европейцев в ад. Помирите всех старых влиятельных землевладельцев и убедите их объединиться в защиту веры, перебить всех неверных и ввергнуть их в ад. Кроме того, скажите им, что правительство отдаст должное и наградит каждого, кто придет ему на помощь»⁶. Но Нана Сахиб тщетно надеялся на помощь феодалов. Патриотические выступления отдельных их представителей не могли решить исхода освободительной войны. Нана Сахиб понимал значение предстоящего сражения для судеб всего восстания и лично своей судьбы. Поражение вело его с трона пешвы на виселицу.

Расчет на падение цитадели Лакхнау и на помощь восставших Ауда до прихода английских войск в Канпур не оправдался. Нана Сахиб понимал также, что сохранение

Канпура в руках повстанцев было решающим и для победы восставших в Лакхнау. 16 июля он обратился со страстным воззванием ко всем «богатырям-солдатам и офицерам кавалерии, артиллерии и пехоты Лакхнау», в котором тревогой сообщал: «Силы британцев примерно в тысячу человек с несколькими орудиями двигаются на Канп из Аллахабада. Задержать и разбить эту армию — не ложное дело. Англичане продвигаются с большой быстротой. С обеих сторон имеются убитые и раненые. Европейцы сейчас на расстоянии семи косов (около 25 км. — *П. III.*) от Канпура. Мне донесли, что европейцы движутся вверх по реке на пароходах. Вокруг Канпура возведены сильные укрепления. Мои войска находятся в боевой готовности. На дальних подступах идут бои. Сообщаю вам, что англичане расположились напротив дистрикта Баисвара на этом берегу реки. Можно ожидать, что они попытаются переправиться через Ганг. Посему вам надлежит послать войска в район Баисвары, чтобы отрезать их на той стороне. Мои войска будут теснить их с этого направления, и посредством таких совместных действий мы добьемся желаемой цели — уничтожения неверных». Сообщив им о своих приготовлениях к бою и о создании новой линии обороны, Нана настойчиво требовал совместных действий против колонны Ха-велока — главной опасности для восстания в то время. «Если они не будут разбиты, то нет никаких сомнений, — писал он в Лакхнау, — что они будут пробиваться к Дели. Между Канпуром и Дели нет сил, способных противостоять им. Мы обязаны совместными усилиями наголову разгромить их»⁷.

В этот же день Нана Сахиб собрал в своей ставке, расположенной в Нур Мухаммад-отеле, совещание своих приближенных. Нана Сахиб отверг предложение оставить Канпур и отойти к Битхуру и принял решение вывести все свои войска навстречу карателям и дать им сражение совместно с аудцами на подступах к Канпуру. Этот план совместной операции повстанческих сил в случае его успешного выполнения, несомненно, мог бы сохранить Канпур в руках пешвы и оказать существенную помощь Лакхнау. Но воззвание пешвы к восставшим Ауда запоздало. Хавелок стремительно продвигался к Канпуру. Не отличающиеся оперативностью повстанцы Ауда не успели провести необходимые маневры.

За день до того, как Нана Сахиб написал свое письмо в Лакхнау, с поля боя прибыл его брат Бала Рао. Раненный в плечо, окровавленный и запыленный, он рассказал пешве о поражении его войск в сражении под Аонгом и о форсировании англичанами реки Панду. Вид брата и сознание роковой опасности привели Нана Сахиба в состояние иступления. В этот день все женщины и дети, захваченные при расправе с гарнизоном Уилера, были убиты, а их тела сброшены в колодезь. Если расправу с пленниками гарнизона Уилера 26 июня можно понять как жестокое возмездие, то побоище ночи 15 июля было бессмысленной жестокостью отчаяния.

16 июля Нана Сахиб решил принять командование и лично повести войска в бой. Он обратился к солдатам со специальным воззванием, требуя отстаивать свои позиции до последнего дыхания и грозя суровой расправой тому, кто обратится в бегство или отступит.

На подступах к городу, в расположенной у манговой, рощи на дороге Канпур — Аллахабад деревне Архирван Нана расположил свои войска, насчитывавшие около пяти тысяч человек. В выборе диспозиции участвовали Тантия Топи, Тика Сингх и Джавала Прасад. Спешно велись фортификационные работы, устанавливались батареи тяжелых орудий. По обе стороны дороги расположились полки пехоты, а в их тылу 2-й кавалерийский полк. 16 июля войска Хавелока, состоявшие из 1100 европейцев и 300 сикхов, атаковали левый фланг позиции повстанцев. Встретив сильный огонь артиллерии, англичане вынуждены были остановиться. Против центра позиции Нана Сахиба Хавелок бросил в бой мадрасских стрелков. Ряды повстанцев дрогнули. Нана Сахиб верхом на белом коне помчался на угрожаемый участок и восстановил порядок, заставив противника отступить.

Постепенно стало вырисовываться преимущество более маневренных и искусных войск колонизаторов. Тогда Нана начал готовить вторую линию обороны. Между тем положение английских войск также было тяжелым; решительной победы они не добились, и Нана попытался перехватить инициативу. Он послал в атаку свою кавалерию. Она была

отбита с громадными потерями. Обходным маневром Хавелок атаковал позицию повстанцев и захватил их артиллерию. Спустившаяся на поле сражения темнота сопровождалась временным прекращением сражения. Рассчитывая на передышку, воины Нана Сахиба заснули тяжелым сном. Ночью, когда лагерь повстанцев спал, Хавелок бесшумно поднял свои войска и бросил их в атаку. Расчет на внезапность оказался правильным. Восставшие даже не выставили посты боевого охранения. Захваченные врасплох сипаи не могли организовать обороны и в смятении покинули свои позиции. Беспорядочные группы повстанцев бежали в Канпур. Вместе с отступающими войсками возвратился в Канпур Нана Сахиб. Здесь он не задерживался и, сменив лошадь, бежал в Битхур. Когда он покидал город, раздался взрыв — по приказу пешвы был взорван арсенал.

Утром 17 июля в Канпур вошли войска генерала Хавелока. На другой день генерал рапортовал в Калькутту: «Благодаря бога, я вернул вчера Канпур и нанес полное поражение Нана Сахибу, захватив более шести пушек и 4 осадных орудия»⁸. Начался дикий разгул необузданного грабежа и насилий. Одним из первых был повешен схваченный англичанами сборщик налогов правительства пешвы Рам Лал. Офицеры и солдаты, превратившись в шайки пьяных мародеров, рыскали по домам напуганных жителей города. Одновременно с победным извещением о своем успехе командующий английской армии с огорчением сообщил в Калькутту о необходимых мерах по наведению порядка в своих частях: «Я приказал пиво, вино, спирт и все, что можно пить в Канпуре, отправить в комиссариат и установить охрану, так как если все это оставить в Канпуре, то необходимо издать приказ половине моих войск удерживать от пьянства другую половину, и я останусь без единого солдата»⁹. Но эта мера Хавелока не изменила положения в войсках.

Разбой принял такие угрожающие размеры, что, боясь полной деморализации своей армии, Хавелок вынужден был отдать весьма красноречивый приказ. «Мародерство в этом городе, — говорилось в нем, — превосходит беспорядки, которые имели место в период кратковременного триумфа злодея Нана Сахиба. Начальнику военной полиции специальным приказом предписано вешать тех британских солдат, которые, как грабители, занимаются мародерством. Это не пустая угроза. Офицеры получили самые строгие предупреждения по этому вопросу»¹⁰.

Однако прекратить грабежи и бесчинства не удалось. Они особенно усилились с 20 июля, когда в город прибыл со своим отрядом генерал Нил. Сразу по прибытии в Канпур он заявил: «Я намерен самым жестоким образом наказать и объявить террор повстанцам за их мерзкое, гнусное и варварское действие... Ни один даже видевший убийства, увечья и резню пусть не рассчитывает на милосердие, а будет рассматриваться как соучастник этих чертей»¹¹. Нил приступил к исполнению своей зловещей угрозы не откладывая дела в долгий ящик. В первую очередь он создал военную полицию во главе с капитаном Брюсом, которая начала преследовать и пытаться повстанцев. Особенное злорадство доставляло садистам глумление над религиозными чувствами своих жертв. В одном из своих писем Нил описывал свое участие в расправе над канпурцами. Он сообщал, что все кто бкп замешан в восстании, он приказывал вешать, зачинщиков заставлял предварительно вытирать кровь и вычищать нечистоты с пола в комнате, где были убиты пленные англичане. Для индусов высших каст это было жестоким оскорблением религиозных чувств. «Первый, кого мы захватили, — писал Нил, — был субадар или туземный офицер, брахман высшей касты. Он пытался воспротивиться моему повелению вытирать кровь, которая была пролита при его участии, но я приказал начальнику военной полиции исполнить свой долг, и несколько ударов хлыстом быстро заставили негодяя выполнить этот приказ. Когда он это сделал, его вывели и немедленно повесили, а после смерти зарыли в канаве у дороги»¹².

Даже Хавелок, находившийся в это время на пути в Лакхнау, выразил недовольство «чрезмерными жестокостями» и самоуправством своего коллеги. Он послал ему резкое письмо, в котором писал: «Генерал Нил, будет лучше, если мы ясно поймем друг друга. До тех пор, пока я здесь, все командование находится в моих руках, и вы не отдадите больше ни одного приказа»¹³.

Нил был вынужден проглотить эту горькую пилюлю, но прекращать грабежи и убийства, чинимые его солдатами в Канпуре, не стал.

В Ауде

Падение Канпура имело трагические последствия и других центров восстания, и прежде всего для Ауда. Между тем именно в лесах Ауда скрылся Нана Сахиб, переправившийся сюда на лодке из Битхура со своей семьей.

Ауд находился в это время почти полностью в руках восставших. Только английский гарнизон Лакхнау, укрывшийся в укрепленной резиденции аудских навабов, отчаянно отбивая непрерывные атаки восставших, тщетно ждал помощи из Калькутты. Уничтожение войсками Нана Сахиба канпурского гарнизона Уилера ставило осажденных в безнадежное положение. Лоуренс, командовавший английскими войсками в Лакхнау, понял это и на другой день после получения известия о гибели гарнизона Уилера повел свой отряд, состоявший из 400 англичан и 400 верных им сипаев при 10 пушках, на прорыв блокады. Однако выйти из окружения Лоуренсу не удалось. После упорного боя, понеся большие потери, осажденные отступили.

Восставшие, руководимые маулави Ахмад Шахом, непрерывно вели артиллерийский и ружейный обстрел резиденции и неоднократно пытались взорвать ее стены. Нот сомнения, что осада не была бы столь длительной, будь у восставших больше единодушия и сплоченности.

Слабость восставших Ауда заключалась также в том, что руководство восстанием осталось в руках феодалов. Правителем был провозглашен несовершеннолетний сын плененного англичанами бывшего наваба Ауда Ваджил Али. Фактически власть сосредоточилась в руках титулованной знати, захватившей все государственные посты. Главным вазиром стал известный аудский вельможа Шариф-уд-даула, военным вазиром — Джанлал Синх, главным казначеем — махараджа Балкишен. Только по решительному требованию солдат в совет, действовавший при несовершеннолетнем навабе Ауда, был введен маулави Ахмад Шах. Однако и он ничего не мог сделать с развращенной бездельем знатью. Французский историк писал: «Одной из причуд этого импровизированного правительства было назначение им на посты генералов каких-то дворцовых евнухов, для которых эти должности были простой синекурой»¹⁴. Вместо энергично подготовленного штурма резиденции и последующего движения навстречу армии англичан, наступавшей из Калькутты, восставшие топтались на месте в Лакхнау. Разобщенность восставших была главным союзником колонизаторов в лагере повстанцев. Даже здесь, в Ауде, где сложился наиболее широкий фронт всех слоев населения, участвовавших в антианглийской войне, сепаратизм феодалов нарушил возникшее было единство действий. Сместив иноземцев, феодальная знать стала восстанавливать свои права, стремясь расширить свои властные Дения. Это привело к неизбежным вооруженным столкновениям феодалов между собой, а также к конфликтам между феодалами и крестьянами. Засевшие в резиденции англичане с надеждой следили за этим разбродом. Финансовый чиновник в Ауде Мартин Губбинс писал: «Талукдары захватили свои прежние деревни и уничтожают любого, кто препятствует им. В каждом районе большей или меньшей степени вновь вспыхнула старая вражда и стычки с применением ружей и орудий»¹⁵. Многие феодалы, примкнувшие вначале к антианглийскому движению, начали отходить от него. Некоторые из них встали на путь предательства. Тот же Губбинс писал о крупном феодале Ман Сингхе: «Этот хитрый брахман вилял, льстил и заигрывал с индийскими вождями и даже отправил своего брата в Канпур к Нана Сахибу, не одновременно он через своих доверенных агентов переписку и с нами»¹⁶.

Руководители повстанцев, чтобы привлечь феодалов на свою сторону, от имени Бахадур-шаха опубликовали 22 августа специальную прокламацию, обращенную к земельной знати Ауда, в которой выразили свое удивление и сожаление тем, что в то время,

когда армия поднялась на защиту свободы и религии, землевладельцы не оказывают ей той помощи, на которую они рассчитывали. Весьма интересно, что при перечислении тех бедствий, которые несет английское господство, чуть ли не первым упоминается нарушение кастовых обычаев. Аудскую знать пугали тем, что якобы достоверно известно намерение англичан в случае победы собрать представителей всех высших каст и всех неприкасаемых княжества за один громадный стол и заставить их совершить совместную трапезу¹⁷.

Однако отошедшие от восстания феодалы остались глухи к призывам восставших к единству. Начавшийся среди повстанцев Ауда раскол продолжался. Тем не менее восставшие в Ауде еще обладали большими возможностями для успешной борьбы. Осада английского гарнизона в Лакхнау не прекращалась.

Положение англичан ухудшалось с каждым днем. Начал ощущаться недостаток пищи, воды и боеприпасов. Увеличились потери от огня повстанцев и болезней. 4 июля погиб руководитель обороны резиденции Генри Лоренс, сменивший его майор Бэнкс был убит через несколько дней. Командование принял майор Инглис. Было ясно, что близится развязка.

Понимая критическое положение осажденных, Хавелок оставил в Канпуре для организации управления и наведения порядка Нила с небольшим отрядом и повел двухтысячную колонну солдат с 10 пушками в Ауд. 25 июля он форсировал Ганг и двинулся на Лакхнау, надеясь снять осаду с английского гарнизона и захватить Нана Сахиба.

Англичане были уверены в своей легкой и быстрой победе. Подполковник Ф. Тейлор писал своему знакомому в Дели: «Генерал Хавелок переправился через реку, спеша на выручку Лакхнау, надеясь успеть за четыре дня. Он идет во главе сильного отряда и уже совершенно разбил и рассеял силы Нана Сахиба. Мы, вероятно, скоро двинемся к Дели с четырьмя или пятью тысячами европейцев при тяжелой артиллерии. Наши войска из Кнтая уже в Калькутте — их пять тысяч человек. Ожидаются новые подкрепления. Скоро мы будем с вами»¹⁸. Но оптимизм Тейлора оказался необоснованным. Не четыре дня, а четыре месяца понадобилось отряду Хавелока, чтобы сломить героическое сопротивление восставших, а сам генерал поплатился жизнью за упорное стремление любой ценой восстановить власть колонизаторов на индийской земле.

Сразу же после форсирования Ганга отряд Хавелока был втянут в непрерывные, утомительные бои. Каждую деревню приходилось брать с боем. Особенно яростно и упорно сопротивлялись отряды повстанцев и население небольшого городка Баширатгандж. Первая атака англичан была отбита с большими для них потерями. Хавелок повел в бой свои войска вторично, и им удалось ворваться в город, но не успели англичане закрепиться, как стремительным контрнаступлением повстанцы выбили их из Баширатганджа. В третий раз бросил вперед свои части Хавелок, и только этот штурм принес ему наконец успех, но это была пиррова победа. Понимая слабость своих позиций в Баширатгандже, Хавелок вывел свои части.

Генерал Нил не упустил случая отомстить Хавелоку и поспешил написать ему язвительное письмо, в котором критиковал неудачные операции Хавелока. Раздраженный Хавелок резко ответил Нилу: «Я вам пишу конфиденциально. Вы послали мне письмо с замечаниями о моих действиях, упреками и советами на будущее. Я не хочу и не намерен получать что-либо подобное от офицеров, находящихся под моим командованием, зная по опыту к чему это ведет. Отчетливо усвойте себе, что я рассматриваю это как обструкцию и только необходимость налаживания муниципального хозяйства мешает мне предпринять суровые меры и подвергнуть вас аресту. Я предупреждаю вас. Постарайтесь учесть это на будущее»¹⁶.

Но дальнейшие события развернулись так, что английским генералам стало не до взаимных упреков и препирательств. 11 августа Нил спешно отправил к Хавелоку срочное сообщение, в котором с тревогой писал: «Только что прибывший один из разведчиков-сикхов, которому я полностью доверяю, доложил, что сегодня около 4000 мятежников при 5 орудиях сосредоточились в Битхуре и угрожают Канпуру. Если я не получу поддержки, я

смогу только удержаться в укреплениях и не сумею ничего предпринять за их пределами, противник займет город, перережет наши коммуникации и я не сохраню наших позиций. Вся область отсюда до Аллахабада будет потеряна, наши боеприпасы и порох, находящиеся в пути (если они отправлены не на пароходе, в отплытии которого я не уверен), окажутся в руках врага и тогда наши дела будут совсем плохи»²⁰.

Хавелок понял, какая опасность нависла над гарнизоном Нила и, в случае потери Канпура, над его отрядом. Он начал обратный марш и к вечеру 12 августа привел свой поредевший отряд в город. Трое суток ему понадобилось для комплектования и подготовки к новым боям своих войск.

16 августа колонна Хавелока вышла на битхурский тракт. В ее составе было около тысячи солдат и офицеров и 14 орудий.

Агентурные сведения, полученные Нилом, оказались точными и своевременными. Разведка англичан в отличие от разведки повстанцев работала очень оперативно. Действительно, после бегства Нана Сахиба оставшийся в Бигхуре Тантия Топи начал энергичную и успешную деятельность по организации сопротивления захватчикам. Ему удалось сформировать отряд, насчитывавший около четырех тысяч человек, и начать подготовку к новому наступлению на Канпур. В Битхур стекались и уцелевшие после разгрома под Канпуром отдельные подразделения войск Нана Сахиба. Судя по некоторым данным сюда вновь прибыл в это время и сам Нана Сахиб, не оставивший мысли о сопротивлении англичанам. Движение войск под командованием Тантия Топи из-под Калпи, о котором сообщили разведчики Нила, и прибытие отряда Нана Сахиба из Ауда, видимо, было согласованным действием; Карл Маркс писал по этому поводу: «Это концентрическое движение, руководимое, быть может, Нана Сахибом, в руках которого, как говорят, находится верховное командование в Лакнау, впервые обнаруживает у повстанцев известное представление о правилах стратегии»²¹. Тантия Топи, изучая в ходе боев науку войны, выдвигался в ряды наиболее талантливых военачальников, рожденных восстанием,

Во второй половине дня 16 августа отряд Хавелока атаковал позиции Тантия Топи. Войска повстанцев после упорных боев вынуждены были отступить за Ганг. Хавелок писал об этом бое: «Я должен отдать должное бунтовщикам. Они дрались отчаянно, иначе не смогли бы удержаться против моего мощного артиллерийского огня, несмотря на все преимущества, которые давала им местность»²². Хавелок ввел свои войска в Битхур. Каратели решили смести с лица земли резиденцию Нана Сахиба. Дворец пешвы, храм, постройки при дворце, дома приближенных владельца маратхов были подвергнуты разграблению, преданы огню и разрушены. После этого Хавелок возвратился в Канпур.

Нанл Сахибу вновь удалось скрыться. 19 августа каратели опубликовали прокламацию, в которой сообщали: «Настоящим доводится до всеобщего сведения, что генерал-губернатор Индии уплатит 50 тысяч рупий лицу или лицам, кто доставит Шриманта Данду Панта Нана Сахиба из Битхура (дистрикт Канпур), обычно называемого Нана Сахиб, и передаст его либо в руки любого английского гражданского чиновника или армейского офицера, или тому, кто укажет его точное местонахождение и окажет помощь в его захвате»²³. Прокламация обещала полную амнистию и прощение участникам восстания, если они помогут арестовать Нана Сахиба.

Англичане пытались любой ценой захватить Нана Сахиба, который в то время был наиболее популярным вождем повстанцев. Но призыв колонизаторов не нашел отклика среди восставших. Они продолжали отчаянную борьбу во всем Доабе.

Кровопролитные бои вконец измотали силы англичан. Хавелок тревожно телеграфировал в Калькутту: «Мы в крайне затруднительном положении. Если не придут новые подкрепления, британская армия не сможет предупредить гибель Лакхнау и вынуждена будет возвратиться в Аллахабад»²⁴. В другой телеграмме от 20 августа, отвечая на требование искать и уничтожать силы мятежников, он писал: «Я готов сражаться с кем угодно, но соотношение сил слишком невыгодно. Проигранная битва нанесет непоправимый ущерб интересам государства»²⁵.

Трения между Хавелоком и Нилом и неудачи первого в Ауде заставили Каннинга назначить в этот район наиболее жестоких боев нового командующего. Выбор генерал-губернатора пал на пребывавшего 31 июня в Калькутту генерала Джеймса Аутрама.

Аутрам не был новичком и в военном деле и в английской колониальной администрации в Индии. Именно здесь он сделал свою карьеру колониального деятеля. С 1819 года он находился на службе Ост-Индской компании и принимал участие в захватах многих индийских княжеств и земель. Во время первой англо-афганской войны он был командиром одной из английских частей. Даже среди чиновников английской администрации, не отличавшихся чистоплотностью и щепетильностью в делах, касающихся личного обогащения, он снискал себе сомнительную славу стяжателя. 22 мая 1853 года после ознакомления с неблагоприятными делами Аутрама генерал-губернатор лорд Дальхузи писал, что «Аутраму грозит наказание быть исключенным со службы на два года»²⁶. Но грех Аутрама был, по мнению Дальхузи, не столь тяжким, чтобы приводить угрозу в исполнение. Более того, именно ему он поручил ответственное и щекотливое дело по аннексии Ауда. Но и здесь новый комиссар был верен своим прежним привычкам и через три месяца после аннексии ему предложили уйти «по болезни».

Когда буржуазная Англия начала захватническую войну в Иране (1855—1857), болезнь Аутрама как рукой сняло, и он стал во главе английских агрессивных сил. «Никто не знает, как это случилось, но совершенно неожиданно Джеймс Аутрам избавился от болезни прострации, в которой он находился»²⁷, — писал об метаморфозе Аутрама крупный английский администратор в Индии и апологет лорда Каннинга Кей. После победы в Иране, не принесшей славы английскому оружию я лично ему лавров, Аутрам вернулся в Бомбей. Его ждали новые бои, на этот раз с восставшим народом Индии.

Каннинг встретил этого успешного прославиться колониальными грабежами генерала достойным образом. Он издал специальный приказ, в котором писал: «Благополучное прибытие вчера генерала сэра Джеймса Аутрама в Калькутту делает возможным использовать этого выдающегося офицера на пользу правительства Индии»²⁸. 4 августа приказом Каннинга Аутрам был назначен командующим армией в Канпур.

После поражения в Битхуре разрозненные отряды войск Нана Сахиба снова отошли в Ауд. Нана и его ближайшие сподвижники нашли себе убежище в небольшом замке Фатехпур Чаураси, принадлежавшем знакомому Нана Сахиба небогатому аудскому феодалу Джуса Сингху. Сам Джуса Сингх погиб в бою, сражаясь в рядах отрядов пешвы; замок он оставил сыну.

Потерпевший жестокое поражение Нана стремился продолжать антианглийскую борьбу. Он не терял связи с Тантия Топи и поручил ему выехать в глубь страны, чтобы сплотить и поднять на восстание сипаев и феодалов, еще способных сопротивляться колонизаторам, а сам послал гонца в Лакхнау к регентше аудского наваба бегум Хазрат Махал с извещением о своем прибытии в Ауд. Основную ставку он делал отныне на патриотически настроенных аудских феодалов и восставших сипаев, штурмовавших гарнизон в Лакхнау. Феодалная знать Лакхнау также охотнее признала бы руководителем антианглийских сил Нана Сахиба, чем связанного с простым человеком незнатного и неименитого маулави Ахмад Шаха.

В Фатехпур Чаураси была отправлена делегация аудских феодалов с подарками. Кавалькада состояла из двадцати слонов и тридцати повозок. Приняв дары и получив приглашение Хазрат Махал посетить ее дворец, Нана направился в Лакхнау. У въезда в город его встретил почетный эскорт. Загремели залпы орудийного салюта. Во дворце навабов Ауда Нана принял новые подношения: двадцать пять тысяч рупий, дорогой меч, слона и верховую лошадь. Хазрат Махал выделила гостю один из лучших своих дворцов.

18 августа восставшие начали новый штурм английского гарнизона в Лакхнау, но вновь были вынуждены откатиться с большими потерями назад. Правда, им удалось произвести удачный взрыв большого заряда пороха под стеной резиденции гарнизона и пробить в ней значительную брешь, но у них не хватило сил воспользоваться этим успехом.

Осажденным удалось послать гонца к Хавелоку с мольбой о помощи. «Я не могу достигнуть Лакхнау раньше чем через двадцать пять дней»²⁹, — ответил генерал, уже познавший силу сопротивления отважных аудцев.

15 сентября в Канпур прибыл генерал Аутрам. Первый приказ он посвятил своему предшественнику на посту командующего в Канпуре и сослуживцу по персидской войне генералу Хавелоку. Зная, что его назначение могло если не оскорбить, то глубоко обидеть Хавелока, Аутрам фарисейски писал: «Он, который так мужественно вел борьбу за сохранение осажденного Лакхнау, он один достоин чести завершить эту задачу. Вот почему я вручаю всю власть командующего мужественному Хавелоку до освобождения Лакхнау и записываюсь рядовым добровольцем в его ряды»³⁰. Вторым мероприятием Аутрама было воссоздание и укрепление полиции и администрации для немедленного возобновления сбора налогов с населения Канпура и его области. На эту должность был поставлен опытный полицейский чиновник Шерер, прибывший в город вместе с колонной Хавелока. Шерер начал свою деятельность энергично и жестоко. Он немедленно заменил индийских чиновников налогового аппарата, многие из которых служили в свое время Нана Сахибу и симпатизировали ему. Позднее он писал: «Измена индийских чиновников несомненна, а это оказывает дурное влияние в дистрикте. Они все без исключения во главе с главным коллектором преспокойно изменили нам и стали на сторону новоявленной администрации. Главный коллектор Рам Лал принял самое активное участие в организации правления Нана. Это явное предательство всех чиновников сразу же по прибытии я наказывал смертью»³¹.

20 сентября Хавелок, Аутрам и Нил выступили против непокоренного Ауда. Общая численность их войск составляла 3000 человек, 23 сентября у местечка Алам Багх произошел упорный первый бой с повстанцами. Преодолевая отчаянное сопротивление восставших, колонна англичан подошла к Лакхнау.

Войска восставших и население Лакхнау самоотверженно боролись за каждый дом. Одна за другой захлебывались атаки англичан, пробивавшихся к резиденции, где размещался гарнизон.

При взятии Лакхнау за свои кровавые злодеяния в Канпуре заплатил жизнью генерал Нил. Было уже совсем темно, когда войска Хавелока прорвались к осажденному гарнизону Лакхнау. За 87 дней осады английский гарнизон потерял более семисот человек.

В боях за свой город повстанцы проявили безграничное мужество и смелость. В отчете об этом сражении Хавелок писал: «Победа досталась нам дорого. Число убитых, раненых и пропавших без вести к вечеру 26-го составляло 535 офицеров и солдат»³².

На следующий день утром колонизаторы убедились, однако, что достигнутый такой тяжелой ценой прорыв не принес освобождения. Впустив в резиденцию английские войска, восставшие, вновь сомкнули кольцо. Осада продолжалась.

Падение Дели

Более благоприятно для колонизаторов сложилась политическая и военная обстановка в Дели. Значение этого города для дальнейшей судьбы восстания трудно переоценить. Столица олицетворяла силу и размах движения, и сохранение ее в руках повстанцев имело громадный военный, политический и моральный эффект. Джон Лоуренс, с трудом удерживая в повиновении Пенджаб, писал в Калькутту: «Мне кажется, что существует много серьезных причин идти безотлагательно на штурм Дели. Каждый день промедления увеличивает опасность. Каждый день распространяет неповиновение и расширяет сферу восстания. Каждый лишний день увеличивает грозящую нам опасность присоединения туземных князей к восставшим против нас»³³.

Если бы восставшие не ограничились взятием Дели, а развернули бы наступление на основные центры сосредоточения английских войск, исход сражения под Дели мог бы быть другим. Но несколько десятков тысяч сипаев находились в Дели без всякого движения; не развили, как мы видели, широких наступательных операций ни Нана Сахиб, ни восставшие в

Лакхнау. Оборонительная тактика губительна для вооруженного восстания вообще, тем более роковой оказалась она для восставших народов колониальной Индии. Мобилизация неисчислимого военного потенциала величайшей колониальной империи требовала только времени. Воспользовавшись пассивностью индийцев, англичане сумели перебросить войска из Бирмы и Цейлона, направить в Индию 10-тысячный десант, направлявшийся в Китай, подтянуть части, дислоцированные в Иране. Еще не закончив концентрации войск, колонизаторы начали деятельную подготовку штурму Дели. Здесь, у Дели, они сосредоточивали силы для мощного удара и ликвидации главного центра восстания. Сюда шли отряды и тяжелая осадная артиллерия из Пенджаба, двигались колонны из Центральной Индии и сохранивших относительное спокойствие районов Северо-Западных провинций.

Происходила срочная и, надо сказать, успешная консолидация сил колонизаторов. Между тем, чем дольше длилось пассивное пребывание восставших в Дели, тем сильнее проявлялись внутренние слабости восстания. Несмотря на то, что индийские патриоты отдавали себе отчет в необходимости сплоченной антианглийской борьбы, добиться единства становилось все труднее.

В августе 1857 года в осажденный англичанами Дели прибыл известный мусульманский просветитель Фазл-хан. Он стал членом дарбара Бахадур-шаха и часто присутствовал на заседаниях Совета восставших. Фазл-хан написал для падишаха «Законы об управлении государством», в которых красной нитью проходит мысль о необходимости единства восставших, и издал знаменитую фетву «Братства борцов за веру», в которой восстание объявлялось всеиндийской священной войной против верных англичан.

Однако усилия Фазл-хана и других дальновидных идеологов и вождей освободительной войны, направленные на дальнейшее расширение восстания и укрепление единства действий его руководителей, не увенчались успехом. Ни сипаи, ни городские низы, ни феодалы не смогли объединить национальные силы и руководить ими в ходе восстания. Феодалная знать Дели все откровеннее склонялась к компромиссу с колонизаторами. Совет восставших в этот критический момент сделал еще одну попытку добиться объединения индийцев в антианглийской борьбе вокруг любого феодала-патриота. От имени Бахадур-шаха Совет выступил со следующим воззванием: «Мое горячее желание — любыми средствами и любой ценой изгнать ферингов из Хиндустана. Я горячо хочу, чтобы Хиндустан стал свободным. Но война, которая ведется во имя этой цели, не увенчается успехом, если не будет руководима человеком, способным взять на себя все ее бремя, человеком, который смог бы организовать и объединить все силы народа, человеком, который в самом себе объединил бы весь народ и встал бы в качестве руководителя этой войны. Я не имею желания управлять всей Индией после того, как англичане будут изгнаны из нее. Я не жажду личного возвышения. Если вы, индийские раджи, готовы обнажить мечи, чтобы изгнать врага, то я откажусь от своей императорской власти в пользу любого союза индийских князей, способного взять эту власть»³⁴.

Из этой прокламации ясно, что имя Бахадур-шаха служило прежде всего и только символом единения народа. Но даже заманчивые посулы возглавить освободительную войну, а затем и освобожденную от колонизаторов империю не могли склонить большую часть знати к активным антианглийским действиям. Более того, сам Бахадур-шах начал тайные переговоры с англичанами о сдаче города. Однако он не успел встать на путь открытого предательства. Командующий английскими войсками Вильсон назначил штурм города на 14 сентября 1857 года. В полках объявили: пленных не брать.

Штурмующие войска колонизаторов повели атаку с четырех сторон. Сипаи и жители Дели героически защищали главный центр восстания. Бои на улицах города длились несколько дней. Потери англичан составили более тысячи человек.

Ночью 19 сентября Бахт-хан вывел свои войска из города, а на рассвете англичане полностью овладели Дели. Прорвавшаяся группировка Бахт-хана, состоявшая из четырех пехотных и одного кавалерийского полков, двинулась по направлению к Фаррухабаду. Перед последней атакой Бахт-хан предложил Бахадур-шаху идти вместе с его отрядом и

создать новый центр восстания, Бахадур-шах с двумя сыновьями отказался продолжать борьбу и отступить с сипаями. Он спрятался в расположенном недалеко от Дели мавзолее своего знаменитого предка Хумаюна. Здесь его и нашел отряд английского офицера Ходсона. Ходсон вывел сдавшихся в плен отпрысков Великих Моголов из мавзолея и на берегу реки Джумны лично застрелил из пистолета всех наследников; шаха * (* **Расправа Ходсона с наследниками Бахадур-шаха вызвала одобрение английских колонизаторов. «Дорогой Ходсон, — писал ему Р. Монтгомери, крупный чиновник английской администрации в Пенджабе, — честь тебе и слава за то, что ты схватил императора и прикончил его сыновей. Надеюсь, ты будешь убивать и дальше»³⁵.**). Сам Бахадур-шах был отправлен в Калькутту, судим и сослан в Рангун, где умер в 1862 году.

Восстание в Дели было разгромлено. Падение Дели было сильнейшим ударом по всему восстанию в Индии и решающим образом повлияло на дальнейший ход освободительной войны. В руки колонизаторов перешел военный и политический центр движения, в котором были сосредоточены крупнейшие силы повстанцев, находился Бахадур-шах и Совет восставших. Дели в глазах всех индийцев был символом независимости Индии. Характерно, что вскоре после взятия Дели англичанами Каннинг получил поздравительный адрес, подписанный двумя с половиной тысячами знатнейших и именитейших жителей Бенгалии.

Армия колонизаторов, освободившаяся под Дели, была направлена на подавление других очагов восстания.

На другой день после падения Дели из города направился в Канпур отряд из семисот пятидесяти европейцев и тысячи девятисот сикхов при шестнадцати орудиях, чтобы принять участие в подавлении восстания в этой части Индии. Командование им в Агре принял опытный офицер Хоуп Грант. 26 октября колонна Хоупа Гранта прибыла в Канпур.

Нана Сахиб снова в Канпуре

Одновременно с колонной Х. Гранта на помощь англичанам в Лакхнау, который после падения Дели стал основным центром восстания, двигались войска главнокомандующего британскими вооруженными силами в Индии генерала Колина Кемпбелла.

Колин Кемпбелл был одним из опытейших генералов Англии того времени. За свою шестидесятипятилетнюю, богатую приключениями жизнь он участвовал во многих сражениях, воевал с французами, был в Америке, в Китае, участвовал в войне с сикхами в Индии, командовал соединением английской армии в Крыму в войне 1853—1856 годов. Английское правительство, испуганное размахом восстания в Индии, сочло необходимым вручить ему командование карательными операциями.

3 ноября во главе значительной армии Кемпбелл прибыл в Канпур, где его уже ждал со своим отрядом Хоуп Грант. 10 ноября большая и прекрасно вооруженная, руководимая опытным командующим английская армия форсировала Ганг и стремительно двинулась по направлению к Лакхнау. С севера на восставший город шла армия гурков под командованием самого раджи Непала Джанг Бахадура. В Канпуре остался небольшой гарнизон под командованием генерала Уиндама.

17 ноября в Лакхнау прибыли Нана Сахиб и приехавший к нему из Калпи Бала Рао. Здесь уже были Бахтхан, Фероз-шах и другие руководители восставших Дели. Они, по видимому, пытались договориться о совместных действиях по освобождению Канпура. Появление армии Кемпбелла и угроза, нависшая над Лакхнау, делали саму мысль о какой-либо помощи Нана Сахибу со стороны аудцев беспредметной. Договорившись о месте встречи в случае возможной эвакуации Лакхнау, Нана и Бала поспешно выехали обратно. В этот же день в Лакхнау вошли части Кемпбелла. Они освободили блокированный гарнизон и вывезли из резиденции раненых, женщин и детей. Среди тяжелораненых был генерал Хавелок, 24 ноября он скончался.

Однако полностью очистить Лакхнау от войск повстанцев Кемпбеллу так и не удалось. В районе Канпура вновь начались упорные бои.

Получивший в свое время задание от Нана Сахиба собрать новое войско для продолжения борьбы, Тантия Топи незадолго до этого инкогнито выехал в княжество Гвалиур. Молодой (ему тогда было 23 года) раджа Гвалиура Синдия, открыто сотрудничавший с англичанами, не был популярен у населения своего княжества. Он боялся восстания, внимательно и беспокойно следил за настроением своих войск и народа. Повсюду рыскали агенты раджи, за содействие и даже сочувствие восставшим виновного ожидала суровая кара. Тантия Топи со спокойной неустрашимостью ходил по военным лагерям Гвалиура. 30 сентября английский шпион донес в департамент полиции, что среди сипаев действует посланник Нана Сахиба, призывающий солдат встать под знамена пешвы, и что его деятельность встречает у них полное сочувствие. Но прислужникам гвалиурского раджи не удалось схватить Тантия Топи. Его страстные призывы и отчаянная отвага возымели свое действие: ряд подразделений гвалиурских сипаев решил встать под знамена Нана Сахиба. Около 3 тысяч человек при полном вооружении и 10 орудиях двинулись из княжества на город Калпи, расположенный в сорока шести милях к юго-западу от Канпура.

Калпи, согласно плану восставших, должен был стать новым центром восстания. Сюда стекались отряды крестьян близлежащих районов, здесь сосредоточивались отряды поднявшихся на борьбу феодалов; к Калпи вел свои войска из далекого Бихара легендарный вождь восставших бихарцев семидесятилетний Кунвар Сингх.

В августе 1857 года Кунвар Сингх потерпел тяжелое поражение под городом Аррахом и ушел в родной Джагдишпур. Преследовавшие его англичане заняли дворец «бихарского льва» и дотла сожгли его. Кунвар Сингх вместе со своим братом Амар Сингхом ушел в глубь лесов и начал дерзкие партизанские операции. Измученные длительными переходами карательные отряды колонизаторов ничего не могли поделать с мобильным отрядом повстанцев.

В конце октября начальник полиции Канпура Шерер донес: «Кунвар Сингх (из Арраха), как мне сообщили, движется из Банды, чтобы соединиться с гвалиурскими частями из Калпи», и несколько позднее: «Кунвар Сингх с 1200—1500 восставших Банды и 300—400 человек своих воинов прибыл в Калпи»³⁶.

Отчетливо сознавая, что основная слабость повстанческой армии в отсутствии опытных командных кадров, Нана Сахио послал своего представителя с письмом к находящемуся в Лакхнау профессиональному военному французцу Дебре, с которым он был связан еще во время своего визита в Ауд в период подготовки восстания. В письме Нанэ обещал щедро наградить Дебре, если последний согласится возглавить войска пешвы. Но Дебре, видя бесперспективность планов Нана Сахиба, ответил отказом³⁷. Попытка найти помощь у европейца не удалась. Можно было рассчитывать только на индийцев.

Получив донесение об успехе Тантия Топи в Гвалиуре, Нана решил выехать в Калпи, чтобы встретить прибывающие войска и начать подготовку к операции по возвращению Канпура. План Нана Сахиба стал известен англичанам. 10 октября Шерер прислал в полицейское управление Агры записку, в которой сообщал, что ему донесли о намерении Нана Сахиба в сопровождении небольшого отряда форсировать Ганг. Шерер извещал, что он и начальник военной полиции попытаются захватить в плен руководителя мятежников. Здесь же давались особые приметы Нана Сахиба: «Нана сорок два года. Волосы черные. Цвет лица светло-коричневый. Большие глаза и полное лицо. Сейчас он, как говорят, носит бороду. Рост пять футов восемь дюймов (примерно 173 см.— П. Ш.). Стрижет волосы очень коротко (во всяком случае делал так раньше), оставляя их лишь на макушке. Он полон и крепкого сложения. Имеет не маратхский нос с широкими ноздрями, а прямой и хорошей формы. При чем всегда находится слуга с обрезанным ухом»³⁸,

Однако Нана отказался от своего плана покинуть Ауд, и в одном из последующих рапортов Шерер сообщил: «Я намерен перерезать коммуникации Нана в Доа-бе. Как

сообщили наши тайные агенты, он прибыл на пристань прошлой ночью, однако испугался и вернулся в Фатехпур Чаураси»³⁹.

"Сообщение Шерера подтвердилось. Пешва не решился лично возглавить борьбу в Калпи. Таким образом, в самый критический момент восстания, когда решалась его судьба в Ауде, а Калпи превращался в новый опорный пункт восставших, Нана Сахиб был фактически поставлен вне руководства движением. Правда, ему удалось выгнать в Калпи пехотный полк и артиллерийскую батарею, но его отказ от личного участия в подготовке сражения произвел неблагоприятное впечатление на повстанцев. Именем пешвы в Калпи действовал его брат Бала Рао.

Скрывающийся в Ауде Нана, не имеющий реальной власти, армии и наличных денег, только символически мог руководить действиями восставших. Тантия Топи распоряжался сам на свой страх и риск. В этот период самостоятельной деятельности Тантия Топи особенно ярко проявился его талант недюжинного военачальника и организатора.

Прибыв в Калпи 10 ноября (в день, когда Кемпбелл форсировал Ганг, двигаясь на Лакхнау), Топи незамедлительно начал формирование полков, принял меры по строительству оборонительных сооружений, сумел организовать в городе литье пушек. Правильно оценив обстановку, он избегал крупных сражений с англичанами. Именно Тантия Топи нашел верный тактический план борьбы: мелкие бои в окрестных районах силами небольших отрядов, которые мешали подвозу продовольствия для гарнизона Канпура, в то время как генерал Кемпбелл увязал в кровавых сражениях в Ауде. Залогом успеха этой тактики была полная поддержка повстанцев населением этих районов. Еще в середине сентября Шерер отмечал в своем рапорте о положении в Канпуре, что, хотя в самом городе все спокойно, в окрестных сельских районах положение становится все хуже и хуже, сбор налогов прекратился, власть англичане фактически утратили.

Операции отрядов Тантия Топи привели в замешательство командование британских войск. Трезвую оценку опасности дал Аурам. Он озабоченно писал в Канпур: «Сейчас наиболее важно, чтобы в первую очередь были отрезаны гвалиурские повстанцы, которые, как говорят, готовятся двинуться в Доаб... Я считаю, что колонна из Дели, усиленная какими только возможно подразделениями Канпура, должна быть направлена против гвалиурских повстанцев, если они попытаются войти в Доаб»⁴⁰. Аурам предлагал даже повременить с помощью его гарнизону, блокированному в Лакхнау.

Нл Тантия Топи временно прекратил всякие действия, ожидая благоприятного момента для нанесения удара по англичанам. Кемпбелл решил форсировать Ганг и выручить осажденных в резиденции в Лакхнау.

Несколько дней спустя после ухода Кемпбелла Тантия Топи вывел свои полки из Калпи, 19 ноября он перерезал коммуникации Кемпбелла и Уиндама и, соединившись с частями, прибывшими из Ауда, двинулся на Канпур. Командующий канпурским гарнизоном генерал Уиндам, не имевший опыта войны в Индии, поспешно выступил навстречу войскам повстанцев, хотя имел строгую инструкцию Кемпбелла не покидать укрепления, а ограничиться фортификационными работами и совершенством обороны.

26 ноября Уиндам неосмотрительно и безграмотно с оперативной точки зрения напал на авангард Тантия Топи у местечка Пандунади. Решив, что противник разбит (Уиндам не думал, что Тантия сумеет в короткий срок собрать значительные силы), английский генерал торжествовал победу. Однако торжество оказалось преждевременным. 27-го Тантия Топи двинул против англичан свои основные силы, насчитывающие без подкрепления из Ауда шесть тысяч человек при восемнадцати орудиях. Уиндам понял, что его ждет разгром, и начал поспешно отступить к Канпуру. У стен города он решил дать бой. Позиция, выбранная командующим английскими войсками, не делала чести его воинскому искусству. Он расположил свои части неудачно, на пустыре, за которым находились печи для обжига кирпича. Перед рядами англичан оказались роща и заросли кустарника, представлявшие удобное укрытие для повстанцев. Тантия умело использовал эту ошибку Уиндама и, удобно расположив свою артиллерию, прицельно начал обстреливать расположение

противника. 28-го с утра части Тантия Топи атаковали фланги английских войск и заставили их отступить. Центр англичан оказался в опасном положении, и их командир приказал войскам отходить. Скоро отступление превратилось в бегство, и восставшие, преследуя противника, ворвались в Канпур. Победителям достались большие трофеи. «Вследствие бегства обозных мне не удалось вывезти лагерное снаряжение и часть обоза»⁴¹, — скромно докладывал позднее Уиндам. Более правдиво описал отступление один из офицеров, участвовавших в сражении: «Я не думаю, чтобы кто-нибудь смог точно описать бой и отступление, происшедшие в это утро, — вспоминал он. — По лагерю быстро разнеслась весть, что наши войска разбиты и отступают, и все стрелки бросились к внутренним укреплениям, подобно неудержимому потоку Ниагарского водопада. Бесчисленное множество солдат и матросов, европейцев и туземцев, мужчин, женщин и детей, коней, верблюдов волов, начиная с двух часов дня, стекались в укрепления. К наступлению ночи укрепленный лагерь, с его пестрым сборищем людей и животных, снаряжением, багажом и десятками тысяч не поддающихся описанию ненужных вещей, был похож на первозданный хаос»⁴². Положение английских войск, блокированных в укреплении, было плачевным. Уиндам послал к Кемпбеллу гонца с письмом, написанным на случай перехвата греческим алфавитом, в котором просил его о помощи.

Между тем Кемпбелл вел в Лакхнау тяжелые бои за освобождение попавшего в ловушку отряда Хавелока и Аутрама. Ему удалось снять осаду, но силы повстанцев не были разбиты и город еще не был захвачен, когда пришло известие о катастрофе в Канпуре. Оставь Лакхнау, Кемпбелл поспешил на помощь Уиндаму.

Вскоре после освобождения Канпур огласился залпами салюта и барабанным боем: горожане и армия встречали вернувшегося из Ауда пешву Нана Сахиба. Сразу по прибытии пешва вместе с Тантия Топи начал готовить город к обороне.

30 ноября семитысячная армия Колина Кемпбелла достигла Ганга. Кемпбелл сначала отправил в Аллахабад освобожденных в резиденции Лакхнау женщин и детей, а затем начал подготовку к форсированию Ганга и сражению с повстанцами. Форсирование Ганга оказалось сложной операцией, так как мосты были взорваны. Английские военные саперы спешно приступили к постройке понтонного моста. Тантия Топи приказал сипаям несколько выше по течению реки соорудить легкие плоты; когда англичане начали ставить понтоны, эти плоты были спущены на воду, подожжены и, объятые пламенем, поплыли по течению. Но хитрость Тантия Топи не удалась. Англичане сумели задержать плоты.

4 декабря большая армия Кемпбелла форсировал Ганг, переправила тяжелое вооружение и начала готовиться к штурму города.

Войска Нана Сахиба, превосходившие по численности войска противника, но значительно хуже вооруженные, не сумели помешать англичанам форсировать Ганг; Кемпбеллу удалось создать сильный плацдарм на правом берегу реки и занять исходные позиции для наступления на Канпур.

В состав четырнадцатитысячной армии пешвы входило несколько подразделений сипаев, но главную ее массу составляли разношерстно вооруженные мелкие отряды феодалов и группы фактически не организованных крестьян, ремесленников и деклассированных элементов. Единое командование на практике отсутствовало. Основной строевой боеспособной единицей армии повстанцев была рота, но личный состав даже такого мелкого подразделения не признавал воинского порядка. Кроме того, хотя артиллерия повстанцев насчитывала 35 стволов, это были в большинстве старые орудия, не приспособленные к ведению маневренного боя и, конечно, далеко уступающие по своим техническим данным орудиям армии колонизаторов. Формально армия пешвы состояла из трех дивизий, которыми командовали Тантия Топи, Бала Сахиб и вождь восставших бихарцев, прибывших к Нана Сахибу, Кунвар Сингх.

Утром 6 декабря войска генерала Кемпбелла начали атаку. Удар был нанесен по центру армии пешвы. Как это часто бывало в предыдущих сражениях, начало боя застало подразделения повстанцев врасплох: они в это время завтракали, предварительно не

позаботясь о боевом охранении. Следующий удар Кемпбелл направил на правый фланг дивизии Тантия Топи, основу которой составляли гвалиурские полки. Гвалиурцы не выдержали атаки и начали поспешно отступать по дороге на Калпи. Центр и левый фланг дивизии продолжали отчаянную борьбу. Однако дивизии Бала Рао и Кунвар Сингха не сумели поддержать Тантия Топи, и преимущество англичан становилось все более очевидным. Вскоре им удалось захватить почти всю артиллерию повстанцев. Битва была проиграна. Пользуясь наступившей темнотой, Тантия Топи начал отход на Битхур. Для окончательного разгрома этого отряда повстанцев Кемпбелл отправил колонну Хоупа Гранта, в которой насчитывалось 2700 человек. Но Тантия, умело маневрируя, вывел свои войска из-под удара.

9 декабря потрепанные в боях войска Тантия Топи неожиданно для противника завязали арьергардный бой у ничем не примечательного местечка Сараигхат, недалеко от Битхура, но снова были разбиты и, потеряв все орудия, отступили.

Преследуя повстанцев и надеясь схватить Нана Сахиба, Хоуп Грант вступил 13 декабря в Битхур и дотла разгромил остатки дворца пешвы. Нана успел бежать в Ауд. В Битхуре спустя несколько дней после победы англичане поняли, почему неоправившийся после поражения в Канпуре осторожный Тантия решился на сражение. В глубоком колодце в развалинах дворца англичане обнаружили громадные богатства Нана Сахиба. С 15 по 26 декабря на большой глубине, сменяясь каждый час, по сто солдат работали, вынимая из тайника деньги, золото и драгоценности. Массивная серебряная хауда и золотая посуда, бесценные ожерелья и украшения, слитки золота, дорогая утварь, отделанное драгоценными камнями оружие из коллекции пешвы и около трех миллионов рупий были извлечены из тщательно замаскированного неприметного колодца. Богатства Нана Сахиба оказались в руках неприятеля.

В эти дни поражений и неудач Нана Сахиб сделал еще одну тщетную попытку найти союзников среди индийских феодалов. Он послал письма низаму Хайдарабада и радже Манипура. В послании к последнему (перехваченном англичанами) он, сообщив ему о своем поражении, писал, что ждет от него помощи с тем, что с новыми силами атаковать и освободить Канпур. Ответа ни от одного, ни от другого он не получил. Правители формально независимых княжеств отказались поддержать выступавшего от имени некогда могущественных феодалов Нана Сахиба в его отчаянных попытках предотвратить окончательное поражение восстания.

Неудача постигла Нана Сахиба и в княжествах Махараштры, куда он также посылал своих представителей. 15 марта 1858 года был арестован военачальник княжества Сатара. При обыске у него нашли письмо пешвы, в котором он призывал маратхов Сатары и Пуны отправить всех неверных в ад и обещал приехать в Махараштру. Безуспешно закончилась и попытка князя далекого Колчапура, также имевшего связь с Нана Сахибом, поднять восстание, захватить Пуну и провозгласить власть пешвы. Эти и другие мелкие выступления уже не могли ничего изменить.

Англичане начали восстанавливать свою администрацию и порядки во вновь захваченном Канпуре. Уиндам по приезду Кемпелла был отправлен из действующей армии в Лахор. Новая администрация приступила к сбору налогов. Но город и район еще долго не покорялись захватчикам. Шерер докладывал в Агру: «Порядок в городе восстанавливается, и я спешно создаю полицейские участк и налоговое управление, но, однако, не так быстро, как того хочет Калькутта, из которой телеграфируют: „Почему не установлена более прочная гражданская власть в районе Канпура?“ Я знаю, что делаю, и знаю, что ничто не принесет большего вреда, чем создание учреждений, не пользующихся никакой поддержкой населения. Только в июле в этом районе убиты три сборщика налогов помимо двух или трех случаев, когда были зарезаны полицейские Брюса»⁴³. Восстание было разбито, но народ не был побежден. Он не хотел складывать оружия и был готов к новым боям.

Покончив с основными силами восставших в Канпуре, английское командование вновь (в который раз!) взялось за покорение Ауда. Колин Кемпбелл совершил обходный маневр и 2 марта 1858 года со своей 15-тысячной армией начал операции севернее Лакхнау. Вместе с частями армии колонизаторов к городу продвигались войска владетеля Непала Джанг Бахадура, вставшего на сторону англичан. За каждый населенный пункт шли тяжелые и упорные бои (в одном из них 10 марта погиб майор Ходсон — убийца принцев Дели). Войска англичан кольцом охватили Лакхнау: маулави Ахмад Шах и аудская бегум Хазрат Махал приняли решение оставить город и 21 марта вывели повстанческие отряды. Войска колонизаторов ворвались в Лакхнау. Началась жестокая расправа с его населением. Убивали всех, не обращая внимания на пол и возраст. Раненых бросали в горящие дома, в костры. «В течение двенадцати дней и ночей в Лакнау действовала не британская армия, а необузданная, пьяная, грубая толпа, распавшаяся на отдельные шайки грабителей... Разграбление Лакнау в 1858 г. останется вечным позором для британской армии»⁴⁴, — писал Ф. Энгельс.

Но отступление восставших из Лакхнау еще не было их поражением. Руководители движения в Ауде решили изменить тактику борьбы. Они поняли, что в боях крупных воинских соединений англичане имели несомненные преимущества в мастерстве ведения современной войны, имели значительно более опытные офицерские кадры и техническое оснащение. В то же время в борьбе мелко подразделений преимущество было на стороне прекрасно знающих родную местность и пользующихся полной поддержкой населения повстанцев. Небольшие по масштабам и длительности сражения могли, видимо, изменить ход событий в пользу восставших. Ф. Энгельс, внимательно и сочувственно изучавший характер национально-освободительных войн, писал о партизанской борьбе арабов Северной Африки: «...малая война является именно тем способом борьбы, которым можно измотать неприятеля»⁴⁵. Бои из засады, а не на поле сражения, скрытое проникновение, а не прямые нападения, война изматывания и истощения давали возможность изменить характер национально-освободительной войны и осложнить положение колонизаторов.

Переходя к новым формам борьбы, руководители восстания опубликовали прокламацию, в которой обратились к повстанцам со следующим призывом:

«Не делайте попыток встречаться с колоннами неверных в открытом бою, ибо они превосходят вас в организованности и имеют тяжелые орудия. Но следите за их движением, охраняйте пристани на реках, режьте из коммуникации, прерывайте их снабжение, уничтожайте линии связи и посты, непрерывно угрожайте их лагерям. Не давайте ферингам передышки!»⁴⁶.

Восставшие разбились на отдельные партизанские отряды, возглавлявшиеся бывшими руководителями крупных повстанческих центров. Главой одного из таких отрядов был и Нана Сахиб.

Образцы ведения партизанской войны показывал маулави Ахмад Шах. С небольшим отрядом, постоянно меняя дислокацию, он совершал дерзкие налеты на английские части. У деревни Бари, например, его отряд ловко избежал невыгодного открытого боя с преследовавшей его колонной генерала Гранта. Англичане расположились в деревне на короткий отдых. Переодевшись крестьянином, маулави зашел в деревню, разведал охрану и расположение противника, а с утра неожиданно напал со своим отрядом на растерявшегося врага. Нанеся англичанам существенные потери, повстанцы скрылись.

Мелкие, но подвижные отряды восставших вели непрерывные бои, изнуряя английские войска утомительными маршами. Погоня за ними была делом сложным, рискованным и не сулила успеха. Колонизаторы стремились покончить с освободительной войной, схватив и уничтожив руководителей повстанцев. Еще в конце декабря им стало известно, что Нана Сахиб скрывается в лесном форте Чаурда. Атаковать форт, чтобы пленить пешву, было бесполезно — он не принял бы боя. Английское командование стремилось, как сообщалось в приказе, «не спугнуть Нана Сахиба в его логове. Здесь не должно быть места необдуманной опрометчивости, ибо передвижением можно потревожить

„битхурского зверя" до того, когда сети будут расставлены»⁴⁷. Но расставить сети не удалось — Нана бежал в Фатехпур Чаураси.

17 февраля 1858 года Хауп Грант со своим отрядом попытался скрытно подобраться к Фатехпур Чаураси, надеясь захватить там Нана Сахиба. Но оказалось, что англичане атаковали укрепление, которое никто не оборонял. Нана вновь скрылся. Спалив селение, каратели продолжали безуспешные поиски.

Разгромив основные центры восстания, колонизаторы не могли окончательно сломить сопротивление восставших.

Тогда искушенные в колониальной войне английские военачальники и политические деятели составили план раскола восставших и уничтожения их по частям. Этой цели служило в первую очередь изменение политики по отношению к крупным индийским феодалам и принятие мер, направленных на привлечение их на сторону англичан. Первостепенное значение придавалось при этом окончательному отрыву от восстания феодалов Ауда. Еще 1 февраля Джон Лоуренс написал Каннингу письмо, в котором советовал: «Я не знаю, расположены ли вы амнистировать тех восставших, которые мало виноваты. Но я убежден, что такая мера имела бы политические выгоды. До тех пор пока мы не будем вести дела с достаточным тактом и справедливостью, трудности наши с захватом Лакхнау не кончатся»⁴⁸. Каннинг игнорировал этот благоразумный совет и предпринял draconianские меры по отношению к феодалам, поддерживавшим восстание.

После падения Лакхнау он издал приказ, извещавший, что «право собственности на землю в провинции Ауд конфискуется в пользу британского правительства, которое будет располагать этим правом так, как оно сочтет нужным»⁴⁹.

Оправдывая это решение, он выдвинул в его защиту три довода:

1. Город Лакхнау, столица княжества, длительное время находился в руках восставших.

2. Сопротивление, начатое бунтом солдат, нашло поддержку со стороны жителей города и всей провинции в целом.

3. Население Ауда повинно в тяжком преступлении и само навлекло на себя возмездие⁵⁰.

Конфискация земель и суровая расправа с участниками восстания и просто сочувствующими ему ожесточили феодалов. Они стали поддерживать партизанскую борьбу сипаев и крестьян в Ауде, и она приняла еще больший размах.

В Лондоне, кровно заинтересованном в быстрейшем наведении порядка в Индии, забеспокоились. Видный деятель колониальной администрации в Англии лорд Элленборо написал Каннингу письмо, в котором указал на непродуманность и ошибочность его решения. «Завоеватели, с успехом преодолевавшие сопротивление туземцев, обычно демонстрировали свое великодушие по отношению к большинству народа, исключая тех немногих, кто действительно заслуживает наказания, — писал он. — Вы действуете по другому принципу. Вы сохраняете жизнь лишь немногим, по вашему мнению, достойным расположения, подвергнув наказанию большинство населения страны. Это наказание кажется им слишком жестоким. Мы хотим, чтобы вы в практическом осуществлении смягчили суровость декрета о конфискации земли, который вы издали против земельных собственников Ауда... Правительство, опирающееся на любую силу колониальной администрации, не может долго продержаться у власти в стране, где весь народ из-за неправильных действий этого правительства настроен враждебно»⁵¹.

Другое письмо Каннинг получил от Секретного комитета Совета директоров Ост-Индской компании, в котором ему также указывали, что «война в Ауде является народной войной по причине неподготовленного свержения с престола династии и спешных аграрных преобразований, которые лишили значительную часть землевладельцев их земель. При таких обстоятельствах, — вынуждены были признать авторы письма, — военные действия, которые происходят в Ауде, носят скорее характер справедливой войны, чем мятежа»⁵².

Комитет настойчиво советовал Каннингу проявить максимум благоразумия в отношении к землевладельцам.

Письма из Лондона возымели свое действие в Калькутте. После посещения Лакхнау Каннинг отменил свое решение о конфискации земель у феодалов. Тем самым англичане привлекали феодалов на свою сторону и, соответственно, возникала возможность расколоть лагерь восставших.

Новый верховный комиссар в Ауде Р. Монтгомери, назначенный на эту должность в апреле 1858 года, вступил в переговоры с талукдарами, разъясняя им, что новое земельно-налоговое обложение не нанесет ущерба их доходам. Позднее, чтобы окончательно успокоить та-лукдаров, Каннинг собрал специальный дарбар, на котором он выдал им грамоты на владение землей и заверил их: «Вы можете быть уверены в том, что права и достоинство каждого из вас как талукдара будут соблюдаться как мной, так и всяким представителем нашей повелительницы, и никто не нарушит их, если вы будете лояльными, преданными подданными и справедливыми господами в своих владениях.

Вы можете судить по этим грамотам, что те же права и на тех же условиях сохраняются навечно и для ваших потомков...»⁵³.

Ф. Энгельс прозорливо писал еще во время народного восстания: «Как только большинство землевладельцев заключит соглашение с англичанами, отряды повстанцев распадутся»⁵⁴. Так оно и случилось.

Руководство восстанием было в руках феодалов, и, когда они изменили делу освободительной борьбы, восстание оказалось без вождей. Отдельные патриоты из феодальной среды и выдвинувшиеся в ходе стихийной борьбы из рядов крестьян и ремесленников народные вожди и командиры сипаев, мужественно сражавшиеся до последней капли крови, были мало связаны между собой и не имели ясного плана борьбы. Они не могли предотвратить раскол в руководстве восстанием, и те из них, кто уцелел в боях, были преданы феодалами, еще недавно участвовавшими в движении, а теперь в большинстве своем открыто вставшими на сторону англичан. Во дворце мятежного владельца Барейли Бахадур-хана собрались те, кто решил драться до конца. Кроме хозяина здесь находились наследник Великого Могола Фироз Шах, бегум княжества Ауд Хазрат Махал * (* Хазрат Махал позднее нашла себе прибежище в столице Непала г. Катманду. Она скончалась в 1874 г.), пешва маратхов Нана Сахиб, его братья Бала Рао и Баба Бхат и некоторые другие феодалы. Сюда же прибыли народные вожди маулави Ахмад Шах и Бахт-хан. Впервые встретились руководители наиболее крупных очагов восстания. Если бы они поняли необходимость единства раньше и пошли навстречу друг другу, когда под их руководством и командованием были значительные силы, тогда перспективы восстания могли бы быть другими. Но теперь они были генералами без армий; война была проиграна. Для них всех возможность компромисса с англичанами исключалась: слишком опасны были они для колонизаторов. 27 марта английское командование объявило, что награда за голову Нана Сахиба повышена до 100 тысяч рупий, кроме того, тому, кто окажет помощь и содействие в его поимке, прощались все преступления против правительства Ост-Индской компании.

Среди руководителей восстания, собравшихся в Барейли, не было Кунвар Сингха. После поражения под Канпуром старый вождь увел остатки своего отряда в Ауд. Здесь начались затяжные утомительные бои с войсками англичан. Преследуемый карателями, Кунвар Сингх яростно оборонялся. Рассказывают, что в одном из сражений он был ранен в руку. Пуля раздробила кость, и требовалась немедленная операция. Кунвар Сингх вытащил из ножен свой меч и одним ударом отсек себе искалеченную часть руки.

С боями отряд «Бихарского льва» возвратился в родные леса Бихара. Здесь, на родине, под Джагдишпуром Кунвар Сингх решил дать бой англичанам. 23 апреля он пошел свой отряд в атаку. Не ожидавшие нападения колонизаторы открыли беспорядочную стрельбу, но организовать оборону не смогли. Повстанцы одержали победу. Это была последняя победа Кунвар Сингха. Раненный в бою, он скончался 26 апреля 1858 года.

Вожди восстания, собравшиеся в Барейли, взвесили возможности продолжения совместной борьбы против колонизаторов и пришли к неутешительному выводу о бесперспективности дальнейшей организованной защиты Барейли и других повстанческих центров. Было решено продолжать партизанскую борьбу в лесах **Рохил-кханда** мелкими подразделениями. Между тем последующие события показали, что здесь еще можно было сохранить крупный повстанческий центр.

Населяющие Рохилкханд воинственные рохилы и раджпуты еще не встречались лицом к лицу с армиями колонизаторов и были полны боевого энтузиазма. Исполненные жажды боя за свою столицу Барейли, они не поняли и не приняли решения руководителей восстания покинуть город и уйти для продолжения сопротивления в леса. Город стал готовиться к бою. В первых числах мая барейлийцы увидели передовые отряды армии Колина Кемпбелла. Ему удалось окружить город и начать жестокий обстрел его из тяжелых орудий. Осажденные несли тяжелые потери. Спасти повстанцев мог только прорыв осады. На помощь извне рассчитывать не приходилось. 7 мая восставшие вышли из стен укреплений и прорвали окружение.

После прорыва вожди восстания фактически потеряли связь друг с другом. 13 мая 1858 года в бою под Лакхнау погиб вождь барейлийцев и руководитель Совета восставших Дели Бахт-хан. Маулави Ахмад Шах в сопровождении небольшого отряда выехал в Ауд, где попытался найти убежище у раджи Павана. Но раджа, в свое время поддерживавший восставших, решил спасти свою жизнь предательством. 5 июня, когда Ахмад Шах прибыл к радже и слон маулави вошел в небольшой замок предателя, тот приказал запереть ворота и схватить бунтовщика. Маулави Ахмад Шах понял, что попал в западню. Он направил своего слона на ворота: могучее животное взломало преграду и, переступая через свалившиеся бревна, устремилось к выходу. Брат предателя схватил ружье, и пуля сразила одного из самых смелых и преданных восстанию вождей. Феодал приказал отрубить маулави голову и помчался в город Шахджаханпур, где бросил ее на стол перед английскими офицерами, получив в награду 50 тысяч рупий. На следующий день «цивилизованные» англичане выставили на шесте перед зданием полиции города голову маулави. В Лондоне писали: «Отныне наиболее опасный враг англичан в Северной Индии более не существует»⁵⁵.

После трагической смерти Ахмад Шаха Каннинг опубликовал прокламацию, обращенную главным образом к феодалам Ауда: «Тот, кто добровольно сложит оружие, не будет рассматриваться как мятежник. Ему будет обеспечена свобода и полное прощение за его прошлые действия. Тот, кто поможет нам, получит назад свою землю, но тот, кто будет упорствовать в сопротивлении правительству Великобритании, будет соответственно наказан за свое неоправданное упорство»⁵⁶.

Предательство феодалами дела народной борьбы стало массовым явлением. Феодалы распустили свои отряды и шли с повинной головой в руки английского командования. Более того, некоторые из них оказывали содействие карательным отрядам колонизаторов в окончательном разгроме наиболее последовательных и упорных отрядов повстанцев.

Где в это время скитался Нана Сахиб — неизвестно. Поняв, что у феодалов Ауда поддержки не получить, он в сентябре 1858 года послал прокламацию в далекую Махараштру, в которой просил помощи у феодалов Южной Индии.

Эта прокламация интересна тем, что в ней Нана Сахиб сообщал о ходе восстания, о его международном резонансе и о своих целях. Нана Сахиб писал: «Неверные англичане прибыли к нам под предлогом ведения торговли. А потом, натравливая друг на друга саранджаров, они вероломно захватили все индусские и мусульманские княжества. Посадив одних потомков великих князей в тюрьму и ввергнув в нищету других, они овладели нашей страной. Это всем хорошо известно. Создав империю и введя свой суд, они незаконно убивали людей, отбирали их драгоценности и имущество. Путем обмана они хотели заставить население нашей страны отказаться от своей религии и касты, но когда этот обман не удался, они решили прибегнуть к силе. Тиранию, безнравственность, несправедливость — вот что несут англичане тем, кто остался верен своей религии. Мне ниспослано Богом

покарать за это неверных и уничтожить их, возродить индусские и мусульманские княжества и спасти нашу родину. Я уже освободил страну к северу от реки Нарбады. Позор тому, кто покоряется неверным злодеям. Ознакомившись с этим письмом, вы должны сразу же смело обнажить свои мечи и без пощады рубить неверных. Этим вы испытаете свою храбрость, докажете свое мужество и завоюете славу. Герои! Сейчас самое удобное время отомстить неверным англичанам за поругание земли ваших отцов и князей. Не упускайте удобного момента, не кладите на себя пятно позора, докажите, что народы Юга не изнежены и не глупы.

В лагере англичан сейчас возникли склоки по поводу их религии. Среди них начались стычки и убийства. Французы и русские уже давно ненавидят англичан и вынашивают планы изгнания их из Хиндустана и в течение последних трех месяцев отправили по морю к нам свои войска. Китайцы тоже объявили войну неверным. Англичане напуганы тем, что не могут послать к нам ни одного солдата. Более того, персы, афганцы и белуджи объединили свои силы с тем, чтобы прийти к нам на мощь. Короче говоря, сейчас самый благоприятный момент, чтобы навсегда и полностью изгнать англичан из нашей страны. Неверные англичане, чтобы запугать население, распространяют лживые бумаги и сеют ложные слухи о том, что они разгромили нас и вновь захватили Дели и другие города. Не верьте этому и знайте, если вы отвернетесь от нас, мы накажем вас и отберем ваши джагиры и земли и лишим средств к существованию»⁵⁷.

Утверждения Нана Сахиба о движении к берегам Индии французского и русского флотов ни имели под собой, естественно, никакого основания и преследовали только пропагандистские цели. Но феодалы Юга не вняли этому призыву. Они сохраняли лояльность по отношению к колонизаторам. Восстание не распространилось на юг Индостана, а организованное сопротивление на севере страны к концу 1858 года фактически прекратилось. Нана Сахиб и те немногие руководители восстания, которые к этому времени не пали на поле боя и не стали жертвой измены феодалов, не сложили оружия. Они стремились уйти в те районы, где еще не утихла народная борьба. Сопротивление восставших в Центральной Индии после падения Дели, Канпура и Лакхнау еще не было сломлено, там шли бои.

ГЛАВА IV ЗВЕЗДЫ В НОЧИ

Им не суждено было знать, что такое старость...

Индийская народная песня

Лакшми Бай

Вернемся немного назад, к событиям лета 1857 года, когда борьба против колонизаторов только разгоралась, охватывая все новые и новые районы Северной и Центральной Индии.

4 июня 1857 года восстал гарнизон Канпура, в тот же день восстали сипаи английского гарнизона города Джханси. Группы европейцев бежали в форт, но больше трех дней не смогли там продержаться. 7 июня после отчаянного штурма укрепления пали. Гарнизон форта и почти все европейцы были уничтожены. 8 июня город, а вскоре и все княжество были очищены от захватчиков. Как и в других центрах восстания, сипаи начали искать вождя из среды феодалов. Их выбор пал на рани Джханси Лакшми Бай.

Вдовствующая рани Джханси Лакшми Бай, вероятно знавшая о подготовке восстания Нана Сахибом, после долгих колебаний решила примкнуть к антианглийской борьбе. В народе ходила молва, что в ночь перед восстанием она поведала свою тайну отцу и попросила у него благословения. Старый брахман понимал, какая громадная ответственность

и страшная опасность грозит его единственной дочери. После долгого тяжелого молчания Тонбе благословил ее на подвиги и смерть.

Восставшие солдаты провозгласили рани правительницей княжества Джханси, и она приступила к организации его управления и обороны. В эти дни проявился недюжинный организаторский талант этой волевой и дальновидной женщины. Встав во главе княжества, она в первую очередь попыталась навести порядок в войсках и увеличила их численность за счет добровольцев до 14 тысяч воинов. Крепостные стены (общая длина их; 4,5 мили) были отремонтированы и укреплены. 20 пушек были расставлены так, чтобы встретить врага, откуда бы он ни появился. Для лучшей организации управления рани создала Совет, на котором обсуждались важнейшие государственные дела княжества. Что касается верховной власти, то рани подтвердила свою верность Индии и ее императору Бахадур-шаху. Лакшми Бай, заявив об этом, приказала отправить из своей сокровищницы на 300 тысяч рупий золота и украшений для помощи осажденным в Дели. Свое кредо в управлении она сформулировала точно как Нана Сахиб: «Душа — бога, страна — падишаха, власть — армии и рани Лакшми Бай»¹.

Одновпемекно Лакшми Бай послала письмо к англичанам, в котором заверила их в своей лояльности заявила, что взяла власть в свои руки якобы только для того, чтобы навести порядок в княжестве. Это заявление объяснялось, по-видимому, желанием выиграть время в связи с тем, что Джханси подверглось в это время нападению войск правителей княжеств Орча и Датия, а оди из феодалов, по имени Садаши Рао Нараян, заявил свои претензии на трон Джханси. Лакшми Бай решительно и беспощадно пресекла попытку посягнуть на ее власть в княжестве и, двинув свои войска навстречу отрядам правителей Орчи и Датии, разгромила их.

Разбив врагов, Лакшми Бай продолжала готовиться к боям с английскими колонизаторами. В городе было организовано литейное дело для производства пушек и упорядочена налоговая система. Укрепляя финансы, рани выпустила новые деньги. Энергичная деятельность рани была своевременна: англичане готовились пресечь распространение восстания в Центральной Индии. Восставшие в Джханси могли рассчитывать на поддержку народа соседних княжеств, и в первую очередь беспокойного Гвалиура.

Правда, в Гвалиуре правил Синдия — раджа, раболепно служивший англичанам. Узнав о восстании в Мируте и падении Дели, Синдия поспешил предложить свои услуги колонизаторам. Генерал-губернатор Северо-Западных провинций Колвин сообщил Каннингу: «Синдия просит разрешения доказать свою преданность английскому правительству посылкой в ваше распоряжение в Агру своей личной гвардии из трехсот всадников и батареи конной артиллерии»². На другой день Колвин снова убеждал генерал-губернатора Индии, что «Синдия искренне с нами против новой династии дома потомков Тимура»³.

Но, зная, что стоит лояльность индийских князей, англичане проявили крайнюю осторожность.

У них имелись сведения, что Синдия имел какие-то секретные переговоры с Нана Сахибом, и это обстоятельство вызывало в них понятное чувство тревоги. Возможность этой связи вполне вероятна, так как над Синдией дамокловым мечом висел закон «О выморочных территориях». Он не имел прямого наследника, а его приемный сын должен был разделить участь Нана Сахиба и других непризнанных наследников. Однако тревога английской администрации оказалась напрасной. 8 декабря 1857 года в Агру прибыл по приглашению английской администрации ближайший помощник Синдии, видный чиновник княжества Дункар Рао. Эта встреча успокоила англичан. Дункар Рао заверил их именем Синдии в полной лояльности и поддержке раджи Гвалиура. Вслед за Дункаром Рао в Агру приехал и сам Синдия, подтвердивший заверение своего сановника. Вдали от беспокойных сипаев и недовольного народа, под защитой английских штыков слабовольный Синдия чувствовал себя увереннее, чем в столице своего княжества. Начальник полицейского управления Агры

Мьюир писал по поводу этого визита: «Синдия говорит, что он чувствует себя так удобно и счастливо здесь, что он склонен остаться у нас дольше, чем предполагал, и вернет Дункара Рао управлять Гвалиуром»⁴.

Англичане, стремясь заручиться поддержкой этого маратхского княжества, не скупились на посулы радже. Каннинг впоследствии писал: «Как только я обещал князю Гвалиура, что ему будет разрешено передать трон приемному сыну и его княжество, несмотря на отсутствие прямых наследников, все же не будет присоединено к английской территории, он расплакался, как дитя, и выразил готовность помочь всеми силами и ресурсами в борьбе против бунтовщиков»⁵.

Но предательская деятельность Синдии и Дункара Рао менее всего означала терпимость к английскому господству в Индии народа Гвалиура. Как и во всей Центральной Индии, недовольство населения Гвалиура изменческой политикой раджи в любую минуту могло перерасти в народную войну. Присоединение сипаев Гвалиура к Тантия Топи на втором этапе борьбы за Канпур было естественным и закономерным.

По приказу Каннинга командование войсками, действующими к югу от реки Джампы, было поручено генералу Хью Розу. Перед ним была поставлена задача ликвидировать очаги восстания в этой части Индии. Хью Роз во главе хорошо вооруженной армии начал наступление на Джханси — самый крупный центр восстания «того района. Узнав о движении неприятеля, рани отправила гонца с письмом к Нана Сахибу и Тантия Топи с просьбой помочь ей в неравной борьбе. 21 марта 1858 года войска Хью Роза подошли к Джханси и расположились в местечке Чанчанпур, в четырнадцати милях от города. Генерал послал в крепость ультиматум с предложением сдачи. «Лучше смерть, чем позор плена», — ответили защитники. Обе стороны начали готовиться к бою.

Хотя англичане имели значительное военно-организационное и техническое превосходство, позиции повстанцев давали им бесспорное преимущество. На мощных стенах из крупного камня толщиной 16—20 футов, окружавших город, стояло 51 орудие. Глубокий ров, опоясывавший крепость, затруднял использование для штурма лестниц.

25 марта войска колонизаторов начали обстрел города из орудий. Артиллерийский огонь длился от восхода до захода солнца ежедневно. В городе вспыхнули пожары. Но осажденные мужественно защищали родной город от иноземцев. Даже женщины и дети, несмотря на непрерывный огонь, таскали камни и глину, чтобы быстро заделывать пробоины в крепостных стенах. Попытки создать для атаки брешь в стенах города не увенчались Успехом. Положение англичан было затруднительным. В этой сложной обстановке Хью Роз получил сообщение, что к Джханси движется армия восставших под командованием Тантия Топи. Он с тревогой доложил командованию: «Недавно сэр Роберт Гамильтон проинформировал меня, что Тантия Топи, родственник и агент Нана Сахиба, собрал и организовал значительные силы в окрестностях Мхау и Науганджа в Бунделькханде. Он названы „армией пешвы" и подняли знамя этой низл женной династии... эта армия, состоящая из 25 тысяч человек при 30 орудиях, направилась против меня»⁶.

Хью Роз оценил весь драматизм ситуации. С одной стороны — сильная крепость повстанцев, с другой — во много раз численно превосходящая его войска армия Топи. Хью Роза могла выручить только быстрота и решительность. Он немедленно приказал снять осаду с города и бросил все свои наличные силы против отрядов Тантия Топи. 1 апреля произошел жестокий бой, в котором военный расчет и военная техника колонизаторов вновь взяли верх над неорганизованной храбростью восставших. Тантия Топи был разбит и потерял всю свою артиллерию. Ему удалось спасти свое войско от полного разгрома только тем, что он поджег джунгли и под прикрытием огня и дыма увел отряды за реку Бества, протекавшую в нескольких километрах к востоку от Джханси. Остатки армии Тантия Топи вернулись в Калпи.

Гарнизон города и рани не проявили необходимой решительности в критический для войск Хью Роза момент. Вместо смелой атаки в тыл развернувшихся фронтом к Тантия Топи

полкам англичан, отряды Джханси наблюдали за сражением со стен города. Поражение Тантия Топи произвело угнетающее впечатление на осажденный гарнизон Джханси.

Ободренный успехом, Хью Роз послал свои части на штурм города. Один из английских снарядов попал в пороховой погреб осажденных. Страшный взрыв пробил брешь в крепостной стене, и в нее устремились подразделения англичан. Завязался упорный бой на улицах города. Сопротивление восставших было сломлено.

Забрав приемного сына, в сопровождении отряда афганцев-телохранителей Лакшми Бай бежала из города. Скрылся также ее отец, успев погрузить на своего слона драгоценности дочери. Но он заблудился и попал в руки неприятеля. После состоявшегося вскоре суда он был повешен на площади Джханси.

Когда небольшая группа восставших во главе с Лакшми Бай миновала ворота крепостной стены, ее опознал лейтенант английской кавалерии Баукер. В сопровождении нескольких всадников он пустился в погоню. Началась бешеная скачка. Верный конь рани выручил ее. Англичане отстали. Рани без остановки скакала на север, к Калпи, и через сутки доехала до близлежащей к городу деревни. Здесь она устроила первый привал.

На другой день Лакшми Бай послала гонца к племяннику Нана Сахиба Рао Сахибу с сообщением о своем прибытии. Рао Сахиб и Тантия Топи выехали для встречи друга своего детства — рани Джханси. В сопровождении почетного эскорта рани прибыла в Калпи. 6 апреля Рао Сахиб устроил в ее честь торжественный прием. На приеме было решено, что все имевшиеся войска, в том числе и постепенно стекавшиеся в Калпи группы войск из Джханси и остатки гвалиурских полков, поступали под командование действовавшего именем пешвы Рао Сахиба.

Вскоре руководители повстанцев получили сообщение о движении войск англичан. Узнав о прибытии к Калпи армии Хью Роза, восставшие двинулись навстречу ему. У местечка Кунч английский генерал разбил отряд повстанцев и стремительно двинулся к главной базе в Калпи.

Повстанцы начали спешно готовить город к обороне: укреплять стены, проводить фортификационные работы на угрожаемых направлениях и путях сообщения. Но точного плана обороны, расстановки сил и действий своих войск вожди восстания не имели.

15 мая 1858 года подошедший Хью Роз расположил свои войска в шести милях от Калпи, последней крупной базы восставших в Индии. Рани решила не ждать нападения и, не согласовав своих действий с другими руководителями обороны города, во главе отряда кавалерии в 250 всадников внезапно обрушилась на противника. Пригнувшись к шее коня, с мечами в обеих руках, она стремительно мчалась впереди своего отряда. Через несколько минут ее небольшая фигура в яркой одежде мелькала в гуще боя, среди столбов пыли и вздыбленных, с развивающимися гривами коней, в яростной неразберихе сабельных ударов и страшном грохоте выстрелов и взрывов. Внезапность удара и вдохновенное мужество самой Лакшми Бай и ее солдат принесли сначала успех. Однако атака рани не была поддержана частями Рао Сахиба и Тантия Топи, придерживавшихся тактики обороны за стенами крепости. Оправившиеся от неожиданности англичане отбили атаку кавалерии Лакшми Бай и вынудили ее с большими потерями увести свой отряд в крепость,

23 мая Хью Роз послал свои войска на штурм города и после длившегося целый день боя Калпи был взят. 24 мая победители салютовали артиллерийскими залпами в честь дня рождения королевы Великобритании Виктории в побежденном последнем крупном опорном пункте восставших.

Рао Сахиб и Лакшми Вай бежали в местечко Гопалпур, расположенное недалеко от границ княжества Гвалиур. Несколько позднее туда прибыл Тантия Топи. Сюда же стекались спасшиеся небольшие группы повстанцев. Собравшиеся не имели единого мнения по поводу дальнейших действий. Сипаи считали необходимым двинуться в Ауд, рани настаивала на продолжении борьбы в Джханси, Рао Сахиб предложил путь в Дека. Тантия Топи рассчитывал на успех в стране маратхов - княжестве Гвалиур, когда-то бывшем в вассальном подчинении у пешвы.

План Тантия Топи был наиболее оправдан. К этому надо добавить, что он решил не только высказать свои предложения, но и немедленно приступил к их реализации.

Он вновь тайно выехал в Гвалиур, чтобы разобраться в настроениях гвалиурских полков. Его сообщение после возвращения об их возможной поддержке приободрило Рао Сахиба и Лакшми Бай. Вскоре отряд повстанцев перешел границу княжества. Рао Сахиб и Лакшми Бай написали Синдии письмо в надежде на его помощь в бедственном положении.

«Мы идем к тебе с дружественными чувствами. Вспомни наши прежние отношения. Мы надеемся на твою помощь, ибо мы без нее не можем двигаться на юг»⁷, - доверительно написали они ему. Но их доверие был обмануто. Синдия не только не оказал помощи восставшим, но и, подобно многим другим феодалам, решил предать их и выдать англичанам. 1 июня он во главе войска из 6 тысяч пехотинцев и 1,5 тысячи кавалеристов при 8 пушках вышел навстречу обескровленному отряду Рао Сахиба и Лакшми Бай. Он был уверен в легкой победе. Но его войска, встретив героических сипаев, восстали против него и вместе с восставшими двинулся назад в столицу княжества. Предатель Синдия бежал к англичанам в Агру. Над освобожденным Гвалиуром 3 июня взвился флаг пешвы. Рао Сахиб, сев на трон гвалиурских раджей, все еще надеялся найти поддержку среди феодалов этого княжества.

В первую очередь он написал письмо бабушке Синдии, бежавшей вместе с другими представителями царствующей династии в форт Нарва, и предложил ей возвратиться во дворец. «Здесь все в порядке, — писал он. — Ваш отъезд отсюда, по моему мнению, неправилен. Возвращайтесь и берите управление в свои руки. Я намерен, взяв Гвалиур, посоветоваться с вами и двинуться дальше. Такова моя цель. Поэтому необходимо, чтобы вы прибыли безотлагательно»⁸. Ответа на свое письмо он не получил.

Но Рао Сахиб не торопился покидать Гвалиур. Он щедро одаривал феодалов, участвовавших в антианглийской борьбе: 20 тысяч рупий получила Лакшми Бай, 60 тысяч были вручены навабу княжества Банда, крупными суммами были одарены другие раджи и аристократы.

Верный интересам своего класса, Рао Сахиб не мог, естественно, ограничить права феодалов на землю пользу крестьян, единственной силы, которая в случай организованного антианглийского выступления могла принести восставшим Гвалиура победу в неравном бою с колонизаторами.

Город Гвалиур представлял собой чрезвычайно удобный для обороны пункт. Расположенный на крутой горе, обнесенный толстыми и высокими стенами, с белыми громадами неприступных башен, он мог выдержать самый жестокий штурм. Англичане называли этот горе индийским Гибралтаром.

Однако руководители повстанцев непродуманно решили дать бой подходившим к Гвалиуру войскам Хью Роза на дальних подступах к городу. 17 июня началась битва — последнее крупное сражение в великом восстании. Последовательными ударами англичане разрушили непрочный боевой порядок индийцев и дезорганизовав их оборону. Наиболее стойко и самоотверженно защищался отряд под командованием рани Лакшми Бай. Во главе своих конников она неоднократно бросалась в яростные атаки на наступающие английские войска, своим мужеством воодушевляя остальных. В одной из атак был убит ее конь. Лакшми Бай привели другого из конюшен раджи Синдии. Сменив коня, она продолжала сражаться с противником. Но все реже и реже становились ряды повстанцев. Дрогнули и побежали с поля боя отряды гвалиурцев. Лакшми Бай вывели из утихающего сражения ее телохранители-афганцы. Англичане вошли в Гвалиур.

О последних часах рани Джханси рассказать достоверно трудно. Один из брахманов, сопровождавших ее в трудных и опасных путешествиях, рассказал, что в последний день гвалиурского сражения он сидел у колодца недалеко от поля битвы. Неожиданно он увидел, как в его сторону поскакало несколько всадников. Когда они приблизились, брахман узнал в одном из них рани Джханси. Она была одета в запыленный костюм патана. Лакшми Бай была ранена. Чувствовалось, что она очень устала и ее мучила жажда. Подскакав к колодцу,

Лакшми Бай соскочила с лошади и подошла к брахману. Он поспешно схватил веревку и глиняный кувшин, чтобы зачерпнуть воды. Рани жестом остановила его. «Зачем? Вы ученый брахман и вам не следует делать этого. Я сама», — сказала она. Достав воду из колодца, Лакшми Бай утолила жажду и обмыла лицо. Затем, как рассказал брахман, она обратилась к нему: «Я начала борьбу ради веры индусов. Ради этого я потеряла свое богатство и отдаю жизнь»⁹.

Ходили слухи, что, когда разрозненные группы восставших спасались бегством, рани, посадив за собой сына, в сопровождении нескольких всадников ускакала с поля боя. Ее маленький отряд был обнаружен, и большая группа английских кавалеристов бросилась в погоню. Рани пыталась перескочить встретившийся на 'пути овраг,, но то ли ее новая лошадь была хуже прежнего коня, то ли Лакшми Бай была слишком измучена, но крутой овраг оказался непреодолимым препятствием. Рани вынуждена была принять свой последний бой. Ей и сопровождавшей ее горстке храбрецов удалось пробиться сквозь окружение, но в этой схватке она была вторична и на этот раз смертельно ранена.

Подхватив рани и ее сына, спутники Лакшми Бай сумели скрыться от преследователей. Небольшая группа беглецов остановилась у широкого Ганга. Его священные воды плескались у ног умирающей рани Джханси. Обмыв раны Лакшми Бай в реке, телохранители отнесли ее в ближайшую хижину. Там, в доме крестьянина Гангадаса, перестало биться сердце Лакшми Бай. 19 июня 1858 года по индийскому обычаю ее тело было предано огню, а пепел брошен в Ганг.

Через несколько дней о смерти рани Джханси узнали англичане. Когда весть об этом достигла Хью Роза, он, по достоинству оценив ее храбрость, сказал: «Она была самой смелой среди повстанцев»¹⁰.

Лакшми Бай прожила короткую жизнь, но ей наследует долгая слава.

Партизанские бои Тантия Топи

После падения Гвалиура судьба восстания в Центральной Индии была решена. Однако партизанская борьба не прекращалась еще долго. Во главе тех, кто не хотел мириться с поражением и продолжал героическую, хотя и безнадежную, вооруженную борьбу, был Тантия Топи, получивший прозвище «маратхского тигра». Из неизвестного офицера свиты Нана Сахиба в ходе борьбы против колонизаторов он стал самым популярным в народе вождем восставших и одним из наиболее талантливых военачальников. Гибкий ум, неистовая ненависть к поработителям Индии, находчивость, пренебрежение к опасности окружили его имя ореолом славы.

После поражения под Гвалиуром Тантия Топи и Рао Сахиб бежали в глубь Центральной Индии. Их преследовал по пятам крупный кавалерийский отряд под командованием полковника Холмса. В деревнях и лесах, вдали от больших дорог скрывались они от карателей. Феодалы, часть которых начала с вооруженного выступления против англичан, бесповоротно предали восстание и не оказывали поддержки отряду, действующему еще именем Нана Сахиба. Когда Рао Сахиб написал радже Бандкота: «Мы деремся с англичанами ради индусской веры. Поэтому мы просим у вас пожертвования в 200 хонов», последний дерзко ответил ему: «Мы заплатили налог англичанам. Если вы можете, отберите его у них и мы вам отдадим эти деньги»¹¹. Тогда отряд Тантия Топи и Рао Сахиба захватил замок раджи и заставил его заплатить контрибуцию. В то же время крестьяне оказывали Тантия Топи активную помощь, они присоединялись к возглавляемому им отряду и были основной его опорой в партизанской войне.

14 августа 1858 года у местечка Натхадвара Тантия Топи дал новый бой англичанам, но потерпел жестокое поражение. Вновь ушел он в глубь лесов, подальше от английских коммуникаций, и опять крестьяне окрестных сел, скрывавшиеся от английского преследования сипаи и все недовольные и готовые к борьбе, собрались под его знамя, видя в нем своего вождя и защитника. Снова численность его отряда росла с каждым днем. Его

артиллерия насчитывала уже 32 орудия. Он внезапно и стремительно нападал на мелкие английские гарнизоны, истреблял колонизаторов, забирал их оружие и скрывался так же неожиданно, как и появлялся.

13 января 1859 года Тантия Топи соединился с отрядом одного из уцелевших потомков Великого Могола Фероз Шаха, прибывшего сюда из Северной Индии, где он укрывался после подавления восстания в Рохилкханде. Их объединенные отряды насчитывали около двух тысяч человек. Повстанцы решили двинуться в Джайпур, но были разбиты отрядом полковника Холмса. Тантия вынужден был отступить в Раджпутану, откуда вернулся в Бунделькханд и снова возобновил партизанскую войну. Повстанцы различных областей Индии стремились установить связь с Тантия Топи. Его отряды стали грозой не только английских карателей, но и сотрудничавших с ними феодалов.

Тантия Топи опирался на крестьянские массы. Что касается Фероз Шаха и Рао Сахиба, то их пугал размах крестьянской борьбы. Английские колонизаторы: стремились использовать социальные различия в лагере восставших, сыграть на аристократических связях тех феодалов, которые отказывались прекратить борьбу. Они послали Фероз Шаху и Рао Сахибу письмо с предложением капитуляции. В начале марта агент Рао Сахиба прибыл в лагерь колонизаторов с целью выяснения условий сдачи. Английское командование известило, что не только Рао Сахибу, но и Нана Сахибу и Бала Рао оно предлагает прекратить сопротивление, Рао Сахибу в этом случае будет сохранена жизнь и гарантировано свободное проживание в одном из районов Индии, выбранном победителями. Но ответа на это письмо колонизаторы не получили. Рао Сахибу с женой и ребенком удалось бежать на территорию Джамму, где он был опознан и схвачен в 1862 году. В своих показаниях он заявил, что действовал по приказам и указаниям Нана Сахиба. Суд приговорил Рао Сахиба к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в Битхуре 20 августа 1862 года. Фероз Шах нашел себе убежище сначала в Иране, потом в Афганистане и, наконец, в Турции.

Но Тантия Топи не прекращал борьбы после бегства своих соратников. Оставшись один, он решил увести свой отряд на земли маратхов и там продолжать сражаться. Повстанцы форсировали реку Нарбада и появились в окрестностях города Нагпура. Однако здесь, у деревни Каргун, их настиг отряд английского офицера Сандерленда и нанес им новое поражение.

Однако Тантия Топи опять удалось скрыться. Отчаявшись схватить неуловимого Тантия в честном бою, англичане прибегли к хитрости. Через своих лазутчиков один из феодалов, подвластных радже Синдии, по имени Ман Сингх, пригласил его к себе на встречу. Тантия Топи принял приглашение. Предатель Ман Сингх оповестил о месте и дате встречи английское командование. Ночью 7 апреля 1859 года Тантия Топи был схвачен и заключен под стражу.

В английском военном лагере Сипри он предстал перед военным трибуналом.

В своих показаниях на суде Тантия Топи сказал: «Все, что мне удалось сделать, я сделал по приказам моего господина. До Калпи я был в подчинении Нана Сахиба, после Калпи — под руководством Рао Сахиба»¹².

Несколько дней длилось судилище над одним из самых выдающихся вождей восстания. Тантия Топи держался с достоинством и не доставил своим палачам радости видеть его униженно молящим о пощаде. «Я хорошо знаю, что, вступив на путь борьбы против англичан, я приговорил себя к смерти. Я не признаю вашего суда и незачем вести следствие», — сказал он судьям. Подняв вверх закованные в кандалы руки, он закончил: «Моя единственная надежда, что жерло пушки или петля виселицы избавит меня от этих цепей. Моя единственная просьба, чтобы моя семья в Гвалиуре не отвечала за мои действия. Не заставляйте страдать за мои поступки моего старого отца!»¹³,

18 апреля 1859 года в 4 часа дня Тантия Топи был повешен.

Смерть в изгнании

1 ноября 1858 года королева Великобритании Виктория обратилась к «народу Индии» с манифестом. В нем она всемилостиво объявила свою волю взять на себя «управление территориями Индии, управляемыми доселе по Нашей доверенности досточтимой Ост-Индской компанией». Непосредственное управление Индией возлагалось не на генерал-губернатора, а на действующего именем английской короны вице-короля Индии. Первым вице-королем был назначен лорд Каннинг. Двухсотлетнему правлению Ост-Индской компании в Индии пришел конец. Восстание было последним ударом, завершившим разрушение этого отжившего свой век страшного социального сооружения. Карл Маркс писал: «Подобно тому, как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность»¹⁴. Народная война Индии вынесла смертный приговор разбойничьей Ост-Индской компании, но она не смогла уничтожить порядков, насажденных английской буржуазией. На смену торговой буржуазии, окончательно оттеснив ее на второй план, вышла не менее алчная, но более сильная промышленная буржуазия. Эта буржуазия нуждалась в стабильности политической атмосферы в Индии, и она стремилась найти в лице индийских феодалов надежную социальную опору.

Колонизаторы сумели оценить предательскую роль феодалов во время восстания. В мощном потоке народной войны они сыграли роль если не надежной плотины, то во всяком случае стойких волноломов, оградивших от гибели давший течь корабль английской администрации в Индии. Лорд Каннинг, отдавая им должное, писал: «Туземные государства оказались нашим защитным валом против сил разрушения»¹⁵. Позиция большинства крупных феодалов во время восстания показала, что могут стать союзниками колонизаторов в Индии. В своем манифесте королева Виктория объявила князьям: «Мы будем уважать права, достоинство и честь туземных князей, как свои собственные, и желаем, чтобы они, так как и наши подданные, пользовались плодами того благоденствия и общественного прогресса, которые обеспечиваются лишь внутренним миром и хорошим управлением».

Однако манифест отнюдь не означал отмены тех кабальных договоров, которые опутывали княжества сетью обязательств и уступок англичанам, превращая в фикцию их суверенитет. «Сим мы объявляем туземным князьям Индии, — говорилось в манифесте, — что все договоры и обязательства, заключенные с ними Ост-Индской компанией, нами подтверждаются, что они будут нами строго соблюдаться и что мы ожидаем такого же соблюдения с их стороны»,

Колонизаторы дали понять князьям, что, сохраняя им их привилегии, Англия отнюдь не намерена делать им какие-либо новые уступки и удовлетворять их территориальные претензии. «Мы не желаем расширения наших внешних земельных владений, но мы не потерпим безнаказанного нападения на них или нарушения наших прав и в то же время не допустим этого по отношению к другим», — говорилось в манифесте. В нем специально подчеркивалось, что «в согласии со справедливыми требованиями государства новое управление будет с уважением относиться к землям, унаследованным ими (уроженцами Индии. — *П. Ш.*) от предков».

Учитывая, что борьба восставших в большинстве случаев принимала характер борьбы за родную землю и веру, колонизаторы объявили об уважении религиозных чувств индийцев.

«Мы одинаково отрицаем за собой и право и желание навязывать свою веру кому-либо из наших подданных». И далее: «...строго предписываем... воздерживаться от какого-то ни было вмешательства в религиозные верования или в культуру»¹⁶.

После объявления прокламации королевы Виктории вновь назначенный вице-король лорд Каннинг совершил поездку по Северной Индии. 1 ноября в Аллахабаде состоялся грандиозный, полный помпезности дарбар, на который была приглашена вся индийская знать. Каннинг сообщил князьям о даровании «высочайшей милости» индийцам английской королевой «и воцарении мира и порядка» в Индии. На следующий день, после того как

Каннинг произнес свою торжественную речь, Колин Кемпбелл повел свои войска к границам Непала, чтобы изловить мятежных вождей и покарать огнем и мечом неуспокоенные районы восстания. Каннинг, проводив карателей, выехал в районы, где пожар народной войны уже еле тлел.

Громадная кавалькада, насчитывающая с прислугой и челядью около 20 тысяч человек, двигалась от Аллахабада через Лакхнау, Канпур и Агру до Дели. На всем протяжении пути устраивались пышные приемы и празднества. Лорд Каннинг жаловал верным феодалам подарки и земли. Дополнительную территорию получил датель Синдия, раджа Патиалы и другие изменники.

Манифест Виктории, обращенный в первую очередь к феодалам, окончательно определил положение той относительно небольшой группы привилегированной прослойки Индии, многие представители которой боролись еще недавно вместе с народом против колонизаторов или сочувственно относились к этой борьбе. Утрата основных опорных пунктов восстания, обреченность еще сопротивляющихся отрядов и понимание невозможности сохранить хотя бы остатки своих привилегий, участвуя в народной борьбе, привели подавляющее большинство феодалов из лагеря восставших в лагерь колонизаторов. Фактически к концу 1858 года не осталось крупных индийских князей, которые продолжали бы борьбу и не объявили о своей верности английской короне.

Нана Сахиб, не имея тесной связи с народными массами и лишившись своей главной опоры — недовольных феодалов, оказался в состоянии полной социальной изоляции. Похоронив надежду вернуть себе трон, он мечтал теперь лишь о том, чтобы найти надежное убежище.

Одного за другим потерял Нана Сахиб своих надежных сподвижников. В октябре умер от малярии его наиболее способный соратник Азимулла-хан, был схвачен начальник личной охраны и крупный военачальник Джавала Прасад (он был повешен в Канпуре 3 мая 1860 года), попал в плен предводитель аллахабадских повстанцев Лиакат Али (он был приговорен к пожизненной каторге в 1872 году), в далеких лесах Центральной Индии вел неравные бои Тантия Топи. Аудская бегум Хазрет Махал со своей челядью была лишним грузом в его скитаниях.

Блистательного пешвы и грозного вождя восстания не существовало. Был беглец, спасавший свою жизнь. Сопротивление было бесполезно, сдача в плен исключена. Объявленный вне закона, заочно приговоренный к смерти Нана Сахиб имел только два выхода — умереть в бою или бежать из Индии. Он выбрал последнее и обратился с просьбой предоставить ему и его спутникам к владетелю Непала Джанг Бахадру.

Вынужденный обратиться к этому вероломному правителю, нанесшему предательский удар в спину повстанцев Ауда, Нана Сахиб взывал к его совести независимого правителя соседнего с Индией государства. Но даже и это его последнее письмо дышит непримиримой ненавистью к англичанам. «Совершенно излишне повторять здесь хорошо известные злодеяния, под тяжестью которых стонет Индия, договора, которые англичане порвали, обещания, которые они растоптали, и говорить о том, как были отняты короны у индийских государей. Совершенно излишне описывать, какая угроза нависла над религией нашей страны с уничтожением княжеств, расположенных в ней. Это все хорошо известно. Именно в этом была причина возникновения войны. Мы посылаем к Вам нашего брата шриманта Бала Сахиба, он объяснит Вам все остальное»¹⁷.

Джанг Бахадур не удостоил своим ответом разгромленного вождя повстанцев. Союзник англичан в кровавой расправе с повстанцами в Дели и Лакхнау, он отказался пустить к себе мятежную пешву и заявил 15 января 1859 года, что разрешит англичанам преследовать повстанцев, если они решатся перейти границу Непала без его разрешения. Выхода не было. Нана Сахиб объявил воинам своего сильно поредевшего в боях и скитаниях отряда, что каждый из них может идти куда хочет и самостоятельно спасать свою жизнь. Сам же он обратился с письмом к английской королеве и английскому парламенту, Совету

директоров Ост-Индской компании и генерал-губернатору Индии. Это письмо было датировано 20 апреля 1859 года.

Трудно понять, на что рассчитывал Нана Сахиб: то ли он ждал вестей от верного Тантия Топи, не зная, что тот за два дня до этого был казнен, то ли верил в помощь какою-нибудь индийского князя, или, может быть, надеялся даже на помощь иностранного государства. А может быть, он просто хотел показать англичанам, что дух его не сломлен. Во всяком случае это письмо, переданное командиру одного из отрядов английских войск майору Ричардсону странствующим брахманом, было полно угроз и жажды мести. «Вы не имеете врагов, кроме меня, — писал он, — и, до тех пор пока я жив, я буду сражаться с вами. Я тоже человек. Я нахожусь на расстоянии двух косов от вас. Разве не странно, что вы, великая и сильная нация, воюете против меня два года и ничего не можете сделать. Более того, это происходит тогда, когда, как вы считаете, мои отряды не подчиняются мне и я не имею власти в стране. Вы простили преступления всех, а владетель Непала ваш друг. И все же, несмотря на все это, вы ничего не смогли сделать. Вы привлекли на свою сторону всех, кого могли, а я остался один, но вы еще увидите, на что способны воины, которых я сумел сохранить за эти два года. Мы еще встретимся, и я пролью реки вашей крови. Я готов к смерти. Для меня большая честь, что я один — враг такой сильной нации, как английская. Все стремления моей души исполнены. Чего же мне бояться смерти, которая однажды придет ко мне?»¹⁸ — писал он. В своем ответе Ричардсон сообщил бывшему пешве о прокламации королевы Виктории и предложил ему явиться с повинной. 25 апреля 1859 года Нана Сахиб прислал еще одно письмо, в котором потребовал, чтобы ему была гарантирована жизнь личным посланником королевы Великобритании, в противном случае, писал Нана, «между мной и вами будет длиться война до тех пор, пока я жив, пока меня не убьют или не схватят и не повесят; что бы ни произошло — я буду действовать только мечом».

Вместе с Нана Сахибом скитался измученный, больной малярией Бала Рао. Тяжелые испытания и невзгод оказались не под силу менее стойкому в несчастье брату Наны. Лишенный самоотверженности, присущей народным вождям, лишенный простого и сурового понимания долга, свойственного рядовым сипаям и крестьянам, и патриотической гордости и чувства собственного достоинства Нана Сахиба Бала Рао в тот самый день, когда Нана Сахиб отверг предложение англичан, послал английским карателям письмо.

«Я брат Нана, — писал он. — Когда Нана восстал в Канпуре, он обманом завлек меня туда, а мою жену отправил к своим женщинам, и они по сей день вместе. Когда сипаи направились, чтобы захватить казну, я понял свою полнейшую беспомощность, так как я не знал никого из белых сахибов. Сипаи не давали мне покинуть их, мой брат не разрешал мне уйти от него, поэтому я вынужден был действовать согласно приказам моего брата», — жаловался он колонизаторам. «Если вы пришлете ответ, я явлюсь к вам и расскажу все. В вашей власти сделать тогда со мной все, что вам угодно. Вы можете арестовать, расстрелять или повесить меня. Что бы ни случилось, я освобожусь от одолевающей меня гнетущей тревоги. Если вы отвернетесь от меня — отвернется и весь мир. Каждый умирает в одиночку. Я буду действовать согласно вашему ответу»²⁰, — униженно писал он. Но предать родного брата Бала Рао все же не решился или не смог. Достоверных фактов о его дальнейшей судьбе нет. Это письмо было последним известием о нем. Сам Нана с женой и небольшой группой сподвижников решился все же бежать в Непал, где он надеялся скрыться от своих преследователей. 13 апреля 1859 года английский чиновник из Патны (штат Бихар) донес, что его агенты сообщили ему о переходе группы повстанцев в 500 человек у границы Непала. В эти дни Нана Сахиб написал письмо Хоупу Гранту. Это был последний крик возмущения и бессилия.

«Какое вы имеете право оккупировать Индию и объявлять меня вне закона? Кто вам дал право владеть Индией? Кто?! Вы, феринги, господа, а мы воры в нашей собственной стране?»²¹ — с гневной скорбью спрашивал он.

Истории не известно, где нашел свою смерть Нана Сахиб. Он не сдался на милость победителя. Долго еще по стране ходили легенды, что в лесах Непала жил святой отшельник — бывший пешва и борец за независимость Индии.

Окровавленная, растерзанная лежала перед колонизаторами вновь завоеванная Северная Индия. Черная ночь колониального ига вновь опустилась над Индостаном. Но имена погибших за дело освобождения страны героев яркими звездами навсегда остались в памяти народа. Они светили Индии, указывая путь к свободе — путь борьбы и единства. Со злобной жестокостью варваров мстили колонизаторы за свой страх перед восставшим народом, за понесенные ими во время справедливой освободительной войны 1857—1859 годов потери.

Расправу производили без суда и следствия. Вспоминая об операциях в Ауде, один из офицеров английских карательных войск писал: «Вопросов не задавали. Разве не достаточно, что у них темная кожа? Несчастных ждал быстрый конец — кусок веревки, перекинутый через ветку дерева, или пуля в лоб»²².

Английский генерал в Дели приказал при расправах с повстанцами и населением щадить женщин и детей, но офицеры не обращали на приказ никакого внимания. Один из них заявил: «Приказ генерала относительно женщин и детей был ошибкой... ибо они (индийцы. — *П. Ш.*) не люди, а черти или, в лучшем случае, дикие звери, заслуживающие собачьей смерти»²³.

Дикий разгул ничем не обузданного вандализма поощрялся английской администрацией в Индии. Если жестокости, допущенные в отдельных случаях индийцами по отношению к англичанам, были исключением, а суровость восставших — справедливым возмездием за принесенные колониализмом страдания, то варварское уничтожение индийцев в период подавления восстания было ужасающей нормой. Убийства индийцев были не столько мстью за канпурскую трагедию и жестокости, допущенные восставшими в других городах, сколько осуществлением политики сознательного, планомерного физического уничтожения в первую очередь той части населения, которая была способна сопротивляться английским колониальным порядкам впредь. Джон Лоуренс, например, писал, что следует расстреливать всех солдат, «у кого плохой характер, буйство... непочтительное поведение по отношению к офицерам в последнее время перед восстанием и т. п. Если таких не наберется достаточное количество, я присоединил бы к ним старейших солдат. Все она должны быть расстреляны из пушек, что будет наиболее приличествующим способом»²⁴. Лишь некоторые знатные, уважаемые или популярные в Индии руководители движения были преданы суду, а сами суды были попыткой колонизаторов раскрыть движущие причины восстания и выявить недовольных. Среди немногих индийцев, судимых по закону, был Фазл-хак. Колонизаторы, учитывая его большой общественный авторитет, пытались, используя его признание, доказать, что восстание было бунтом «разбойной черни», насильно вовлекшей «достойных граждан» в мятежную стихию. Однако им не удалось добиться желаемых покаяний Фазл-хака. Говоря о написанной им фетве с призывом к священной борьбе против англичан, Фазл-хак с большим гражданским мужеством подтвердил: «Эта фетва справедлива. Я ее написал и сегодня по-прежнему придерживаюсь того же мнения»²⁵.

Обозленные судьи приговорили выдающегося просветителя и поэта к пожизненной ссылке на Андаманские острова.

Жестоко расправляясь с индийскими патриотами, колонизаторы проявляли в то же время известную снисходительность к феодалам, замешанным в восстании, но не игравшим в нем активной роли. Они надеялись таким: путем внести раскол в «туземное» общество. Больше всего английская администрация боялась единства индийцев, и основное внимание после восстания 1857—1859 годов обращалось на противопоставление различных социальных слоев и религиозных общин и каст. Видный деятель колониальной администрации лорд Эльфинстон заявил 14 мая 1859 года: «„Divide et impera“ („разделяй и властвуй!“) было девизом древних римлян, и это должно стать также нашим девизом»²⁶.

Почему индийский народ потерпел поражение? Прежде всего, находящаяся в расцвете своих сил буржуазная Англия была неизмеримо сильнее раздробленной предшествующими колониальными войнами полуфеодальной Индии. В Индии не было социальной силы, способной возглавить освободительную борьбу. Классы буржуазного общества к середине XIX века еще не сложились. Ни феодалы, руководившие восстанием, ни общинное крестьянство, составлявшее его движущую силу, не были носителями новых производственных отношений. Более того, противоречия между руководителями движения и основной массой его участников, имевшие антагонистический характер, неизбежно должны были сказаться на ходе движения. Временный союз этих классов в антианглийской борьбе был непрочен и недолговечен. Когда колонизаторы, опытные политиканы, пошли на определенные уступки феодалам, класс феодалов в целом предал восстание, предал народ. Отдельные народные вожди, выдвинувшиеся в ходе восстания, не имели ни объективных, ни субъективных возможностей для того, чтобы возглавить восстание в целом. В ходе антианглийской борьбы в Индии создались изолированные, не связанные друг с другом очаги восстания. Кроме того, в самих центрах движения восставшие, изгнав англичан с территории своего княжества, из своей деревни или своего города, как правило, придерживались тактики оборончества и не переходили немедленно в наступление. Между тем, как указывал Ф. Энгельс, «Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем»²⁷. Если бы восставшие отказались от оборонительной тактики и, организовав взаимодействие войск отдельных центров восстания, совместно ударили бы по колонизаторам в Пенджабе и Бенгалии, — исход восстания мог быть другим. Оборонительная тактика была тем более губительна, что мобилизация мощного военного потенциала необъятной империи, и в первую очередь ее многочисленных колоний на территории Азии, была для колонизаторов только делом времени.

Важной причиной поражения восстания было также большое тактическое, военно-организационное и техническое превосходство колонизаторов. Действительно, повстанцы могли вести сколько-нибудь грамотные с точки зрения военной науки боевые действия только в масштабе роты. В операциях крупных соединений, определяющих судьбы больших сражений, руководители восставших были беспомощны. Строго говоря, у них и не было фактически даже таких соединений, как дивизия.

Наконец, войска колонизаторов были вооружены скорострельными по тем временам, имеющими хорошую дальность боя ружьями Энфильда и артиллерийскими орудиями, превосходящими орудия повстанцев не только дальностью и калибром, но и особенно маневренностью и хорошей подвижностью. Средневековая феодальная военная техника восставших была против них бессильной. Все это должно было неизбежно привести к поражению восстания, несмотря на патриотизм многих его вождей и смелость и самоотверженность его рядовых участников.

На этот раз индийскому народу не удалось сбросить колониальное иго. По-прежнему горький труд не приносил индийцам ни благополучия, ни радости. По-прежнему английская буржуазия вывозила из Индии богатства, а индийский народ жил в горе и нищете.

Кто же выиграл в конечном счете в двухлетней борьбе? Выиграла английская промышленная буржуазия, которая после ликвидации Ост-Индской компании — организации торговой буржуазии — получила возможность безраздельно господствовать в Индии. Выиграли в какой-то мере и индийские князья и феодалы, спасенные восстанием от полного уничтожения колонизаторами, сохранившие, а многие и восстановившие свои утраченные ранее права и привилегии.

Но это был лишь временный итог событий 1857—1859 годов. Нельзя забывать о том, что в ходе этой великой освободительной войны народ Индии впервые осознал могучую силу своего единства вне зависимости от религиозных, кастовых и языковых различий. У индийцев возникло сознание собственной силы, понимание возможности победоносного исхода борьбы против чужеземного ига. Отзвуки драматических и грозных событий 1857

года озарили своим пламенем будущее становление независимых Индии и Пакистана, народы которых в августе 1947 года стали на путь суверенного развития.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ИМЕН И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Акбар (1542—1605)—третий император из династии Великих Моголов. Значительно расширил империю. Установил новое административное деление, ввел единую систему налогового обложения крестьянства и провел другие важные реформы.

Атта — мука грубого помола.

Бегум — супруга мусульманского князя в Индии. Жена наваба Ауда.

Белуджи — народность, населяющая Северо-Западный Индостан, Афганистан и Иран. В 1843 г. белуджи Синда подняли восстание против Ост-Индской компании, но были разбиты, а Синд был присоединен к Британской Индии.

Бенгалия, Бенгал — историческая и географическая область расселения народа бенгальцев, расположена на северо-востоке Индостана, примыкает к Бенгальскому заливу. В 1575 г. Бенгалия была завоевана Великими Моголами. В начале XVIII в. на территории Бенгалии и прилегающих областей возникло самостоятельное государство со столицей в Муршидабаде. Ост-Индская компания основала в Бенгалии свой военно-торговый форт Калькутту в 1690 г.

Бигх — земельная мера в Индии, 1 бигх равен примерно 1/4 гектара

Бихар — область на северо-востоке Индии, главный город Патна. В XVI—XVII вв. входил в империю Великих Моголов, в XVIII в. — в Бенгальское государство. В 1757—1765 гг. был захвачен английской Ост-Индской компанией.

Брахманы — жреческое сословие в древней Индии. С оформлением сословно-кастового строя брахманы заняли высшее место в кастовой иерархии последователей индуизма.

Бунгало — коттедж-особняк европейца в Индии.

Бунделкханд — историческое наименование области, расположенной к югу от р. Джамны. Центр — г. Джханси.

Вазир — высший сановник в мусульманских государствах феодальной Индии и некоторых других странах Ближнего и Среднего Востока.

Великие Моголы — династия индийских императоров (1526—1857), созданная завоевателями тюркского происхождения, вторгшимися в Индию в начале XVI в. из Средней Азии. Великий Могол — титул, данный европейцами правителям могольской империи, которые называли себя падишахами. В глазах современников основателю могольской империи были потомками монгольских завоевателей, отсюда и название «моголы». Наибольшего расцвета и могущества могольская держава достигла к середине XVII в., когда в нее вошла большая часть Индии и часть Афганистана.

Викрамадитья (Викрамакешарин) — популярный герой древнеиндийского фольклора. Викрамадитья у индусов олицетворяет государственную мудрость.

Видхи — одно из имен Брахмы, творца мира, первого из божественной триады индуистского пантеона (Брахма, Шива и Вишну).

Виктория (1819—1901) — английская королева с 1837 по 1901 г. Период ее правления ознаменовался многочисленными колониальными войнами и расширением Британской империи. В 1876 г. Виктория была провозглашена императрицей Индии.

Вишну — бог солнца, хранитель всего живого. Один из трех главных божеств индуистского пантеона (Брахма — творец, Шива — разрушитель). Имеет ряд воплощений (Рама, Кришна и т. д.).

Гвалиур — княжество в Центральной Индии, входило в состав государства Великих Моголов. В 1724 г. Гвалиур был захвачен маратхами. В результате второй англо-маратхской войны 1803 — 1805 гг. Гвалиур попал в вассальную зависимость от Ост-Индской компании.

Гурки (гуркхи) — условное название наемников англо-индийской армии, завербованных среди племен Непала.

Дальхузи Джеймс Эндрю (1812—1860) — генерал-губернатор Индии в 1848—1856 гг., с именем которого связаны многочисленные колониальные войны в Индии и лишение суверенитета ряда независимых княжеств на территории Индостана. (Сатара — 1848 г., Пенджаб—1849, Нагпур и Джханси—1853, Ауд — 1856 г. и т. д.).

Дарбар — торжественный прием при дворе крупного индийского феодала, совет высших сановников княжества.

Деванагари — древнее индийское слоговое письмо, которым написаны памятники санскритской литературы; некоторые новые индийские языки (например, хинди — государственный язык Республики Индии) пользуются им и теперь.

Дервиш — странствующий мусульманский монах.

Джагирдар — феодал, владеющий джагиром.

Джагир — имение, пожалованное феодалу за несение службы в империи Великих Моголов. С распадом империи джагиры стали передаваться феодалами по наследству. В колониальной Индии — надел земли, с которого феодал собирал налог с крестьян для себя.

Джи — приставка к имени, означающая почтение, уважение.

Диван — министр или высокопоставленный чиновник княжества.

Дистрикт — основная единица административно-территориального деления в колониальной Индии. В Северо-Западных провинциях размер дистрикта равнялся примерно 2300 кв. миль. Население около 750 тыс. человек, а сумма взимаемого с него валового земельного налога достигала 130 тыс. фунтов стерлингов. Во главе дистрикта стоял коллектор.

Доаб (Двуречье) — территория в Индии между реками Ганг и Джамна.

Заминдар — при империи Великих Моголов — феодал, главным образом из индусов, за которым сохранялось право на наследственное держание земли.

Кази — судья или служащий суда в мусульманских княжествах феодальной Индии.

Карнатак (Карнатик) — территория между Восточными Гатами и Коромандельским побережьем, населенная тамиллами. В первой половине XVIII в. на территории Карнатака образовалось самостоятельное навабство со столицей в г. Аркот. В 1746—1754 гг. за Карпатах шла упорная борьба между французской и английской Ост-Индскими компаниями. В 1801 г. англичане взяли Аркот (в этих боях отличился Роберт Клайв) и присоединили Карнатак к владениям Ост-Индской компании, включив его в Мадрасское президентство.

Коллектор — английский колониальный чиновник, стоявший во главе дистрикта. В ведении коллектора находились вопросы общей администрации, сбора налогов, руководство полицией и деятельность, связанная с поддержанием порядка. Коллектор обладал также судебными полномочиями в вопросах, связанных с получением земельного налога и земельной собственности. Под руководством коллектора работал штат чиновников 150—300 человек.

Контрольный Совет — учрежденный в 1784 г. орган английского правительства по наблюдению за деятельностью Совета директоров Ост-Индской компании. Без санкции Контрольного Совета не решались вопросы управления Индией, распределения доходов и т. д. Его состав назначался английской короной, а председатель входил в состав кабинета министров. По существу Контрольный Совет являлся верховным органом по управлению Индией, осуществлявшим надзор за тем, чтобы действия Совета директоров Ост-Индской компании не расходились с интересами всей английской буржуазии. Рабочим органом Контрольного Совета, вершившим важнейшие политические дела, был Тайный Совет, в который входили: президент Контрольного Совета, председатель Совета директоров Ост-Индской компании, его заместитель и старший директор.

Котвал — начальник полиции.

Кос — мера длины, равная примерно 3,5 км.

Кшатрии — большая группа (варна), объединяющая воинские индусские касты.

Лакх—100000.

Майсур — княжество на юге Индии, населенное народом каннара.

Мангал — глиняный очаг для приготовления пищи.

Манго — род южноазиатских плодовых деревьев. Плоды манго отличаются приятным вкусом.

Маратхи — народность, населяющая северо-западную часть Декана. Вели длительные войны против государства Великих Моголов. Маратхское государство представляло конфедерацию княжеств, номинальным главой которой был правитель Пуны, имевший титул пешвы. Обескровленное многочисленными войнами и внутренними распрями феодалов государство маратхов было подчинено Ост-Индской компанией.

Маулави — священник, знаток религиозных трактатов у мусульман. Присоединяется к имени в качестве почетного титула.

Махавира — мифический герой, носящий почетное имя Джинна (победитель). Махавира считается основателем религиозного течения джайнизма.

Махараджа — титул индусского князя в Индии.

Наваб — наместник делийского императора, позднее титул мусульманских правителей, обособившихся от империи Великих Моголов. После покорения Индии англичанами чиновники Ост-Индской компании назначали и смещали навабов по своему усмотрению.

Махарани — титул индусской княгини в Индии.

Махараштра — населенная маратхами территория на западе Индии. На территории Махараштры в XVII в. сложилось сильное государство, во главе с пешвой Шиваджи. Маратхское государство вело многочисленные войны с Великими Моголами. В результате трех англо-маратхских войн в 1818 г. Махараштра была завоевана войсками английских колонизаторов.

Муджахиды — члены общества «Борцы за веру» — антианглийской организации, действовавшей в Северной Индии в первой половине XIX в. и руководимой представителями мусульманских феодальных образованных кругов. Целью общества был призыв к священной борьбе против неверных чужеземцев широких народных масс мусульман, а также проведение ряда социальных реформ, направленных на улучшение их положения. Некоторые западные ученые движение муджахидов не точно называют ваххабитским.

Надир-шах (Тахмасп-кули-хан) (1688—1747) — персидский шах (1736—1747). Предпринимал многочисленные завоевательные походы. В 1739 г. Надир-шах вторгся в Индию. Захватив Дели, он разграбил и разрушил город, после чего возвратился в Иран.

Низам — титул правителя крупнейшего в Индии княжества Хайдарабад.

Пандит — почетный титул, присваивавшийся индусам с богословским образованием, священнослужитель в храме индусов.

Паргана — административно-территориальная единица, составляющая часть дистрикта (округ).

Патаны — индийское название воинственных афганских племен, живущих в северо-западной части Индостана. Небольшие группы патанов живут в Пенджабе, Белуджистане, Рохилкхане и др. местах Индии.

Пенджаб — область в Северо-Западной Индии, основное население пенджабцы. Пенджаб был покорен английскими колонизаторами в результате их войн с сикхами (1845—1846, 1848—1849 гг.). В результате первой войны (1845—1846 гг.) сикхские феодалы признали себя вассалами Компании. В результате второй (1848—1849 гг.) — сикхи были окончательно покорены. Завоеванием Пенджаба в 1849 г. завершилось превращение Индии в английскую колонию.

Пешва — титул первого министра в государстве маратхов. С 20-х годов XVIII в. пешвы фактически сделались главой государства и стояли у власти до 1818 г. Последний

пешва Баджи Рао II потерпел поражение в 1817 г., и его владения были аннексированы английскими колонизаторами.

Раджа — титул крупного влиятельного феодала, индусский князь.

Раджпутана — или Раджастхан — название области, расположенной в северо-западной части Индии, населенной раджастханцами. Центр г. Джайпур. Во второй половине XVI в. раджпутанские княжества были завоеваны Великими Моголами. В первой половине XVIII в. маоэти отторгли Раджпутану от Могольской империи. В 1817—1818 гг. англичане разбили маратхов и образовали на территории Раджпутаны ряд мелких вассальных княжеств, зависимых от Ост-Индской компании.

Раджпуты — высшая каста воинов в Северной, Западной и Центральной Индии. Термин «раджпут» появился в раннем средневековье и означал сначала «сын раджи». Раджпуты объединялись в кланы, состоявшие из военных вождей и рядовых общинников. Вожди со своими отрядами поступали на военную службу к крупным феодалам.

Райат — индийский крестьянин, до введения английскими колонизаторами новых земельно-налоговых законов в конце XVIII — первой половине XIX в. и разрушения ими индийской общины — полноправный общинник. После реформ — арендатор земли у помещика — заминдара.

Рама — легендарный герой эпической поэмы «Рамаяна», почитаемый у индусов как воплощение бога Вишну.

«Рамаяна» или «Море подвигов Рамы» — героическая поэма классика индийской литературы Тулси Даса (1532—1642), созданная по мотивам древнеиндийского народного эпоса. В «Рамаяне» описываются подвиги мифического героя Рамы, преданность и любовь его супруги Ситы.

Ранджит Сингх (1780—1839) — правитель Пенджаба, объединивший под своей властью ряд сикхских княжеств и создавший к началу XIX в. сильное государство, которое успешно противостояло нашествиям афганских завоевателей и длительное время оказывало ожесточенное сопротивление войскам английских колонизаторов. Только после смерти Ранджит Сингха (1839) и начавшихся после него распрей между сикхскими феодалами англичанам удалось покорить Пенджаб.

Рани — титул индусской княгини в Индии.

Рохиллы — воинская каста поселенцев, происходившая из афганского племени юсуфзаев, обосновавшаяся в области, расположенной к северо-востоку от Дели. Рохиллы появились в Северной Индии в качестве наемных солдат в XVII в. Впоследствии они образовали значительный слой мелких и средних феодальных землевладельцев. Земельно-налоговая политика английских колонизаторов середины XIX в. нанесла серьезный удар по землевладению рохиллов.

Рупия — основная денежная единица в Индии.

Саранджар — титул феодала в Южной Индии.

Сахиб — «господин», почтительное обращение к уважаемым людям или знатным особам. Распространенное ранее обращение к европейцам в Индии.

Сварадж — букв. «свое правление», независимость.

Сикхи — религиозная секта в Пенджабе, возникшая в XVI в. в качестве ереси индуизма. В XVII—XVIII вв. сикхи возглавляли антифеодальные восстания крестьян против династии Великих Моголов. В XVIII в. основали независимое государство. В дальнейшем среди самих сикхов выделилась феодальная верхушка. В 1849 г. государство сикхов было завоевано Ост-Индской компанией. Во время первой национальной войны индийского народа за независимость 1857—1859 гг. сикхская феодальная знать приняла участие в подавлении народного восстания,

Синд — область в Северо-Западной Индии, коренное население белуджи.

Сипаи — наемные войска в Индии, вербовавшиеся с середины XVIII в. из местных жителей французскими и английскими колонизаторами.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — русский генерал, известный своими победами во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1880—1881 гг. М. Д. Скобелев командовал русскими войсками в Туркменистане.

Субадар — офицерское звание у индийцев, соответствующее капитану у англичан, высший чин, до которого мог дослужиться индеец в англо-индийской колониальной армии. Субадар занимал должность командира роты сипаев.

Субалтерн — первый офицерский чин в англо-индийской армии.

Такхсил — административно-налоговый район.

Талукдар — владелец крупного земельного надела, феодальный по-мешик.

Тальвар — меч.

Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель. В 1398/99 г. — вторгся в Северную Индию. Завоевания Тимура сопровождались жестоким истреблением покоренных народов и разорением их стран. Мусульманские правители Индии считали себя потомками Тимура.

Типу Султан (? — ум. в 1799 г.) — правитель княжества Майсур, герой борьбы майсурцев против войск английских колонизаторов. Создал сильную армию и пытался образовать коалицию антианглийских сил. Убит в бою во время четвертой англо-майсурской войны.

Улемы — высшее сословие мусульманских богословов и законовевов.

Урду — литературный язык, развившийся на основе одного из диалектов языка хиндустани.

Факир — странствующий монах у индийских мусульман.

Феринги — иноверцы, чужеземцы, презрительная кличка англичан в Индии.

Фетва — решение высшего мусульманского духовного лица о соответствии определенного действия требованиям Корана или другим догматам ислама.

Фирман — императорский указ мусульманских государств феодальной Индии.

Хайдар Али (1702—1782)—правитель княжества Майсур с 1761 по 1782 г. В результате ряда войн объединил территорию Юга Индии, населенную народом каннара. Вел решительную борьбу против английских колонизаторов. Погиб в бою с войсками английской Ост-Индской компании.

Хауда — сооружение в виде кабинки, размещаемое на спине слона, в котором сидели знатные индийцы во время выездов, прогулок или путешествий.

Хинди — один из новоиндийских языков. Распространен в Северной Индии. В настоящее время хинди наряду с английским языком является государственным языком Республики Индии.

Хиндустани — язык хиндустанцев, населяющих Гангскую долину от Пенджаба до Бихара. Имеет две литературные формы: хинди и урду.

Хон — денежная единица.

Хумаюн, Насир-ад-дин (1508—1556)—падишах Индии в 1530—1539 и 1555—1556 гг.

Чapati — пресные лепешки из пшеничной муки грубого помола.

Чаукидар — староста, сборщик налогов в индийской деревне.

Шараф-уд-даула — главный вазир повстанческого правительства княжества Ауд во время восстания 1857—1859 гг.

Шиваджи (1627—1680) — национальный герой маратхов, возглавивший борьбу маратхского народа против Великих Моголов. В результате этой борьбы возглавляемые Шиваджи маратхи одержали победу и образовали независимое государство со столицей в Пуне (1674 г.). Первым пешвой маратхского государства стал Шиваджи.

Шримант — господин, форма вежливого, уважительного обращения.

Эмир — титул, принятый на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху арабского завоевания крупными военачальниками, а затем и феодальными правителями. Титул эмиров носили правители Афганистана (до 1926 г.) и некоторых мусульманских княжеств Индии.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Предисловие

- ¹ «Письмо Маркса — Энгельсу 14 янв. 1858 г.», — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 29, стр. 212.
² П. Н. Пашино, *Вокруг света*, т. I. *По Индии. Путевые впечатления*, СПб., 1885, стр. 176—177.
³ И. П. Минаев, *Дневники путешествий в Индию и Бирму*, М., 1955, стр. 58.
⁴ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, Lucknow, 1961, p. 469.

Глава 1. Накануне

- ¹ П. Датт, *Индия сегодня*, М., 1948, стр. 23.
² «Новая история стран зарубежного Востока», ч. 1, М., 1952, стр. 172.
³ П. Датт, *Индия сегодня*, стр. 110.
⁴ Г. Вызинский, *Настоящее и будущее английской Индии*, — «Русский вестник», январь 1858, кн. 2, стр. 268.
⁵ H. Wadia and S. Merchant, *Our economic problem*, Bombay, 1954, p. 379.
⁶ П. Датт, *Индия сегодня*, стр. 211.
⁷ «Report on the revenue settlement of the North-West provinces of the Bengal presidency under regulation IX 1833», vol. II, pt 1, Benares, 1862, p. 365.
⁸ «Новая история в документах и материалах», М., 1934, стр. 127.
⁹ И. М. Рейснер, *Очерк классовой борьбы в Индии*, М., 1932, стр. 61.
¹⁰ Там же.
¹¹ R. C. Dutt, *The economic history of India in the Victorian age*, London, [s. a.], p. 43.
¹² Нарахари Кабирадж, *Национально-освободительное движение в Бенгалии*, М., 1956, стр. 41.
¹³ A. Mehta, *1857. The great rebellion*, Bombay, 1946, p. 19.
¹⁴ К. Маркс, *Русско-турецкие осложнения*. — *Ост-индский вопрос*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 204.
¹⁵ R. Muir, *The making of British India (1756—1858)*, Manchester, 1923, p. 351.
¹⁶ Нарахари Кабирадж, *Национально-освободительное движение в Бенгалии*, стр. 47.
¹⁷ К. Маркс, *Индийский вопрос*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 254.
¹⁸ I. Crossley, *The garden of India, or chapters of Audh history*, London, 1880, p. 171.
¹⁹ «Privates letters of marquise Dalhouse», Ed. by Baird. p. 402.
²⁰ Ibid., p. 369.
²¹ Ibid., p. 402.
²² П. Баршу, *Индия под английским владычеством*, т. II, М., 1848, стр. 6, 7.
²³ W. H. Sleeman, *Rembles and recotactions of an Indian official*, vol. I, London. 1893, p. 442.
²⁴ G. B. Malleson, *The Indian mutiny of 1857—58*, vol. I, London, 1879, p. 15.
²⁵ П. Баршу, *Индия под английским владычеством*, т. II, стр. 51.
²⁶ J. Bryne, *British opinion and the Indian revolt. Rebellion 1857. A simposium*, Delhi. 1957, p. 296.
²⁷ К. Маркс, *Индийское восстание*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 296.
²⁸ R. Ch. Dutt, *England and India*, London, 1897, p. 86.
²⁹ J. W. Kaye, *A history of the sepooy war in India 1857—1858*, London, 1865—1870, vol. I. p. 632.
³⁰ A. Mehta, *1857. The great rebellion*, p. 25.
³¹ В. Москалев, *Сипайское восстание в Индии в 1857 г.*, — «Исторический журнал», 1937, № 9, стр. 49.
³² Ф. С. Робертс (Кандагарский), *Сорок один год в Индии*, СПб., 1902, стр. 50.

- ³³ К. И. Львович, *Очерк возмущения сипаев в Ост-Индии*, — «Военный сборник», СПб., 1858, № 3, стр. 118.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ «Cawnpore. A gazetteer», vol. XIX, Allahabad, 1909, p. 95.
- ³⁶ А. М. Осипов, *Крестьянство Северо-Западных провинций накануне восстания 1857—59 гг.*, — Сб. «Народное восстание в Индии. 1857—1859 гг.», М., 1957, стр. 103.
- ³⁷ S. N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, Delhi, 1957, p. 122.
- ³⁸ J. W. Keye, *A history of the sepoy war...*, vol. I, p. 101.
- ³⁹ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, Bombay, 1947, pp. 31—32.
- ⁴⁰ Ibid., p. 33.
- ⁴¹ S N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, p. 127.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid., p. 123.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid., p. 268.
- ⁴⁶ В. Варва, *Рухахатичу*, М., 1959. стр. 127.
- ⁴⁷ E. De Velbezen, *Les Anglais et l'Inde*, Paris, 1875, p. 26.

Глава II. Пламя над страной

- ¹ Ф. С. Робертс (Кандагарский), *Сорок один год в Индии*, СПб., 1902, стр. 54.
- ² В. Москалев, *Сипайское восстание в Индии в 1857 г.*, — «Исторический журнал», 1937, № 9, стр. 50.
- ³ К. М. Ашраф, *Представители мусульманского возрождения и события 1857 г.*, — «Народное восстание в Индии. 1857—1859 гг.», М., 1957, стр. 142.
- ⁴ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, Bombay, 1947, p. 8.
- ⁵ R. Hilton, *The Indian mutiny*. London, 1957, p. 40.
- ⁶ А. М. Осипов, *Великое восстание в Индии 1857—1859 гг.*, М. 1957, стр. 75.
- ⁷ «The sessional papers printed by order of the House of Lords. Sessional 1857», vol. XII, p. 419.
- ⁸ J. L. Morison, *Lawrence in Lucknow. 1806—1857* London 1934 p. 304.
- ⁹ Ibid., p. 305.
- ¹⁰ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance* p. 93.
- ¹¹ S. N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, Delhi, 1957, p. 31.
- ¹² W. Hunter, *The Indian muslimans*, London, 1872, p. 109.
- ¹³ Satindra Singh, *Political organisation of the Indian mutineers*, — «Indian journal of political science», vol. VIII January— March 1947, № 3, p. 753.
- ¹⁴ С. Китчлу, *Историческое восстание*, — «Огонек», 1957, № 20, стр. 7.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ A. Mehta, *1857. The great rebellion*, Bombay, 1946, p. 10.
- ¹⁷ W. D. Savarcар, *The Indian war of independence*, pp. 8—9.
- ¹⁸ T. Khaldun, *The great rebellion. Rebellion 1857. A symposium*, Delhi. 1957, p. 48.
- ¹⁹ Satindra Singh, *Political organisation...*, p. 755.
- ²⁰ К. Маркс, *Известия из Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 259.
- ²¹ Ф. С. Робертс (Кандагарский), *Сорок один год в Индии*, стр. 64.
- ²² Там же, стр. 65.
- ²³ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war in India 1857—1858*, London, 1865—1870, vol. I. p. 606.
- ²⁴ «Mutinies in the East Indies suplement presented to both House of parliement by command of her majesty», London. 1857, p. 2.
- ²⁵ Н. И. Семенова, *Пенджаб в период народного восстания в Индии 1857—1859 гг.*, — Сб. «Индия (статьи по истории)», М., 1959, стр. 144.
- ²⁶ W. N. Fitchet, *The tale of the great mutiny*, London, 191 f, p. 88.
- ²⁷ S. N. Sen. *Eighteen fifty-seven*, Delhi, 1957, p. 31.

- ²⁸ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny reviewed and illustrated from original documents*, Edinburg—London, 1904—1912, p. 145.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ S. N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, p. 130.
- ³¹ «The sessional papers...», p. 545.
- ³² A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, Lucknow, 1961, p. 392.
- ³³ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 217.
- ³⁴ «The sessional papers...», p. 554.
- ³⁵ Ibid., p. 556.
- ³⁶ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 219.
- ³⁷ G. W. Forrest, *History of Indian mutiny...*, vol. II, p. 31.
- ³⁸ Ibid., p. 110.
- ³⁹ R. Hilton, *The Indian mutiny*, London, 1957, p. 87.
- ⁴⁰ M. Thomson, *The story of Cawnpore*, London, 1859, p. 33.
- ⁴¹ R. Holmes, *A history of Indian rebellion*, London, 1898, p. 224.
- ⁴² W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 221.
- ⁴³ G. O. Trevelyan, *Cawnpore*, London, 1910, p. 140.
- ⁴⁴ G. W. Forrest, *History of Indian mutiny...*, vol. III, Appendix.
- ⁴⁵ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 675.
- ⁴⁶ «The Indian mutiny to the evacuation of Lucknow and memoir of general Havelok», London, 1858, p. 127.
- ⁴⁷ S. A. Rizwi, *Communal relations during the struggle of 1857*, — «Hidustan times», 15.VIII.1957.
- ⁴⁸ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 9.
- ⁴⁹ Дж. Неру, *Открытие Индии*, М., 1956, стр. 346—347.
- ⁵⁰ «Новая история Индии», М., 1961, стр. 292.
- ⁵¹ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny...*, vol. II, p. 170.
- ⁵² G. O. Trevelyan, *Cawnpore*, p. 156.
- ⁵³ C. W. Forrest, *History of Indian mutiny...*, vol. II, p. 40.
- ⁵⁴ G. B. Malleson, *The Indian mutiny of 1857*, London, 1891, p. 141.
- ⁵⁵ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. III, p. 4.
- ⁵⁶ Ibid., vol. II, pp. 236—237.
- ⁵⁷ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, p. 393.
- ⁵⁸ К. Маркс, *Индийское восстание*, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 297—298.
- ⁵⁹ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, pp. 269 — 270.
- ⁶⁰ L. Cooper, *Life of Havelock*, London, 1957, p. 108.
- ⁶¹ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, p. 233.
- ⁶² W. N. Fitchet, *The Indian mutiny 1857—58*, London, 1902, p. 106.
- ⁶³ «The Indian mutiny to the evacuation of Lucknow Calcutta and a memoir of general HavHock», Compiled by a former editor of the «Delhi gazette», London, 1958, p. 125.
- ⁶⁴ G. B. Malleson, *The Indian mutiny...*, p. 172.
- ⁶⁵ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 673.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ G. O. Trevelyan, *Cawnpore...*, pp. 226—227.
- ⁶⁹ J. W. Kave, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 674.
- ⁷⁰ Ibid., p. 673.
- ⁷¹ Ibid., p. 672.
- ⁷² G. W. Forrest, *History of Indian mutiny...*, vol. II, p.158.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 674.
- ⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny...*, vol. II, p. 160.

⁷⁷ Ibid., p. 159.

Глава III. Закат

¹ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny reviewed and illustrated from original documents*, vol. II, Edinburg — London, 1904 — 1912, p. 77.

² J. W. Kaye, *A history of the sepoy war in India, 1857—1858*, vol. II, London. 1865—1870.

³ А. М. Осипов, *Великое восстание в Индии 1857—1859 гг.*, М., 1957, стр. 96.

⁴ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II. p. 368.

⁵ Ibid., p. 369.

⁶ Ibid., p. 675.

⁷ Ibid., p. 676.

⁸ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny...*, vol. II, p. 97.

⁹ «Sessional papers printed by order of House of Lords Session 1857», vol. XII, p. 851.

¹⁰ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 388.

¹¹ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, Lucnow, 1961, p. 296.

¹² G. O. Trevelyan, *Cawnpore*, London, 1865, pp. 273—274.

¹³ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, Bombay 1947, p. 311.

¹⁴ А. М. Осипов, *Великое восстание в Индии...*, стр. 87—88.

¹⁵ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. II, p. 403.

¹⁶ А. М. Осипов, *Великое восстание в Индии...*, стр. 115.

¹⁷ W. Edwards, *Personal adventures during the Indian rebellion*, London, 1858, pp. 175—176.

¹⁸ Ф. С. Робертс (Кандагарский), *Сорок один год в Индии*, СПб., 1902, стр. 133.

¹⁹ G. W. Malleson, *The Indian mutiny of 1857*, London, 1891, p. 337.

²⁰ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, pp. 301—302.

²¹ К. Маркс, *Восстание в Индии*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 317.

²² A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, p. 302.

²³ Ibid., p. 455.

²⁴ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 360.

²⁵ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny...*, vol. II. p. 127.

²⁶ «Privates letters of marquise Dalhouse», Ed by Baird, p. 254.

²⁷ J. W. Kaye and G. W. Malleson, *History of the Indian mutiny of 1857—58*, vol. I, London, 1888—1889, p. 310.

²⁸ G. W. Forrest, *History of the Indian mutiny...*, vol. II, p. 169.

²⁹ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 355.

³⁰ Ibid., pp. 361—362.

³¹ P. C. Joshi, *1857 in our history, Rebellion 1857. A symposium*, Calcutta, 1957, pp. 123—124.

³² «Новая история в документах», т. II., М., 1934, стр. 132.

³³ Ф. С. Робертс (Кандагарский), *Сорок один год в Индии*, стр. 138.

³⁴ А. М. Осипов, *Великое восстание в Индии...*, стр. 109—110.

³⁵ E. Thomson, *The other side of medal*, London, 1925, p. 65.

³⁶ S. N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, Calcutta, 1957, pp. 261—262.

³⁷ Ruutz Rees, *Personal narrative of siege of Lucknow*, London, 1858, p. 217.

³⁸ «Records of the intelligence department of the government of the North-West provinces of India during the mutiny of 1857», vol. II, Edinburg, 1902, p. 115.

³⁹ Ibid., p. 326.

⁴⁰ W. Russel, *My diary in India*, London, 1861, Appendix.

⁴¹ Ф. Энгельс, *Поражение Уиндохема*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 397.

⁴² Там же, стр. 398.

⁴³ «Records of the intelligence department...», p. 329.

- ⁴⁴ Ф. Энгельс, *Подробности штурма Лакхнау*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 481.
- ⁴⁵ Ф. Энгельс, *Война с маврами*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 13, стр. 580.
- ⁴⁶ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 444.
- ⁴⁷ W. Russel, *My diary...*, p. 360.
- ⁴⁸ N. Chaterji, *Lord Ellenborough and talugdars of Ough*, — «Journal of India history», Madras, April 1937, p. 82.
- ⁴⁹ Цит. по: К. Маркс, *Аннексия Ауда*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 484.
- ⁵⁰ Там же, стр. 485.
- ⁵¹ N. Chaterji, *Lord Ellenborough...*, p. 82.
- ⁵² R. C. Majumdar, *The sepoy mutiny and revolt of 1857*, Delhi, 1957. p. 224.
- ⁵³ Г. Г. Котовский, *Аграрная политика английских колонизаторов в Индии в 60-е годы XIX века (К. социально-политическим итогам народного восстания 1857—1859 гг.)*, — «Народное восстание в Индии. 1857—1859 гг.», М., 1957, стр. 283.
- ⁵⁴ Ф. Энгельс, *Восстание в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 591.
- ⁵⁵ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 456.
- ⁵⁶ Ibid., p. 508.
- ⁵⁷ B. Hardas, *7557 to 1947. Armed struggle for freedom*, Poona, 1958. pp. 465—466.

Глава IV. Звезды в ночи

- ¹ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war in India, 1857—1858*, vol. III, London, 1865—1870, p. 370.
- ² «The sessional papers printed by order of the House of Lords. Session 1857», vol. XII, p. 414.
- ³ J. W. Kaye, *A history of the sepoy war...*, vol. III, p. 209.
- ⁴ «Records of intellegence department of the government of North-West provinces of India during the mutiny of 1857», vol. VI, Edinburg, 1902, p. 321.
- ⁵ И. М. Рейснер, *Очерки классовой борьбы в Индии*, М., 1932, стр. 75.
- ⁶ R. S. Majumdar, *The sepoy mutiny and revolt of 1857*, Delhi, 1957, p. 165.
- ⁷ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, Bombay, 1947, p. 484.
- ⁸ R. S. Majumdar, *The sepoy mutiny...*, p. 188.
- ⁹ W. D. Savarcар, *The revolutionary war of 1857 was a struggle for emancipation. Religions as well as political*, — ISCUS, vol. IV, August 1957, № 3, p. 14.
- ¹⁰ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 32.
- ¹¹ W. D. Savarcар, *The revolutionary war of 1857 was a struggle for emancipation...*, p. 15.
- ¹² W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, p. 539.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ К. Маркс, *Новые разоблачения в Англии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. II, стр. 551.
- ¹⁵ P. E Roberts. *History of British India under the company ana the grown*, pt 11, London—Oxford, 1952, p. 388.
- ¹⁶ «Speeches and documents on Indian policy (1750—1921)», vol. I, Oxford, 1922, p. 383.
- ¹⁷ W. D. Savarcар, *The Indian war of independance*, pp. 518—519.
- ¹⁸ A. S. Misra, *Nona Saheb peshwa*, Lucknow, 1961, p. 460.
- ¹⁹ Ibid., p. 461.
- ²⁰ S. N. Sen, *Eighteen fifty-seven*, Delhi, 1957, pp. 396—397.
- ²¹ A. S. Misra, *Nana Saheb peshwa*, p. 464.
- ²² L. Magendie, *Up among the pandies*, London, 1859, pp. 195—196.
- ²³ Р. С. Мазумдар, *Бесчинства в Дели в 1857 г.*, — «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», М., 1957, стр. 216.

²⁴ Е. Thomson, *The other side of the medal*, London, 1925, p. 39.

²⁵ Л. Р. Гордон-Полонская, *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*, М., 1963, стр. 87.

²⁶ Л. Датт, *Индия сегодня*, М., 1948, стр. 448.

²⁷ Ф. Энгельс, *Революция и контрреволюция в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 8, стр. 100.

Петр Михайлович Шаститко

НАНА САХИБ

(Рассказ о народном восстании 1857—1859 гг. в Индии)

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор В. Л. Резников

Художник Б. В. Шварц

Технический редактор Л. Т. Михлина

Корректоры Л. И. Романова и В. Ф. Широкова

Сдано в набор 10/XI 1966г. Подписано к печати 6/III 1967 г. А 00630.

Формат 84X108 1/32. Печ. л. 5,25. Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,85. Бум. № 1.

Тираж 15 000 экз. Изд. № 1643. Зак. № 1508. Цена 56 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография изд-ва «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4